

АЛЕКСАНДР  
Финогеев

*Вечерний*  
БРИЗ

АЛЕКСАНДР  
Финогеев





Александр ФИНОГЕЕВ

# Вечерний БРИЗ

*Повести и рассказы*

Николаев · «Илион» · 2021

УДК 821.161.1(477)  
ББК 84-4  
Ф 60

Художник иллюстраций к сказке: ВАЛЕРИЙ КОРЖЕНКО  
Фото на обложке: ВЯЧЕСЛАВ БУНТИН

**Финогеев А.**

Ф 60 Вечерний бриз : повести и рассказы / Александр Финогеев. — Николаев : Илион, 2021. — 264 с.

ISBN 978-617-534-609-9

В десятую книгу известного николаевского писателя вошли новые произведения, потрясающие искренностью человеческого самовыражения. Живая жизнь, блестяще очерченные характеры, детали быта удивительным образом притягивают к себе, вовлекая в поток событий. Как истинный профессионал, он достоверно, восторженно, со знанием дела описывает суровые будни морской службы, при этом демонстрируя изящный юмор, что вызывает у читателя то хохот, то ироническую улыбку. Читатель снова встречается с Олей – озорной, смешной, шkodливой, но при этом справедливой и искренней девчонкой. Впервые автором представлено драматическое произведение – сказка для взрослых.

Ярко и достоверно выписанные образы и события заставляют читателя с нетерпением ждать новой встречи.

УДК 821.161.1(477)  
ББК 84-4

ISBN 978-617-534-609-9

© Финогеев А., 2021

*Автор выражает  
искреннюю и сердечную благодарность  
своим друзьям за оказанную финансовую помощь  
в издании этой книги:*

*Полковникам медицинской службы:  
Дармаеву Андрею Дашиевичу,  
Чичкалюку Валерию Александровичу,  
Шагову Василию Семеновичу,  
Симонову Александру Михайловичу,  
Шакуле Александру Васильевичу,  
Алексанину Николаю Сергеевичу.*

*Капитану 2 ранга:  
Плехову Петру Ивановичу.*

*Милым и дорогим поклонницам моего творчества:  
Зуйковой Лидии Яковлевне,  
Федоровой Лидии Александровне.*

*Будьте, мои хорошие, всегда здоровы и счастливы.  
Живите долго! Берегите себя!!!  
Земной всем поклон.*



**Я, ТЫ,  
ОН, ОНА,  
ВМЕСТЕ...**



## ВЫХОД В ЛЮДИ

На горизонте четко проступали выборы.

Ну и меня, значит, в комиссию пригласили, мол, чё он целый день за компьютером сидит, рассказы пописывает, бумагу марают. Типа, засиделся уже – бледный, худой, ни дать ни взять – Кощей Бессмертный. Мол, пусть потрется, с народом пообщается, глядишь, и краска на щеках забрызжет.

А я чё, я ничё.

Да, действительно засиделся – бледный, худой, ни дать ни взять – Кощей Бессмертный.

Ходил до этого заросший, страшный, свету белого почти не видел, рассказы писал, бумагу марал.

Принял волевое решение привести себя в порядок, а для начала – просто постричься.

Оказывается, беда не приходит одна, уже больше года парикмахерской нет. Все живут по принципу – чё стричься, волосы и сами выпадут.

Если подумать – святая правда!

Ехать в город из-за этого не очень-то и хотелось. Туда-сюда – и целый день. Умотаешься напрочь.

А в городе друзей, как на небе звезд... Глядишь, и ста граммами причастишься.

Паника и отчаянье заполняли серое вещество головного мозга. Но добрые люди, а их у нас много, подсказали: на краю села живет мужик, Сергеем кличут, стрижет лучше, чем в любом городе, даже столице.

– А отчество как? – спрашиваю.

– Васильевич, кажись, но у нас здесь все без отчеств живут. Узнаешь, он молодой, лет пятьдесят, но уже седой.

– А дома когда бывает?

– Вечером, часов в семь...

А вот и вечер, иду и немного волнуюсь.

Ветер неистово свистит в ушах, то ли быстро иду, а может, и сам по себе, не пойму что-то.



Прихожу.

Дорога в камнях, по одну сторону двухэтажные дома, по другую гаражи, а посереде этой дороги седой мужчина стоит, явно хочет куда пойти, но не знает куда. У его ноги серый пес лежит.

И выбрит, кожа, как глянцевая, зайчиков солнечных отражает, смотреть больно.

Подхожу.

– Здрасьте...

– Здрасьте...

– Вы Сергей?

– Я-я-я, – певуче отвечает он и улыбается, видно, сразу понял, зачем я к нему приперся на край села.

– Васильевич?

– Васильевич... – и направляет мне зайчиков прямо в глаза.

Думаю: шутит, это уже хорошо!

– Я к вам...

– Вижу.

– Постричься...

– Давно пора.

– Можно?

– Можно и Машку за ляжку. Пойдемте.

Идем. Пока шел, два раза споткнулся. На всякий случай сплюнул через левое плечо.

Он открыл дверь гаража.

– Проходите.

– Здесь? – спрашиваю удивленно.

– Вас это...

– Нет-нет, всё устраивает.

Сажает меня на стул, за головой накидку ярко-синего цвета завязывает.

– Как, – говорит, – вас?.. – а сам машинку достает, ножницы и помазок.

«Хорошо, что не опасную бритву», – опять думаю я и громко вздыхаю.

– Так как вас стричь?

– Чтоб красивым остаться, – натянуто улыбаюсь.

– Это понятно. Уши открывать будем? – бодро спрашивает Сергей.

– Открывайте.

– Сзади убрать?

– Убирайте.

– Бороду стричь?

– Обязательно.

– Покороче или...

– На ваше усмотрение.

– Тогда начали!..

А зеркала нет, поэтому проследить за ходом операции не представляется возможным.

Гляжу, а подо мной волос минимум на две с половиной подушки! И всё падают, падают. После головы машинка завертелась по бороде. Потом брови...

Наконец всё стихло. Он поводит помазком по шее и лицу, сбрасывая невидимые волосинки, затем отошел, оценивая свою работу.

– Ну вот, теперь на человека стал похож.

Он снял накидку и стряхнул ее.

– Вон там зеркало, – ткнул пальцем куда-то в темноту. – Может, что-то поправить нужно?

Я подошел. На меня одиноко смотрела лупоглазая и лопухая малюсенькая голова динозавра с отвисшей нижней губой. Взор помутился, подступила тошнота.

– Как? – спросил голос сзади.

Чтобы не упасть, я быстро сел на стул и ткнул себя в висок:

– Посмотрите, мне кажется, здесь немного торчит...

В кожу впилась железная расческа, но боли я не почувствовал.

Члены комиссии на меня и не глянули – пришел и пришел. Сиди, молчи, за умного сойдешь.

И ничего страшного, волосы к следующим выборам отрастут – и я снова стану красивым.





## КОМПЛЕКСНОЕ ЛЕЧЕНИЕ

### 1

В санаторий едут не только поправлять здоровье, этим тут обычно занимаются до обеда, после же обеда – женщины часа полтора отдыхают, чтоб не выглядеть усталой, потом моются, красятся, причесываются и делают все, чтобы вечером, а вечером танцы, выглядеть потрясающе красивой, быть востребованной, а не стоять в углу бедной родственницей. Мужики проще: причесался и... уже неотразим.

Во время танцев, разумеется, происходит это самое знакомство, именуемое на местном диалекте спариванием, затем пары расходятся, чтоб предаться психоэмоциональной разгрузке, а уж завтра вновь погрузиться в процесс восстановления и укрепления здоровья.

Ну а кому не повезло, прогуливаются темными аллеями парка, дышат целебным воздухом, осуждая всех в безнравственности, но, правда, не теряют надежду, что чей-то рыцарь тоже сейчас где-то одиноко бродит во тьме, нисколько не сомневаясь в

своей привлекательности и твердо зная, что весы врут, зеркало кривое, а все женщины – завистливые стервы.

Делать дома, да еще перед Новым годом, было абсолютно нечего, и Люба Тараторкина, взяв в профсоюзе, а отвечала она за культуру в области, бесплатную путевку в санаторий для сердечников, расположенный в живописном еловом лесу, с радостью поехала туда не то чтобы здоровье поправить, а скорее на других посмотреть, да и как бы себя показать.

Конечно, Люба, это для нас она сейчас Люба, а для остальных – Любовь Михайловна, человек солидный, значимый, окончивший когда-то с отличием Санкт-Петербургский государственный институт культуры и работающий долгие годы на руководящих должностях, была красива, умна, мила, обаятельна, обходительна и тактична. Имела четырехкомнатную квартиру почти в центре мегаполиса и сына-красавца, работающего актером провинциального театра в далеком городе. Люба когда-то тоже грезила стать актрисой, но, к великому сожалению, не все мечты сбываются, оставляя потом глубокую рану на сердце и горький осадок в душе. Была она возраста скорее за, чем около...

И всё вроде бы у нее было, жила хорошо и в достатке, а вот счастье... Счастье не прижилось у нее в доме.

В молодости по любви и очень удачно Любовь вышла замуж, родила сына... Потом все и началось.

Еще в детстве Любочка уже была пухленьким, упитанным ребенком, с личиком ангелочка, а после родов стала стремительно набирать вес. В доме из-за этого начались ссоры, приведшие к разводу.

А теперь она уверенно подходила к ста пятидесяти килограммам.

Больше всего в этой жизни Любовь Михайловна обожала три вещи: поесть, мужчин и бороться с прогрессирующим ожирением. Если с первой она справлялась весьма успешно, то две последние давались с большим трудом, если вообще давались.

Ходила Любовь, переваливаясь из стороны в сторону, широко расставляя ноги, но при всем этом открыто и мило

улыбалась. Природная доброта и сердечность неизменно переполняли ее.

Санаторий встретил Любовь Михайловну тишиной и безмолвием. Снега двадцать четвертого декабря было столько, что передвигаться приходилось исключительно прочищенными туннелями, а свернуть куда-то влево-вправо просто было невозможно. А вот отдыхающих присутствовало аж семнадцать человек, одиннадцать мужчин, из которых четверо явно были ветеранами Бородинского сражения, двое – участники Брусиловского прорыва 1916 года, один – герой Гражданской войны и оставшиеся четыре принимали участие минимум в ликвидации в 1921 году контрреволюционного мятежа моряков в Кронштадте под руководством Тухачевского. Представительниц прекрасного пола не было вообще, точнее, были в количестве шести штук, но далеко не прекрасные. Четверо находились давно на пенсии, а две другие перешли сорокалетний рубеж.

И Любовь мгновенно поняла, что в этом сердечном санатории надо срочно начинать лечить нервы, глубоко дышать чистым морозным воздухом и принимать успокоительные ванны. Да и домой возвращаться тоже не имело смысла. Здесь хоть мумии играли роль людей, а там... четыре стены.

А потом... праздники пройдут, будет заезд... А вдруг и...

Немного погоревав, Любаша разместилась в люксовском номере, села на жесткую бессолевую диету, быстро со всеми познакомилась и подружилась со Светой и Таней, женщинами крепкими, тоже давно перевалившими за сотню килограмм. Они здесь играли роль молодящихся дам.

Два представителя некогда сильного пола пытались повилать хвостиками возле нее, но быстро поняв всю свою никчемность, отстали.

А Новый год стремительно приближался.

– Девушки, – деловито произнесла Тараторкина, – сегодня после обеда едем в город и закажем на тридцать первое декабря себе столик в лучшем ресторане.

– Люба, а может, возьмем бутылочку да в номере посидим? Честно, у меня и денег нет, чтоб по ресторанам ходить, – прошептала Татьяна.

– И я на такое не рассчитывала... – вторила ей Света.

– Девчонки, – молвила Любовь строгим голосом, не терпящим возражения, – ваша задача – сидеть за столом и отмечать праздник, а моя – расплачиваться. Ясно?! У меня вопрос! Может, одного ветерана с собой возьмем?

– А на кой он нам нужен?! Нажрется – и волоки его потом назад. И без него нормально будет.

На том и порешили.

## 2

Ресторан оживленно гудел в предвкушении новогоднего бума.

Все столы были заняты торжественно одетыми посетителями, многие из которых, это бросалось сразу в глаза, скорее всего уже не единожды поднимали традиционный тост «С наступающим!..».

Любовь с гордо поднятой головой вошла в зал. В центре она остановилась, давая возможность рассмотреть себя. В то же время своими огромными, темными, с влажной поволокой глазами, обрамленными потрясающе густыми и длинными ресницами, надменно и в то же время смущенно оглядела зал. Выглядела Любовь Михайловна ошеломляюще. Ее длинное, декольтированное, ярко-синего цвета платье фасона бохо, по которому раскиданы громадные подсолнухи, скрывало тучность, а туфли на высоченном каблуке подчеркивали статность и значимость. По груди спускалась тонкая ниточка белого жемчуга, с мочек ушей до плеч свисали жемчужные бусинки, а пальцы рук унизаны золотыми перстнями и колечками. О ногтях говорить не приходилось. А восточные духи источали такой дурманящий запах, от которого у мужчин вожжей сразу начинала течь слюна и они в безумии быстро впадали в беспамятство. И даже показалось, что люстры на потолке засияли ярче, чтоб подчеркнуть красоту и обаяние этой женщины.

На фоне ее великолепия за ней тихо ступали блеклые Светлана с Татьяной, стесняющиеся самих себя, беспрестанно одергивая спереди простенькие платья. На ноги Татьяна надела выдавшие виды туфельки, а Светлана шла в сапогах, на ее голове покоилась вязаная шапочка. У каждой из них через левую руку были перекинуты огромные сумки.

Процессия выглядела весьма комично, а по своей комплекции дамы напоминали трех богатырей.

– Привет, Дюймовочки! – прокричали откуда-то сзади.

– Мальчики, не рвите раньше времени сердце. К нам разрешается подходить после двух часов, когда мир в ваших глазах окрасится сказочными огнями, а все женщины в нем станут красавицами. А пока уберите подальше свои непристойные мысли с наших изнеженных тел! Повторяю: после двух ночи. Но помните, что женская хандра всегда наступает от мужского недомогательства, – и Люба спесиво направилась к своему столику.

Стол выглядел просто царским! В центре стояла высокая ваза с букетом из белых и красных роз. В ведерке со льдом лежало шампанское, рядом – пятизвездочная бутылка армянского коньяка, а по краям – бутылки с вином, красным и белым.

Чего на нем только не было. Татьяна со Светой даже не предполагали о существовании таких яств.

### 3

Под шум и гвалт публика радостно встретила наступление долгожданного Нового года. Певица проникновенно исполнила песню из кинофильма «Карнавальная ночь». Как это ни странно для современного мира, все дружно вместе с ней пели припев, который для удобства был распечатан на листочке и лежал перед каждым на столе:

*«Новый год, он не ждёт!*

*Он у самого порога!*

*Пять минут пробегут,*

*Их осталось так немного!..»* – горланили гости.



– Девочки, запомните, мы пришли сюда не пить, а продезинфицировать душевные раны, – сказала назидательно Люба. – А чтоб не сидеть буками и не крутить головой в разные стороны, давайте-ка порассказываем друг другу интересные истории. Праздник должен быть веселым, а там... там посмотрим. Мы пришли сюда не для того, чтобы скучать. Это с успехом можно делать и дома. Сегодня надо взять всё, чтоб не было мучительно больно... И никогда не сомневайтесь в своей красоте и привлекательности. Света, начинай, но чтоб язык не застревал между зубами, давайте выпьем по коньячку и хорошо закусим. Люблю вкусно поесть и сладко поспать, желательно с мужчиной. Говорю «желательно», потому как из-за вкусно поесть второе происходит все реже и реже.

– Чего, девочки, в этой жизни только у меня не было, – начала Светлана, – но один случай никогда не забуду. Было мне тогда восемнадцать лет, замуж собиралась... А жили мы в Прикарпатье. Женихалась с Петром Белоглазым, парнем красивым, с чубом вороним на лбу, армию отслужившим, шофером у директора совхоза работал...

– Вы уже с ним?.. – спросила заинтересованно Любовь.

– Ничего у нас с ним такого еще не было, сами помните то социалистическое время, коммунизм строили, тогда еще умели говорить слово «нет».

Послал его как-то директор в районный центр, а я с ним увязалась, вырядилась, как королева... Возвращаемся домой после обеда. А зима только-только началась, морозец небольшой, градусов семь-восемь, и снежку немного выпало.

– А давай, Светик, мы с тобой кружочек срежем, – говорит он, – как-никак, а пять километров... Сейчас через лесок, потом речушку проскочим, а там... Видишь, следы на снегу от машины, кто-то уже проехал до нас.

А мне только этого и надо, вечером танцы... Короче, проехали лесок. Речка – всего ничего, метров восемь, максимальная глубина – не больше метра. Въехали, значит, на лед, а он, видно, еще не совсем окреп, машина прямо посередине одним колесом и провалилась. Сидим.

– Надо толкать, – говорит Петр, – иначе замерзнем тут насмерть, – и на меня смотрит.

– Я не полезу в воду! – возмущаюсь я.

– Тогда садись за руль, полезу я.

– Я машину водить не умею.

Короче, пришлось на лед спрыгнуть мне. Ноги мгновенно намокли, а вода холоднющая... Толкаю сзади, да все без толку, машина ревет, словно оглашенная, колесо крутится, а из полыньи выбраться не может. С меня пар валит, как дым из трубы. И вдруг ноги мои заскользили и я падаю прямо в воду. Одежда мгновенно намокла, стала тяжелой, и холод сковал все тело. А мороз крепчает. Петро видит такое дело и тоже прыгает из кабины в воду, одной рукой держит руль, а другой толкает. Общими усилиями машину вытащили.

Залезли в кабину, сидим, дрожим... Он печку врубил на полную.

– Раздевайся! – орет на меня и сам с себя все снимает.

Я сижу. Смотрю, а он за минуту все с себя снял. Я, честно, мужчину голым впервые увидела. Интересно так, дрожать начала непонятно от чего – то ли от холода, то ли...

– Ты оглохла или меня не понимаешь, может, мозги совсем отморозила?.. Заболеть вздумала? – и начал с меня все сдергивать, а лицо у него сделалось таким грозным.

Раздеваюсь я, значит, и вдруг вспоминаю, что у меня, извините девочки, месячные...

Люба разразилась таким диким хохотом, что с глаз потекла тушь.

– Светка, – захлебываясь, закричала она, – ты у меня сейчас всю красоту смоешь!..

В зале мгновенно наступила тишина, все присмирели и удивленно уставились в их сторону.

– Товарищи, не отвлекаемся, продолжаем веселиться... Мы тут о своем, о женском... – промокая платочком глаза, она снова зашлась заразительным смехом. – Ну, ты разделась?..

– Разделась... Ноги узлом завязала, руками прикрылась, красная сижу... Два километра пролетели пулей. Влетаю в эдаком

виде в дом. Мама как увидела, первым делом вlepила мне пощечину, потом заставила выпить стакан самогона, вскипятила воду, ноги приказала парить, чай с малиной пить и в кровать уложила. Танцы вечером, естественно, не состоялись.

– А парень, как он?.. – спросила Татьяна.

– А он заболел, причем серьезно. Почки простудил, мочевого пузыря... Мотался из больницы в больницу, в Трускавце лечился, воду там для почек пил... Наконец его родители дом продали и уехали жить в Анапу. Что с ним стало дальше, сказать не могу.

– Интересная история, – Любовь разлила коньяк по стопкам. – Я чуть глаза не выплакала. А ты замужем?

– Была, два раза. Но интересного в этом ничего нет.

– Ты закончила? Теперь, девочки, я вам расскажу о себе, – Татьяна взяла из вазы банан и начала его медленно поедать. – У меня история, может быть, не такая смешная, но очень поучительная. Наш избыточный вес – наше горе. Я с ним сотню раз, наверное, боролась. И чего только не делала. На диеты разные садилась, поясами себя стягивала, таблетки принимала... Из-за этого первый муженек и бросил меня. Сейчас второй, правда, в нем тоже не менее ста восьмидесяти килограммов, но храпит, зараза...

– Люба, ты бы слышала, как она храпит... Мы же с ней в одном номере живем. Так я ночью ее шваброй бью, – улыбнулась Света. – Первые два дня вообще не спала. Она сама научила: «Захраплю – шваброй толкни». Но толкать не помогает, поэтому бью. Теперь у меня одна радость: ни я, ни она – обе не спим.

– Весело вам, – засмеялась Любовь. – А ты чего мучаешься, в другой номер не перейдешь? Санаторий ведь пустой.

– Ой, я и не додумалась. Спасибо!

– Вы меня слушаете? – продолжала Татьяна. – Три года назад к нам в провинцию нагрянул столичный светила, Илья Багрянский, урод уродом. Месяц в местных газетах и по телевизору реклама шла, как за семь дней из борова можно стать тростиночкой, и что этот волшебник данной проблемой занимается около двадцати лет, и скольким людям вернул талии. Выступали «похудевшие» дамы, расхваливали доктора и его метод,

фотографии свои показывали... И весело смеялись, повествуя, что отрицательное из этого – это то, что теперь всем, кто пройдет лечение, потребуется поменять весь свой гардероб... И что ради возрожденной молодости, новой счастливой жизни стоит потратить всего-навсего триста долларов.

Мой муж Леша говорит: «Иди». Он дальнобойщиком работает, деньги большие получает. Я и пошла. В газете адрес...

В полутемном обшарпанном коридоре какого-то общежития у стенок сидели семнадцать полных женщин, тайно грезящие стать Джульеттой. У окна стоял выдавший виды стол, за которым в белом халате в поте лица трудилась тучная женщина. Она заключала договор с пришедшими, собирала деньги, взвешивала на ржавых напольных медицинских весах, выпущенных, наверное, еще до войны, и задавала жуткие вопросы, внося ответы в анкету.

– А что в этих вопросах было такого ужасного, что ты о них вспомнила?

– Помимо анкетных данных, были и такие: «Когда пришли первые месячные и сколько длится менструальный цикл?», «Когда у вас была первая близость с мужчиной?», «Что вы испытываете во время секса?», «Сколько раз в неделю, месяц, год у вас бывают сексуальные встречи с мужчиной?»

Светлана так сильно фыркнула, что забрызгала соком, который в это время пила, почти весь стол.

– Извините, – задыхаясь, прошептала она и закашлялась. – И что ты ей сказала?

– Что надо, то и сказала. Будешь смеяться, вообще больше ничего не услышишь.

– Девочки, – послышался мужской голос из зала, – чего это вам так смешно? Мы идем к вам!

– Для тех, кто плохо понимает и соображает, повторяю: братания начнутся после двух ночи. А пока всем активно разминаться, – строго произнесла Люба.

– Говори, говори, Танечка, не обращай на меня никакого внимания. Это я... – и Светлана снова сдержанно зарыдала.

– Таня, – Любовь тоже беззвучно смеялась, прикрыв рот, – рассказывай, что было дальше.

– Короче, забрала я у нее эту анкету и сказала, что о себе все сама напишу. А она орет, что писать требуется каллиграфическим почерком. Я, разумеется, послала эту дуру куда подальше...

Первый день был организационный. На второй – завела всех нас вчерашняя корова в какое-то темное полуподвальное помещение, пахнущее плесенью и мышами, и уложила на грубо сколоченные кушетки, на которых лежали матрацы, застеленные чистыми простынями. И по бокам тоже висели простыни, образуя своеобразные кабинки. Зашли мы в эти кабинки, улеглись... и полилась успокоительная музыка.

– Откуда знаешь, что простыни чистые были? Сама говоришь – темно было.

– Света, раз говорю, значит, знаю. Свежестью от них пахло. А в каждом углу под потолком горели красные фонари. От этого казалось, что находишься в подпольном публичном доме. Аж дрожь пробирала!

– Ой! – простонала Любовь Михайловна. – Пойдемте, девочки, ходим в туалет. Меня сейчас разорвет от смеха. Не могу больше, честное слово.

Когда они вернулись, на столе дымилось горячее.

– Честно сказать, я с этими рассказами и проголодаться успела, – весело сказала Света, потирая руки. – Люба, наливай, – и она выразительно махнула рукой. – Вино зря заказывали, я, например, его никогда не пью.

– Не выпьем, с собой заберем. Пригодится еще, – Люба за столом, как и в жизни, была всегда лидером.

– Слушайте дальше, – произнесла Татьяна, аппетитно хрустя салатом из редиски. – Соседка по кабинке мгновенно стала храпеть, да так сильно, что все стали возмущаться. Пришел мужик в халате, а во тьме и не разобрать, молодой аль старый. Мы ему, мол, какое лечение при таком храпе? А он просит упокоиться и как плеснет стакан воды в рожу этой «больной». Та зафыркала и угомонилась. Музыка играет, а он ходит от одной к другой и

тычет какой-то палочкой то в запястье, то между глаз, потом между грудей. Больно, спасу нет. В моей практике похудения подобная процедура была впервые, поэтому и вселяла крохотную надежду.

Багрянский, а это был он, – маленький, сморщенный, с гнилостным запахом изо рта...

– Танька, не порть аппетит...

– Рассказываю как есть, что пришлось мне испытать... Музыка играет, лес шумит, дождь идет, море разбивается о скалы, и голос его елейный из матюгальника льется... Тьфу, прости меня Господи, – она сплюнула в сторону. – «Надо меньше есть!», «Надо больше двигаться», «Надо худеть!», будто я не знаю, что мне надо, что не надо. Где-то через час спокойная музыка закончилась и резко заорали Распутина с Киркоровым про золотистую розу. Я аж вздрогнула. Этим и закончился второй день.

Вышла я на улицу, а там солнце в цветах купается, воробьи о чем-то неистово горланят, а идущие люди излучают тепло и радушие. Душа аж заликовала от закрывшейся надежды на похудение!

Следующий день был более насыщенным, сеанс продолжался пять часов. Трое врачей постоянно сменяли друг друга. Нас рассадили в той же темной комнате на стульях с подлокотниками, как в кинотеатре. Но трое наших «девчонок» не могли в них втиснуться, так для них каждой по две табуретки принесли и сдвинули их. Одна лампочка уже не горела, видно, от накала энергетики в комнате успела перегореть. Со мной уселась вчерашняя дура, которая храпела. И как села, сразу свою башку на грудь девятого размера уронила и задрезжала губищами. Тут я ей в бочило локтем саданула и пригрозила: еще раз захрапишь – губы вырву. Пойдемте на улицу подышим, жуть как жарко.

– Долго еще твоё лечение будет продолжаться?

– Минут пять-десять.

– Рассказывай, потерпим. Водички попей.

– На повешенном на стенке экране появилось сморщенное лицо конченного Багрянского. Вначале он рассказывал о своей

потрясающей методике, ее невероятных успехах, а потом стал неистово махать руками, делая ими пассы. Вдруг его глаза стали пульсировать голубым цветом, а над лысиной повис нимб, переливающийся всеми цветами радуги. Из динамика доносился дребезжащий голос, повторяющий одну и ту же фразу: «Надо худеть».

– Господи! – елебно прошептала соседка и принялась неистово креститься. – Ни дать ни взять – Иисус Христос.

Она сделала усилие, чтобы встать, но попытка не увенчалась успехом.

И это «Надо худеть» просто бесило меня. Подобное издевательство длилось не менее часа. Потом показали комплекс физических упражнений для лиц с избыточным весом, сказали, что его в обязательном порядке надо делать утром и вечером. Мы пошагали на месте, помахали руками, ногами, пытались присесть и прогнуться. Воздух от неистового потоотделения быстро ухудшился, и в классе мгновенно запахло неочищенной конюшной. Срочно объявили перекур на тридцать минут. Из комнаты разрешалось брать только салфетки и туалетную бумагу. Кто был опытен в подобном лечении, проносил бутерброды в бюстгальтере и ел их на толчке, чтоб никто не отобрал.

После перерыва Багрянский часа два читал лекцию о том, что надо есть, а что не рекомендуется и даже запрещено. Стало ясно: есть можно все овощи в сыром виде, кроме, почему-то, помидоров. А почти все фрукты исключались. О сладостях вообще молчу.

Несказанно хотелось жрать! Мне чудилось, что желудок стал переваривать самого себя. Я вдруг заметила, как моя соседка, которая храпела, тихонечко достала из кармана конфетку и, чтоб не шуршать, стала осторожно ее разворачивать. Кто-кто, а я этого допустить не могла. Вырывая из ее рук это райское наслаждение, не удержала конфету в руке, и та, выскользнув, упала на пол перед знаменитостью. Светило, увидев это лакомство, позеленело и даже поперхнулось.

– Еще увижу подобное – выгоню! Ваше лечение на этом прервется. И деньги не вернутся!



Он, забыв о своей великой миссии, двадцать минут изрыгал в атмосфере проклятья и занимался нравоучением.

Мне его назидания выслушивать надоело, и были они, если честно, неприятны. Я встала, с остервенением оторвала от ляжек прилипшее платье и, высказав этому сморчку все, что думала о нем и его лечении, послала всех на три буквы и вышла, прихватив со стола приготовленные нам методички с его портретом, надеясь, что, может, в них что-то полезное сказано, может, их надо прикладывать к проблемным местам... Нет, меньше есть, ежедневно заниматься физкультурой и сексом. Если первые два можно было еще как-то и соблюдать, то последнее и за дополнительную плату не получалось.

И опять их стол содрогнулся от смеха.

– Девочки, полторы минуты, если позволите, я расскажу малюсенький эпизод из моей не испещренной многообразием сексуальной жизни, – заговорщицки произнесла Татьяна.

– До двух часов нашего звездного часа осталось пятьдесят пять минут. Успеешь? Еще ни одного слова Люба не сказала.

– Успею, слушайте. Я тогда в Мурманске жила, работала администратором в ресторане, два с половиной года как разведена была. И приходит к нам с Балтики судно рыбацкое, сеть на винт намотал и вал погнул. Его быстро поставили в док на ремонт. Экипажу, а там их одиннадцать человек, надо себя куда-то девать, так они в кабак идут. Но... деньги имеют свойство заканчиваться.

Подходит ко мне их механик, земляк мой, мы с ним в параллельных классах учились.

– Таня, займи пятьсот рублей. В Калининград придем, деньги получим, я сразу тебе вышлю.

– Дам я тебе, Миша, триста рублей, – говорю ему, – если приведешь ко мне вашего молодого паренька.

У них в экипаже был хлопец, неказистый такой, худой, высокий, сутулый и губастенький. Ни дать ни взять – гадкий утенок. По всему видно, что еще мальчик. Он даже здоровался и краснел. И так он мне приглянулся, спасу нет.

– Юра Петушков? На кой он тебе сдался? Сопли под носом вытирать? Хочешь...

– Не твое дело. Не будет его, денег не дам.

Договорились, что вечером он будет у меня дома, а я выходная была. Стол в зале накрыла, приделась, дрожу от нетерпения, а никто и не пришел. Оказывается, на их суденышке быстро устранили неполадки и они ушли в море. Не попробовала я мальчика, зато деньги сэкономила.

– Не повезло тебе, подруга, – произнесла Любовь. – С этими мужиками у меня тоже были анекдотические случаи. Познакомилась я как-то в компании с одним мужчиной, Робертом звали. Здоровый, крепкий, сильный, короче – кровь с молоком. И все хорошо, только начал он меня побивать, а потом и бить. Я человек публичный, и появляться на работе разукрашенной было никак нельзя. Два раза на больничном из-за синяков находилась. Выгнала его к чертовой матери. А в другой раз решила я познакомиться с мужчиной через интернет. Переписывались, переписывались и, наконец, решили встретиться. Договорились у входа в парк. Я приделась, накрасилась, но, наученная прошлым горьким опытом, пришла пораньше и спряталась за рекламную тумбу. Пришел мужчина, в костюме, при галстукe, в руке три красные гвоздики. Вид у него такой торжественный, что я просто им залюбовалась. Посидели в кафе, выпили бутылку шампанского, съели по мороженому, и он пригласил меня к себе домой на кофе. Естественно, я сразу согласилась, предвкушая радость близости и наслажденья.

Квартира маленькая, но уютная и ухоженная... Цветочки на подоконнике, кот на диване спит. Усадил он меня в кресло, телевизор включил, а сам побежал на кухню. А я, чтоб процесс не затягивался, в кресле откинулась, положила ногу на ногу и юбку подняла, оголив колено. Он как это увидел, аж в лице переменился, краска залила лицо, щека задергалась. Я грешным делом испугалась, что к нему «кондратий» пришел. А он затрясся весь и орать начал, на губах пена появилась, руки ходуном заходили.

– Ты зачем сюда пришла?.. В постель сразу? А посидеть, поговорить... Не о чем?.. Только одно на уме, да?! Ляжку свою она мне заголила... Пошла вон, стерва!..

Я испугалась, что не дай Бог еще зарежет, и как полоумная вылетела на улицу. Потом оказалось, что он психический и не так давно из психиатрической больницы выписался.

Но сегодня, девочки, мы должны сделать все, чтоб уйти отсюда с кавалерами. Они уже пьяные и готовы к подвигу, а вот и первый клиент направляется к нам. Неужели время? – она посмотрела на часы. – Да, без трех минут два, – лицо Любви расплылось в улыбке. – Молодой человек, вы очень пунктуальны. Присаживайтесь, выпейте с нами коньячку за мое здоровье и... за здоровье моих подруг, разумеется. У меня, как-никак, сегодня день рождения.

– Мадам, – мужчина нетрезво опустился на колени и припал губами к ладони. – Хотите с неба звезду?

– Заманчиво... Не возражаю, но это позже. Как зовут тебя, мой рыцарь?

– Вячеслав!

– Красивое имя, а меня Любовь. Любовь... Чувствуешь что-нибудь?.. А это подруги мои, Света и Таня.

Он осоловело мотнул головой.

– Слава, ты здесь с друзьями или подругами?

– С корешами, Серегой и Стасом.

– А женщины, что с вами сидят?

– Это не наши.

– Слава, – Люба взяла в руки бразды правления, – рассчитайтесь с официантом и переходите к нам. Я сейчас скомандую, чтоб нам освежили стол, а потом пойдём к нам продолжать веселье. Наклонись, я поцелую тебя.

Любовь сияла.

Когда Вячеслав отошел, она разлила остатки коньяка по рюмкам и торжественно произнесла:

– С Новым годом, девочки! Кажется, он наступает для нас весьма хорошо! – и выпила не чокаясь.



## ТРАЕКТОРИЯ ЖИЗНИ

*Нашей душой управляют  
четыре невидимые силы:  
любовь, смерть, власть и время.*

Пауло Коэльо – бразильский прозаик и поэт

### 1

– Натура у тебя, Мариночка, игривая очень, не обижайся только! Вся жизнь у меня на флоте прошла, а там – не институт благородных девиц, поэтому говорю, что думаю, – дядя Миша, брат матери и по совместительству ведший все ее хозяйственные работы в доме, поерзал на сиденье, создавая комфорт для пятой точки, и вставил ключ в замок зажигания. Машина чуть слышно заурчала. – Можно ехать. Ничего не забыла?

– Самое главное – билет, деньги и документы взяла, а остальное... Остальное купим... А чего это ты, милый дядюшка, так решил про мою натуру высказаться?

– Гуляешь много.

– И вовсе не много. А чего не гулять, пока молода. Но чтоб сказать – совсем пропащая, не скажу. Гуляю, но не налево и не

направо, а тихо и без надрыва. Да, бывают моменты, но только чтоб стресс снять и не больше, или, как вы, мужики, говорите: «Размагнититься». А потом, не на улице же мужиков этих подбираю, люди солидные, с положением в обществе. Дядя Миша, а если бы тебя такая, как я, позвала, пошел бы? – Марина заразительно захохотала и томно повела на него карими глазами, слегка опустив подведенные коричневой тушью веки, задрожав огромными ресницами.

Шофер закурил, по-деловому крякнул и задумался.

– Пошел бы, – выдохнул он.

– Ну вот... Мы, значит, сучья порода, а вы, мужики... Все, дядя Миша, из одного теста сделаны. Только в одно положили много сахара, а в другом сплошная соль. Разве не так?

– Так-то оно так... А я про тесто как-то и не думал. Вон оно как!.. Ты, наверное, права. Мыслишь, как взрослая. Тебе сколько лет уже?

– Тридцать четыре... И потом, я же не допускаю, чтобы кто-то от любви сошел с ума. Только взаимная симпатия и уважение друг к другу. Разумное благоволение, и не больше. Никто никому...

– А Николай Александрович?

– Что Николай?.. Он был, есть и будет. Он надежный, он опора, он фундамент!..

– Если фундамент, чего ты...

– С одной стороны, все просто, а с другой – сложно. Сам рассуди, дядя Миша: он не пойми сколько лет, а точнее, всю жизнь, на Севере работает большим начальником по добыче нефти, зарабатывает громаднейшие деньги, а дома бывает от силы три месяца в году. Ничего не могу сказать, все хорошо вроде бы... Деньги, меха... Дворец мне построил... Живу, дай Бог так жить королеве. Все есть, а вот счастья... – Марина приложила платочек к глазам и всхлипнула. – Счастья нет. Считаю, годами одна бываю. Тут не только на Луну завоешь, но и слезами горючими изревешься. Вот и выходит в этой жизни всякое... – она тяжело вздохнула и помолчала. – Никак не получается мне стать монашенкой. Я тоже человек, и ничто человеческое мне не чуждо.

Такие вот дела мои грешные, дядюшка Миша. И он там, думаю, не ведет аскетический образ жизни, он тоже человек, и ему тоже ничто человеческое не чуждо.

– А дети?

– Дети его, тут не подкопаешься, чего небо зря гневить... И Саша, и Сережа... Сашенька – вылитый Коля, а Сережка на меня больше похож, хотя косолапит, как Николай.

– А чего едешь?

– Лечу, дядя Миша. К мужу. Сначала до Москвы, а оттуда на Новый Уренгой. Самолет в два ночи, девять часов в аэропорту сидеть... Я так выматываюсь в этом путешествии, потом два дня в лежку лежу, отхожу. У него никак не получается домой приехать. Какая-то заморочка, написал, чтоб я... А через три недели ему дают отпуск и летим с ним в Италию, по Европе покаемся. А маме с ребятишками тоже купил путевки в санаторий Ялты. Тоже отдохнут и подлечатся.

– Хороший мужик! А где ты с ним совпала? Мне вообще многое неизвестно из твоей жизни, я же без малого тридцать лет отслужил на военных кораблях на Сахалине.

– После школы поступила в институт легкой промышленности на факультет экономики и бизнеса. Это потом он стал университетом. На втором курсе на соревнованиях я хорошо бегала на длинные дистанции и даже входила в сборную города, выступала на Универсиаде, заняла там четвертое место, а потом попала под сильный и холодный дождь, застудила почки, из-за чего даже пришлось брать академический отпуск. Дали мне путевку в санаторий, в Трускавец, попить «Нафтусю». Кстати, очень помогла эта водичка. Вот там я и познакомилась с Николаем, точнее, он со мной. Высокий, статный, энергичный, в хорошо сидящем выглаженном костюме, гладко выбритый, дорого пахнущий и... сказочно богатый. Бабы на него так глядели, аж глаза лопались, проходу не давали... Ну а мне-то польстило, что он меня выбрал...

– А он чего, тоже болел?

Марина задумалась.

– Даже не знаю... Честно, не интересовалась. Было тогда ему тридцать три года, возраст Христа, а мне девятнадцать стукнуло. Я – как цветик-семицветик, тоненькая, радужная, непорочная... Он налетел на меня, словно коршун, схватил, закружил, завертел... Голова кругом... И втюрилась в него... Как муха в сладком меде ножками увязла и только глазищами хлопала. После обеда садились в такси и ездили по всей Западной Украине, вечером в ресторан... После лечения на десять дней улетели в Ялту, на море погреться... Потом свадьба, круиз на белом теплоходе вокруг Европы... Институт заочно заканчивала. Ну а сейчас, сам знаешь, салон красоты держу. И не один. Два массажных кабинета... В этом году планирую постройку фитнес-клуба. Потихонечку оборудование начинаю закупать. Красивыми все хотят быть, стройными и привлекательными, особенно на отдыхе. Да что я тебе это рассказываю, ты и сам все очень хорошо знаешь. Для вас же бабы и стараются, – засмеялась она.

– Есть у тебя к этому самому бизнесу жилка. А чего детей не берете с собой по Европе покатать?

– Не хочу, чтоб они раньше времени поняли свое привилегированное положение... Учатся ребята в обычной школе, одеваются, как обычные дети, да и дома не имеют ничего лишнего. Я решила так: оба будут военными. Саша в следующем году поступит в Суворовское училище, а Сергей через пару лет в Нахимовское.

– А если?..

– Никаких «если»! Поступят оба и будут нести службу ратную, Родину защищать, а не в ресторанах с девочками рассиживать и водку жрать. Будет только так! – волевая складка возникла между ее бровями.

– А ты, Мариночка, волевая, с характером. Честно, не подмечал в тебе это, да и общаемся редко. А Николай что?

– Коля считает, что я права.

– А чего ты не переедешь к нему?

– Я же там жила два года. Холод, сырость, лета и тепла нет... А комаров... дышишь ими. Постоянные бронхиты, пневмонии, даже бронхиальную астму ставили. Потом по санаториям мота-



лась... Сейчас, слава Богу, ничего этого нет. Николай сам велел сюда ехать, дом сказочный построил на берегу моря. Сколько он еще там проработает, не известно... Не пьет, деньги попусту не тратит. Ему полтинник скоро, пенсия великая будет... Да и так кое-что есть... Грех жаловаться.

## 2

Жизнь без приключений и неожиданностей скучна и однообразна.

В Москву прилетели почти в половине десятого вечера. Из-за непогоды в столице делали вынужденную посадку в Воронеже. Марина так устала, что сил ни на что уже не было. Она сдала вещи в камеру хранения, купила несколько журналов с картинками и зашла в кафе выпить чашечку крепкого кофе.

Сев за столик и безразлично жуя невкусное пирожное, она маленькими глоточками пила ароматный напиток, равнодушно листая журнал.

– Девушка, возле вас не занято? – вдруг раздался громкий мужской голос.

От неожиданности Марина даже вздрогнула. Перед ней стоял высокого роста мужчина около сорока лет в форме офицера-моряка, которая идеально сидела на его подтянутой и крепкой фигуре.

Офицер не был красавцем, но все в его внешности подчеркивало решимость, уверенность и стойкость характера. На высоком лбу проглядывались неглубокие продольные морщины. Серые с прищуром глаза под густыми изогнутыми бровями смотрели добро, внимательно и пытливо, а из их уголков при улыбке в разные стороны разбегались задорные лучики.

Слегка толстый нос с небольшой горбинкой выгодно смотрелся на вытянутом лице, заканчивающемся волевым, мужественным, с небольшой ямочкой подбородком.

Непринужденная поза, в которой не было ни капли напряжения, говорила о человеке, повидавшем на своем пути многое, при этом не потерявшем чувства собственного достоинства.

Все это Марина заметила за долю секунды.

Офицер снял фуражку, поправил влажные от пота выющиеся волосы и улыбнулся.

– Пожалуйста, присаживайтесь, – простодушно улыбнувшись, произнесла Марина.

– Вас что-то во мне заинтересовало? – перехватив на себе ее заинтересованный взгляд, спросил он и поставил на стол отбивную и кофе.

Марина слегка порозовела и непринужденно рассмеялась.

– Вы похожи на Жоффрея из фильма про Анжелику, – она прыснула в руку.

Ее усталость и разбитость мгновенно исчезли.

– Правда, для стопроцентного сходства мне не хватает жуткого шрама через все лицо, – тоже засмеялся офицер. – А так согласен. Как зовут мою соседку?

– Марина, – опустив чарующие веки, тихо произнесла она.

Женщина прекрасно знала, как и чем разбивать мужские сердца.

– Степан, – произнес он, с трудом разжевывая жесткую отбивную.

– Как прозаично и... романтично, – улыбнулась она. – Бородку бы – и вылитый Степан Тимофеевич Разин, бунтарь, казачий атаман, предводитель восстания... Стенька... Стенька Разин.

– Так меня еще никто не характеризовал.

– Какие ваши годы?

– Как вы по-женски непостоянны: то Жоффрей, теперь Разин... Кто вам ближе? – он обнажил в улыбке ровные зубы.

Марина наивно пожалала плечами.

– Когда мне приходится принимать пищу в общественных местах, я всегда поражаюсь: где и как можно так искусно научиться невкусно готовить? А пойдете-ка в ресторан... У вас когда самолет?

– В два...

– А у меня в половине четвертого. У нас с вами есть для хорошего времяпрепровождения около двух часов. Идемте?

– Пойдемте.

В ресторане почти никого не было. Тихо играла саксофонная музыка, прерываемая постоянными объявлениями о посадке и прибытии самолета.

Подошел официант.

– Мариночка, можно я закажу на свое усмотрение?

– Пожалуйста.

– Нам триста граммов хорошего коньячку... Армянского.

– Но... – что-то пытался проговорить официант.

– Давайте без но... Триста граммов коньяку, азу из свинины, фрукты – виноград и персики, бутылочку «Швепса», через час кофе и мороженое. Вы утверждаете этот список, или вам шампанского взять? – Степан посмотрел на Марину.

– Список утверждаю, а шампанское не люблю.

– Первый раз встречаю девушку, отказывающуюся таким образом от шампанского, – улыбнулся он.

Степан налил коньяк в рюмки, поглядел на свет через него.

– А лимон-то мы не взяли, – проговорила Марина.

– О коньяке я могу прочитать целую лекцию. Четыре года назад меня пригласил сослуживец в Армению, в Лори, на свадьбу своего сына. Так вот там люди, знающие толк в этом напитке, считают, что его следует закусывать мякотью персика, а лимон имеет острый вкус и запах, который полностью забивает лучшие качества коньяка, – он порезал персик. – Традиция же закусывать коньяк лимоном, согласно легенде, пошла от Николая Второго, который любил употреблять этот божественный напиток именно таким образом. Хочу сказать тост.

Она молча кивнула.

– Давным-давно в горах Кавказа в неприступном ущелье жил огромный орел, царь всех птиц. Каждый день он облетал Землю в поисках драгоценных камней, которые потом нанизывал на ниточку, и это ожерелье выходило необыкновенно красивым. Но однажды случилась неприятность: нитка на ожерелье порвалась и все драгоценные камешки разлетелись по миру, а один из них упал на этот стол. Давайте выпьем за этот

невиданной красоты изумруд, за украшение стола, ресторана, да чего уж скромничать, драгоценность всей нашей вселенной – за вас, Мариночка!

Марина от такой неожиданности слегка порозовела. Она молча подняла свой бокал и чокнулась со Степаном.

Они выпили.

– А чем вы занимаетесь? – спросила она.

– Родине служу, вот уже двадцать один год.

– Вам нравится?

– Нравится служить? Несколько странный, извините, вопрос. Профессия военного становится резко востребованной, и о ней вспоминает каждый, когда вдруг нападает враг, когда рвутся бомбы, летают пули и смерть безнаказанно бродит по улицам. А до этого их никто не замечает, и, еще раз простите, бытует мнение среди некоторых благоразумных товарищей, которых в последнее время становится все больше и больше, что это бездельники и дармоеды и что народ их кормит. Это очень неприятно слышать. Больно за лишения и тот каторжный труд тех, кто охраняет границу, – ракетчиков, летчиков, саперов, связистов, танкистов, артиллеристов, моряков... Их много, и все они выполняют свою, только им одним свойственную, функцию – функцию защиты мира. И не дай Господь кому-то плохо работать... Вот раньше, после Отечественной войны, народ боготворил военных, потому что каждый познал лишения и горе войны, в каждой семье в комод лежала похоронка на сына, мужа, отца, брата, а порой и дочь... Это на параде красиво!.. Самолетики, танчики, пушечки... Идут все ровненько, красивенько... А чтобы все это делать пригоже для вас, для всех, они два раза в неделю тренируются до глубокой ночи шаг держать, равнение... А летчики?.. До секунды все выверено, до миллиметра. Это, миленькая моя, тяжелейший труд. Согласен, красиво, но служба – это не парад.

Степан говорил твердо и громко, распаляя себя.

Марина тихо сидела, рассматривая его, затаенно внемля слегка глуховатому голосу, так, как это делает малое дитя, слу-

шая сказку, боясь пропустить хотя бы одно малюсенькое словечко.

– Девочки от счастья светятся, идя за курсанта замуж, – продолжал он, – думают о райской жизни. Но попадая в гарнизоны, мгновенно опускаются на землю. Нет там рая и не было никогда. Здесь есть только суровая правда жизни, а любовь – исключительно к Родине. Шестьдесят процентов этих браков, ну пусть не шестьдесят, а пятьдесят или сорок, быстро распадаются. Очень трудно, когда в году мужа нет дома по шесть месяцев, когда месяц через месяц дежурят по точкам, когда постоянные тренировки и ученья на полигонах... Что-то я разошелся. Вам это понять сложно, да и не нужно, но... это тоже жизнь. Давайте с вами выпьем... за знакомство. Всегда придерживаюсь поговорке: «Что Бог ни делает, делает к лучшему». Вот и сегодня... Ну, Мариночка, за нас!

– А тост?!

– Любой каприз!.. Настоящий мужчина, Мариночка, – это тот, который всегда помнит день рождения женщины и никогда не знает, сколько ей лет. Давайте выпьем за то, чтобы на жизненном пути женщин всегда встречались только настоящие мужчины! С Богом! – Он поднял бокал.

– Вы очень любопытный человек, Степан, – задумчиво сказала она и посмотрела на него сквозь бокал с налитым напитком. – Вас интересно слушать, в вас нет лжи и подхалимства, отсутствует павлиний окрас, вы не пытаетесь казаться лучше, чем есть... Вы – настоящий мужчина!

Он искренне засмеялся и, отпив немного коньяка, хитро спросил:

– А со мной пойти за горизонт, на край света?.. Или?..

Марина задумалась. Он не мешал ей и сквозь невесомый полумрак пристально смотрел на нее. Эта женщина нравилась ему, нравилась простотой в общении, отсутствием вычурности, позерства и наигранной веселости, свойственной ресторанным подругам и их лживой страсти любви в ночи. Она просто и открыто улыбнулась:

– Пошла бы!

– Так в чем дело? Сдаем ваш билет и летим со мной встречать восход солнца, солнца, рождающегося из чрева океана. Потрясающее зрелище! Ради этого чуда стоит жить!

– Соблазнительно! Но... Но! Вы несколько раз упомянули имя Бога, а как относитесь к религии?

– Я материалист. Но твердо считаю: человек обязательно должен, просто обязан во что-то верить – в Бога, в партию, в идола... Именно тогда в нем обитает доброта, сердечность, чуткость, милосердие и человечность. Это то, что не хватает нынешнему поколению, человеку без разума, понятий и здравого смысла, в котором зло и жестокость превалируют над добротой... Повторюсь, я реалист, но... ничего не приходит ниоткуда и не уходит никуда. Душа... Верю, она есть. Ее даже взвесили. Жизнь после смерти?.. Может быть. Есть ли Бог?.. Не знаю, но то, что есть какой-то энергетический центр, где хранится вся информация о человечестве, о нас с вами, это точно. Когда нам не понятно, трудно, страшно, мы обращаем мольбы к Богу, просим у него защиты. Ну а к попам, или, как они себя именуют, священнослужителям, отношусь очень неоднозначно и даже, простите, негативно.

– Почему так? – удивленно подняла Марина глаза.

– Потому что в их среде не видел ни одного порядочного человека. Они, безусловно, есть, но я их не видел. Меня как-то один из них спросил, почему я не хожу к нему в церковь, так я ответил: «Потому что я вас не уважаю». – «Меня не надо уважать, – сказал он. – Вы к Богу приходите». – «К Богу я могу обратиться и дома», – так ответил ему я.

– Почему?

– Я лицезрю обличье этого человека, вижу его воровскую сущность, он любовниц имеет, трудится на мирских работах, над гробом деньги считает, всё боится, что обманут, унижает прихожан, требуя от них денег. Видеть это просто омерзительно. У меня возникает нетерпимое чувство брезгливости и омерзения. Мало того, у меня двоюродная тетя работала в мужском

монастыре, пирожки пекла. Это был бизнес одного из наставников богоугодного заведения. Так вот она рассказывала, я передаю ее слова, что творится за монастырскими стенами. Там нарушаются не только все заповеди Закона Божия, но и всё, что можно нарушить. Они пьют, курят, дерутся, по ночным клубам шатаются, бизнесом занимаются, девочек в кельи водят... И многое что еще, о чем и говорить не хочется.

– Да ну...

– Я сам это видел. Был как-то на экскурсии в мужском монастыре под Полтавой и видел, как монах вел девушку, красивенькую, стройненькую, к себе в келью, правда, и он тоже был высок и красив.

– Может, они просто так шли.

– Может, и шли, но не просто так, это точно.

– Неужели...

– Я до этого тоже представлял их мир иначе. Как я могу верить тому, кто сам ни во что не верит?

– Получается, ни во что не следует верить?

– Почему?

– Хорошо, вот вы, как мужчина героической профессии, к чему питаете доверие?

– Верю в себя, в свое умение быть нужным, верю в свою маму, которая могла многое, но за свою жизнь не украла даже малой толики, верю, что есть в этом сумасшедшем мире честные, порядочные и справедливые люди. И очень жаль, что они все несчастны от своей праведной жизни. Верю в торжество разума...

– А в любовь? – затаенно спросила Марина, слегка прикрыв веки.

Ей все больше и больше нравился этот мужчина, нравился своей прямоотой, свободой и широтой мышления. В его суждениях не было напыщенности, артистизма, бахвальства и хвастовства. Он прямо и доступно изрекал свои мысли, не искажая их.

– Любовь... Сложная штука... Наверное, любовь – это болезнь, от которой нет лекарства... И только наш пресловутый

быт точит ее изнутри... Давайте выпьем за нее, эту любовь, а потом порассуждаем...

– И тост?

– Давайте и тост. Вам в стихах или прозе?

– Вы и стихи знаете? Никогда бы не подумала, что в мужественном сердце есть уголок сентиментальности. Давайте в стихах, это интересно.

– И в вас живет представление об односторонности, ограниченности и примитивности военного человека. Не возражайте, – поднял он указательный палец. – Вы, как и все мы, плоть от плоти народной. Это как выделение слюны у голодного человека при виде пищи. Слушайте:

*Пусть прозвучит банально это,  
Но все же выпьем за любовь!  
Ни для кого нет в том секрета,  
Когда приходит она вновь,  
Тогда ты крылья распускаешь  
И гордо над землей паришь.  
Она прекрасна, ты ведь знаешь  
И ей навстречу ты летишь!*

– Bravo! Даже грустно стало... – Марина надолго задумалась. – Степа, хотелось бы услышать вашу точку зрения о любви.

Степан надул щеки и выдохнул.

– Над этой проблемой бились и бьются лучшие умы, начиная со времен появления на планете этого самого человека, и не могут прийти к единому мнению, а вы хотите, чтоб я, смерд, взял и поставил в этом вопросе жирную точку, а все сняли шляпу и в экстазе склонили передо мной головы?

– И все же, пожалуйста... – наморщила она носик.

– Хорошо, только давайте условимся: я высказываю лишь то, что чувствую и понимаю, а вы это выслушаете и... и без обид и разочарований. Не переча. Договорились?

– Договорились. Хоть слово вставить будет можно? А то совсем лишите меня конституционных прав.



– Слово можно, не более одного. Любовь многогранна и неповторима ни в одном конкретном случае. Согласны?

Марина кивнула головой.

– Каждый, вы, я, вон тот официант, лысый мужчина с крашеной блондинкой... буквально все воспринимают и ощущают эту любовь по-своему. И каждый будет характеризовать ее только по своим, индивидуальным ощущениям... Она изменчива, как погода... Она, словно хамелеон, постоянно меняет свою окраску... Не согласен с современными гениями, которые говорят о сексе в любви или любви в сексе. Извините, может, я как-то непонятно изъясняюсь... Просто слов не хватает, еще раз простите... Всё это, разумеется, есть, было и будет, но истинная, чистая, подлинная любовь между мужчиной и женщиной куда шире, масштабнее любви-секса.

– Возражаю!..

– Мы договорились: я высказываю свое мнение, а на дискуссию у нас просто не хватит времени, – Степан посмотрел на часы. – Мы можем любить всё – солнце, небо, цветок на лугу, тихую заводь или бушующий океан, закат, восход...

– Нет, только о любви мужчины и женщины...

– Тогда тезисно, потому как эта тема неисчерпаема. Чувства эти зарождаются еще в школе, а может быть, и раньше. Они известны всем, тут эмоции зашкаливают на фоне гормонального всплеска, поэтому память о них вечна. Далее, по жизни возникают симпатии, которые порой перерастают в любовь, а точнее, в обостренные чувства. У человеческой любви множество оттенков, но в последнее время, точнее, в нынешнее, любовь понимается как аффект... Артефакт, что ли.

– Позвольте...

– Минуточку, все эмоции и реплики потом. Я не думаю, что вы живете в мире иллюзий, где всё в ярких, сочных и насыщенных красках. Давайте реально взглянем на окружающий нас мир. И что видим? Тьму видим, которую изредка прорезают искорки. Девочки в двенадцать лет познают все прелести жизни, подчеркиваю: все! И к двадцати годам...

– Не все же...

– Вот это и есть искорки... К восемнадцати годам эти уличные девочки, красивенькие, конечно, перенасытившись всей этой любовью, идут в рестораны, передаются из рук в руки, из уст в уста, ищут богатенького старца. И что самое смешное, некоторые находят, венчаются, даже рожают... Это по любви, как вы считаете? Вот именно, их понятие любви, как понятие всего современного мира, – деньги, большие деньги и положение в обществе... Переспать, сытно поесть, блеснуть нарядами и украшениями... И чтоб когда «любимый» старец ляжет в саркофаг, все его богатства достались ей. У юношей, хотя и у невестребовавших девушек, тоже не намного иначе. Одни спиваются, другие гибнут от наркотиков, а третьи, дети влиятельных родителей, как правило, очень ограниченные и недалекие люди, уходят в депутаты или садятся в директорские кресла, командуя и унижая умных людей, – Степан зло улыбнулся. – Хотел рассказать о любви, а наплел... А вообще, любовь – это целый мир, в котором одновременно живут созерцания, обоняния, вкус, цвет, запах, сны, грезы. Здесь даже имя любимого человека произносится иначе, с придыханием, что ли... Не могу выразить словами то, что хочу сказать. Как мне когда-то сказала одна маленькая девочка: «Любовь заставляет тебя радоваться и улыбаться, даже если ты устал и твои ресницы все время летают вверх-вниз, а из них сыплются звездочки. В любви никогда не должно быть лжи! И если любишь, по-настоящему любишь, нельзя забывать говорить об этом». О своей любви надо кричать, чтоб голос твой был слышен в другой галактике!

– А что вы думаете по поводу того, что для некоторых мужчин любовь становится зависимостью от женщины. И женщины пользуются этим с удовольствием, манипулируя мужчиной.

– Вторгаться в свободу любого человека, не раба, подчеркиваю, а личности, не есть заслуга и приоритет, в данном случае женщины. Цепь со временем может перетереться, а с ней ослабнет и притягательная сила любви. Любовь – это добрая игра, в которой нет победителей. Любовь зиждется на взаимном дове-

рии, это забота и поддержка любимого человека, обоюдное внимание, доброта, сердечность, чуткость и душевность в их отношениях. Повторюсь: сейчас, в наше смутное время, любовь для молодежи – пережиток прошлого.

– Как я поняла, любовь – это когда вместе прожита жизнь и люди сохранили нежность и душевную теплоту друг к другу, – она задумчиво улыбнулась, затем тихо произнесла: – Вы во многом правы... Наверное и правда, что сейчас этой самой любви днем с огнем не сыщешь, хотя... я со многим вами сказанным и не совсем согласна...

– Это я так, в общих чертах... – очертил он руками круг. – Заставили меня пофилософствовать... А если честно, любовь, кто по-настоящему любит, – это самый восхитительный и изысканный в мире цветок, обладающий невообразимым, наркотическим запахом, немыслимой притягательной силой и красотой! Она не подвластна законам физики, человек в этом состоянии находится в... левитации, что ли, или пребывает в невесомости, – улыбнулся он.

– А пример мне привести можете? Только не надо говорить про Ромео с Джульеттой или Тристане с Изольдой, это все сказочно...

– Могу. Александр Колчак и Анна Тимирёва. Пять лет, с момента их знакомства и до дня расстрела адмирала, длился их роман. Оба к этому времени имели семьи, детей, оба владели представлениями о любви, оба прошли через ее познание, оба... Наверное, чтобы понять истинную ценность того или иного, надо уже иметь об этом предмете мало-мальское представление. И даже то, что разница у них в возрасте была почти двадцать лет, и то, что общество супружескую неверность в то время считало страшным грехом... Тем не менее...

После этих слов щеки Марины сделались пунцовыми, но Степан этого не заметил.

– Анна Васильевна первая призналась Александру Васильевичу в любви. Она, двадцатилетняя, была так очарована харизмой и обаянием Колчака, что влюбилась в него практически

сразу. И он ответил ей тем же. Встречались они очень редко. Это был роман, любовь наяву и в письмах. И была Анна Васильевна Тимирёва со своим возлюбленным вплоть до самого его расстрела, до 7 февраля 1920 года. Перед казнью он обратился к палачам с просьбой разрешить ему в последний раз повидаться с женой. Женой! В этом ему отказали... Вот такая вот любовь!

– А что стало с ней после его смерти?

– В общей сложности в тюрьмах Анна Васильевна провела тридцать семь лет. Правда, ее периодически выпускали, а затем снова сажали.

– Ого! За что?

– Разве можно понять, за что в то время сидели люди, – либо враг народа, либо с этим врагом рядом стоял. Умерла Анна Васильевна в 1975 году, пережив своего возлюбленного более чем на полвека. Реабилитирована в 1960 году. А можно для вас, только для вас, я сейчас спою песню? – неожиданно произнес Степан.

Марина склонила набок голову и удивленно посмотрела на Степана.

– Песню?.. Мне?.. За столом?..

– Почему за столом? Видите, на импровизированной эстраде рояль стоит?

– И вы играть будете?

– И играть, и петь... – Степан от нахлынувшего чувства радостно расхохотался.

– Хочу! – Марина оперлась локтями на стол, положила на стиснутые кулачки подбородок и не отрываясь смотрела на него, прищурив слегка раскосые глазки. – Хочу, – прошептала она.

Степан поднялся и не торопясь направился искать администратора.

Вскоре он опять появился в зале, подошел к роялю, открыл крышку и быстро пробежал руками по клавишам.

– Песня посвящается Марине! – объявил он и запел.

Вначале было слышно плохо, но когда зазвучал припев, Марина вспомнила эту песню:

*Музыку услышишь грустную мою –  
Тебе одной её я подарю, Марина.  
Всегда красивой будь, всегда счастливой будь,  
И пусть судьба хранит тебя...*

Пел он задушевно и проникновенно, закрадываясь все глубже и глубже в ее сердце, и голос очень походил на голос певца Серова. Марина, не ожидавшая ничего подобного, неподвижно сидела как загипнотизированная и ничего не видела. Ее глаза наполнились влагой, и в них затрепыхались искорки салюта. Она вновь прислушалась. Теперь лилась другая песня:

*Я то плачу, то смеюсь, рамп души не погасить.  
Я раздвину боль и грусть до погасшей до зари.  
Я поверю и пойму и не стану больше ждать.  
Я так искренне хочу с тобой опять собою стать...*

Теперь из глаз Марины непроизвольно текли слезы.

«Что это со мной? – подумала она. – Я стала сентиментальной или?..»

Она ощутила, как в ней зарождается что-то новое, светлое и радостное. Ей все больше и больше нравился этот мужественный и совсем не примечательный человек, не красавцы с глянцевого обложки журналов, к которым она привыкла. А вот чем он привлек ее внимание, Марина не могла понять. Степан обладал какой-то мощнейшей энергетикой, невероятной силой притягательности и магнетизма. Это был воин, мощь и оплот, надежность и спокойствие, его хотелось слушать, слушать и подчиняться.

Она даже не заметила, как Степан вернулся к столику.

– Что тут без меня произошло? – спросил он тихо.

Марина улыбнулась и промокнула салфеткой глаза.

– Грустинка в глаз попала. Давайте, Степа, выпьем и пойдем. Через час мой вылет.

– Вот теперь эта самая грустинка мне тоже начинает царапать глаза, – он судорожно вздохнул. – Не могу похвастаться своей притягательностью или обаятельностью, а вот вы меня покорили и растворили в себе.

– Вы скажете, – махнула Марина рукой и порозовела, ее сердце неистово застучало. – Я хочу выпить за вас, Степан, за вашу... – она задумалась. – Просто за вас! И не возражать!

– Не возражаю, – засмеялся он.

Они выпили.

Принесли кофе и мороженое.

– У нас есть пятнадцать минут? – спросил офицер.

– Пятнадцать есть.

– В двух словах о себе, если это возможно.

– Если в двух... Я женщина, женщина самодостаточная, со всеми грехами, присущими этому полу. Замужем, двое детей. Лечу к мужу в Новый Уренгой...

– А я хотел предложить вам бросить всё и отправиться со мной в романтический полет, в сказочный край с таинственным названием Камчатка, где бьют гейзеры, выбрасывая вверх фонтаны горячей воды и пара, где в термальных источниках можно купаться круглый год, где красная икра цистернами, малина, голубика, брусника, клюква, шикша, морошка бочками... А грибов!.. Море Охотское, море Берингово и Тихий океан, который каждое утро отдает из своего чрева солнышко... А Срединный и Восточный хребты, а реки Авача, Щапина, Ука... Вулканы – мощь и сила полуострова: Тильмыг, Кахтана, Лангутуткин, Хайлюля... Всех и не перечислишь. Смотришь на них и понимаешь, как ты в этом мире мал, слаб и хил. Непроходимые леса с их медведями, волками, оленями, соболями...

– Мне уже страшно и холодно, – Марина передернула плечами.

– А я рядом... Спасу и согрею тут же.

– Заманчиво! – засмеялась она, тряхнув волосами. – А я вот возьму и соглашусь. Что жене скажете?

– У меня ее нет. Едем?

– Правда? – искренне удивилась Марина. – Почему?

– Об этом потом. Пойдемте сдадим ваш билет...

– Степочка, милый, – Марина взяла его руку и прижала к груди. – Не сегодня... Обещаю приехать, честно.

– Обманываете?

– Вы мне только что рассказывали о...

– Понял! Буду ждать. Вот мой номер телефона и адрес, – он быстро написал их на салфетке и протянул ей. – Если вдруг не дозвонитесь, не отчаивайтесь, значит, я в море. Только обещайте... Я очень буду ждать, – было слышно, как его голос едва заметно дрогнул. – А вот второй телефон, это мой сосед, Сергей Васильевич Проданчук, он всегда скажет, где я.

Марина кивнула головой, ее глаза вновь затуманила набежавшая пелена.

– У стойки номер три начинается регистрация билетов и оформление багажа на рейс, – диктор назвала номер рейса: – Москва – Новый Уренгой. Повторяю...

– Это мой, – грустно произнесла она. – Ночью в Уфе пересадка... Прилечу в половине одиннадцатого. Я так устаю после этого перелета... Спасибо вам, Степа, что вы оказались сегодня рядом со мной. Пообещайте, что не обидитесь и не будете возражать...

– Вам – никогда.

– Это правильно! Я рассчитаюсь за этот стол.

– Нет...

– Без но и нет... Вы же человек слова, как я поняла. Или ошиблась?

– Как-то неудобно даже...

– Еще как удобно. Не хвалюсь, но денег у меня значительно больше, нежели у вас. Только без обид!

– А я тогда вам дам sd-карту на телефон. На ней музыка белорусского гитариста ДиДюЛи и песни Александра Серова. В современной эстраде люблю только их. Давайте я ее в ваш телефон прямо сейчас и поставлю.

– Дидюля, я о таком и не слышала.

– Теперь послушаете. Суперталант! Надеюсь, мой маленький подарок скрасит ваше многочасовое одиночество.

– Спасибо.

Степан помог Марине донести вещи из камеры хранения до регистрационной стойки.

– Степа, еще одна просьба. Пожалуйста, давайте простимся здесь и сейчас. Я не хочу, чтоб вы видели мои слезы.

Неожиданно она обняла Степана за плечи, притянула к себе и, приподнявшись на носочках, приникла к его губам. Это прикосновение было как спичка для сухого пороха, взрывом в полной тишине.

Наконец Марина отстранилась. Ее лицо пылало, огромные глаза радужно светились, сейчас она напоминала гипнотизирующую шаровую молнию.

– Степочка, иди, мой милый, и не прекословь. Я обязательно тебе позвоню. Ты только жди, хорошо? – и, резко повернувшись, взяла вещи и направилась к стойке регистрации, плечи ее вздрагивали.

#### 4

Только ближе к обеду Марина наконец приземлилась в конечном пункте своего путешествия, Новом Уренгое, и ступила на седую землю северного Урала. А до этого три с лишним часа из-за ненастья провела в аэропорту Салехарда, где самолет совершал вынужденную посадку. И всё это время с ней был Степан в виде песен Серова и музыки ДиДюЛи.

Холодный ветер и бесчувственное солнце Ямала не добавляли и без того гадкого настроения.

Но несмотря ни на что, ей нравился этот город, построенный в вечной мерзлоте на Полярном круге, поделенной рекой Седзяха на две части – Северную и Южную, город низкого неба, дующего ветра, невыразительного солнца и господствующей прохлады.

Город, где летом закат плавно переходил в рассвет, а зимой проказничало северное сияние, где летний день длится одни сутки, а зимний – всего лишь три часа, где свыше двухсотвосемидесяти дней в году зима, а остальное... Хотя бывали и теплые дни, даже жаркие, и отчаянные умудряются искупаться.

Город дышал современностью и изысканностью.

Наперекор низкорослой и блеклой природе его дома были красочно выкрашены в яркие цвета радуги, создавая иллюзию



сказочного цветка. В городе было всё: школы и больницы, Дворцы культуры и музеи, памятники и стадионы, церкви и широкие проспекты, мосты и набережные, огромные супермаркеты и современные бассейны. И даже в одном из жилых дворов с любовью поставлен памятник Владимиру Высоцкому, стоящему с гитарой.

Встретил Марину незнакомый мужчина, как потом выяснилось, Михаил, шофер мужа.

– А где Николай Александрович? – спросила она, надевая поданное Михаилом белоснежное песцовое манто.

– Не беспокойтесь, Марина Ивановна, Николай Александрович немного приболел, он в больнице...

– Что случилось? – с тревогой спросила она.

– Сердце немного прихватило... На одной из буровых неполадки были, вот он сильно и перенервничал... Сейчас поедem в больницу, вы сами все и выясните.

## 5

Небольшая изысканная кардиологическая больница, расположенная в небольшом парке из карликовых берез, приземистых елей и лиственниц, выглядела просто фантастически. Поражали уют, тишина, чистота и образцовый порядок. Даже не верилось, что такая волшебная красота бывает в лечебных учреждениях, да еще и на краю земли.

Ее провели в кабинет доктора. За компьютером сидел холерный, представительный, дорого пахнущий и знающий себе цену мужчина лет пятидесяти, с седеющими вьющимися волосами и прищуром умных глаз.

– Марина Ивановна? – спросил он. – Присаживайтесь, – и показал рукой на мягкое кресло. – Серeda Петр Петрович, главный врач этой больницы. Кофе?

– Если можно... Очень устала... Больше суток в пути.

Он нажал на кнопку монитора:

– Леночка, два кофе. И покрепче.

Доктор не торопясь достал из холодильника коньяк, шоколадку и нарезанный на блюдечке лимон. Марина вспомнила Степана и его рекомендацию закусывать коньяк персиком и невольно улыбнулась.

Тихо открылась дверь, и с подносом в руках вошла миленькая девушка в зеленой униформе, молча положила салфетки и поставила на них дымящиеся чашечки.

Петр Петрович разлил коньяк.

– С приездом вас! – поднял он бокал. – Давайте выпьем, а потом посидим, поговорим.

Они выпили.

– Ну а теперь о главном. Состояние Николая Александровича тяжелое и... даже очень. Обширный инфаркт. Он в реанимации. Прогноз... – врач шумно выдохнул. – Прогноз неблагоприятный. Делаем все возможное. Больше сказать ничего не могу.

– Я могу его видеть?

– Не более пятнадцати минут.

Марина тихонечко приоткрыла дверь и опасно вошла в палату. На широкой с приподнятым изголовьем кровати, застеленной светло-голубой простыней, прикрыв глаза, весь в проводах и присосках лежал муж. Из бутылочки в руку капала жидкость, а на тумбочке стоял монитор, на котором высвечивались цифры артериального давления, пульса и бежали зубчики электрокардиограммы, создавая атмосферу таинственности и загадочности.

Марина приблизилась к койке, осторожно опустилась на краешек стула и положила ладонь на руку мужа. Николай Александрович приподнял тяжелые веки.

– Мариночка, ты приехала... – он попытался улыбнуться, и из уголков его глаз по небритым щекам покатились слезинки. – Видишь, всё как... – глаза страдальчески прикрылись, губы дрогнули.

– Коля, тебе нельзя волноваться... Все будет хорошо... Доктор сказал, что ничего страшного. Болит?

– Уже легче, но... Боль еще есть, особенно если двигаюсь, перебои появились и дышать немного трудно... А сколько планов...

– Не переживай и не разговаривай... Тебе силы нужны. Я добралась хорошо, быстро... – гладила Марина супруга по руке. – В аэропорту встретили и напрямиком к тебе. Дома все в порядке. Дети тебе большой привет передают. Саша начал усиленно заниматься английским и компьютером, а Сережа пока только в небе ворон считает.

Николай Александрович улыбнулся.

– Ребятишки пусть с тещей в санаторий едут. Как она?

– Нормально. Тоже тебе велела кланяться. Дядя Миша как всегда прям и непреклонен, никак не может отойти от своего флотского прошлого. Взял из питомника двух овчарок. Они теперь ночью по двору бегают, а днем в вольере сидят, он его за сауной соорудил. Катя Мельник...

Открылась дверь, и вошел врач.

– Марина Ивановна...

– Я поняла, доктор, – Марина поднялась, поцеловала мужа и прошептала: – Поправляйся, милый, я завтра к тебе приду.

– Ключи есть у тебя?..

– Всё есть. Только не волнуйся. Что тебе принести?

– Скажи Марии Семеновне, пусть перемелет курагу, изюм, чернослив, инжир, растолчет грецкие орехи и перемешает это с медом...

– Марина Ивановна-а-а... – послышался сзади строгий голос врача.

Марина еще раз поцеловала Николая Александровича и, помахав рукой, на цыпочках вышла.

## 6

Прилетев во Владивосток, Явниченко разместился в гостинице, привел себя в порядок, хорошо выспался и на следующий день, ближе к обеду, пошел в штаб Тихоокеанского флота, именно в это время там наступает короткое затишье. Степан шел не торопясь, привычным взглядом осматривая знакомые улицы города, мало изменившиеся за период его обучения в академии в Москве. Он вспомнил свою ночную знакомую.

«Как она там? – подумал он и вздохнул. – Как долетела?.. Прекрасная женщина! Существует масса интересных и красивых женщин, но многие из них бегут по жизни, словно белые облачка на бездонном небе, полюбовались ими – и они улетели, уносимые ветром жизни, пропали и рассеялись. А некоторые обладают неукротимой притягательностью. Пять минут общения – и тебя постоянно тянет к ней. Как все сложно в этом мире! Вроде бы все ясно: рука, голова, дважды два, синее, красное... Но вот психика, внутренний мир... Не строение, а именно этот самый внутренний мир, чувства, ощущения, игра эмоций, отношения между людьми, между женщиной и женщиной... социум, как сейчас говорят умные люди. Наверное, через пару веков медики и психологи обратят-таки внимание на человека и разгадают его сердечные тайны. И не будут тогда создаваться семьи по половому признаку, а лишь по духовному, по истинной любви... Это с годами и опытом начинаешь понимать, что эмоции молодости – еще не любовь до гроба. Эмоции проходят, а суровая правда жизни остается. И не живут семьи вовсе, а мучаются, истязая друг друга... Зачем?..»

## 7

Как ни странно, но в приемной начальника штаба Тихоокеанского флота никого не было.

– Разрешите, товарищ вице-адмирал, капитан второго ранга Явниченко. Докладываю...

– Подожди ты докладывать, Степан Тимофеевич. Или военным настоящим стал? Эко тебя в столице развратили. Садись, – показал он на стул. – Коньяк принес?

– На КПП отобрали, – пошутил Явниченко.

– Видишь, как служба у нас поставлена! Нечего по штабу пьяным шататься. У нас этого спиртного и у самих хватает.

Вице-адмирал рассмеялся и достал бутылку, рюмки и поставил все на стол. На блюдечке желтели ломтики лимона.

Явниченко непроизвольно улыбнулся, вспоминая вечер в аэропорту.

– Чему радуешься? – спросил адмирал.

– Что вернулся.

– Похвально!

Начальник штаба разлил коньяк по рюмкам:

– За твое возвращение, за твою приверженность нашему флоту!

Они выпили.

– Степан Тимофеевич, тебя ждут два сюрприза.

– Не успел приехать, как посыпались сюрпризы... Жизнь, как говаривал в мою лейтенантскую бытность мой командир боевой части капитан-лейтенант Ремезов, всегда пучится от неожиданностей.

– Тебе присвоено очередное воинское звание – капитан первого ранга... Вот и погоны. До адмирала рукой подать. Снимай тужурку, я распоряджусь, чтоб тебе их сразу и пришили. Нечего шастать по флоту большому командиру с двумя звездочками.

– Немного рановато... – Явниченко встал и принял строевую стойку. – Служу....

– Сядь, выслушай дальше. Учитывая твое пролетарское происхождение, геройское флотское прошлое и головокружительное настоящее, – глаза начальника штаба хитро сощурились, – принято решение назначить тебя командиром разнородных сил на Камчатке. Приказ подписан. Ну что, справишься?

– Справлюсь, товарищ вице-адмирал!

– Молодец! – бросил в рюмку три звездочки и наполнил ее до краев. – Давай выпьем за новое звание, твое назначение да пойдем пообедаем. После обеда к Командующему зайдем, представишься. Да, как твои семейные дела?

– Без изменений.

– Ты что, копируешь жизнь Нахимова и Ушакова? Это они померли холостяками, не оставив потомства.

– Предположим, потомство я оставил, вот все остальное... А Ушаков для меня просто непревзойденный авторитет, в этом признаюсь.

– Согласен. У каждого в жизни своя песня.

Марина до того устала, что, наскоро помывшись, легла в постель и мгновенно уснула.

Последующие дни походили один на другой как две капли воды – дом, больница, дом... Да и погода не баловала – холодно, сыро, ветрено. Пару раз проехала на машине по городу, заказала службу в Богоявленском соборе во здравие Николая. С соседкой, женой большого городского начальника, дамой разбитной и своенравной, ездили в Надым и Салехард, ходила на концерт Игоря Корнилова. Ей очень нравился этот певец, так талантливо и даровито воспевающий холодный северный край и его мужественных, стойких и героических людей.

Подходил к концу месяц, как Марина приехала сюда. Муж выздоравливал, это было заметно невооруженным глазом.

Как всегда вечером Марина сидела возле кровати мужа и вслух читала книгу Николая Задорнова «Капитан Невельской». Открылась дверь, и вошел доктор.

– Как хорошо, что вас застал. У меня прекрасная новость: завтра, Николай Александрович, ближе к обеду мы вас выписываем. Я доволен результатом. В бой идти еще рановато, но в целом у вас все хорошо. Утречком забегу и поговорим, что вам будет можно, а что нельзя.

– Петр Петрович, я могу его забрать домой, в Геленджик? – поинтересовалась Марина.

– Я бы на вашем месте не торопился. Курс реабилитации пройти надо, в санаторий для сердечников поехать в среднюю полосу, где сосны и дубы. Резкая смена климата с холода на пекло может плохо отразиться на его самочувствии. Все в этой жизни надо делать не торопясь и качественно.

– Я же не могу здесь...

– Это вы решите потом, а пока больной пусть отдыхает, а вы зайдите ко мне, я вам дам все документы.

Марина вошла в кабинет и увидела на столе чашки с кофе и рюмки, наполненные коричневой жидкостью, во рту доктора дымилась сигарета.

– Марина Ивановна, – начал главный врач без промедления, – не создавайте себе иллюзий, что болезнь вылечена. У него в районе левого предсердия огромный рубец, и, если честно, я, имеющий в этом деле колоссальный опыт, не давал и пяти процентов на благополучный исход. Он пусть думает все что угодно, не возбраняется. Но вы должны знать и понимать, что ваш муж еще долго не будет мужем, если будет вообще. Ему нельзя нервничать, перенапрягаться... короче, запрещены все работы, связанные с тяжестью и перевозбуждением. Вы простите меня за откровенность и, может быть, жестокие слова, но я не хочу, чтоб между нами была недоговоренность... перед вами теперь живой труп. Еще раз извините, но я обязан это сказать.

Глаза Марины стали мокрыми.

– Давайте выпьем, Мариночка, не надо, чтоб и ваше сердце дало трещину.

– И что же мне делать? – всхлипнула она.

– Извините, вот здесь я помочь уже ничем не смогу. Одно хочу сказать: живите в мире, любви и согласии! Творите добро, будьте милосердны, имейте ангельское терпение, научитесь прощать! И вот тогда свет счастья, радости и любви озарит ваш путь в этой жизни, – доктор улыбнулся. – Ни дать ни взять, молвил, как священнослужитель на проповеди.

## 9

По прибытии к новому месту службы Явниченко три недели вникал в дела теперь уже своего огромного хозяйства. Он вызывал командиров, выслушивал доклады, задавал вопросы, решал насущные проблемы. А потом, взяв с собой группу ответственных за боевую подготовку офицеров, отправился с инспекторской проверкой объезжать подчиненные части и соединения.

Степану нравилась военно-морская служба, он находил в ней упоение. Еще в училище Степа познакомился с биографией легендарного адмирала Федора Федоровича Ушакова, который в сорока трех морских сражениях не потерпел ни единого пора-

жения, не потерял в боях ни одного корабля и ни один его подчиненный не попал в плен.

Всё, что можно было прочитать об этом флотоводце, Явниченко прочитал и поставил перед собой цель быть не хуже, чем Ушаков. После окончания Калининградского военно-морского училища он пожелал служить на Тихоокеанском флоте, а службу начал в артиллерийской боевой части на большом противолодочном корабле «Адмирал Пантелеев».

Как и Ушаков, он всецело отдавал себя обучению личного состава и оттачиванию флотского мастерства. Вскоре его группа стала лучшей на флоте, снаряды, выпущенные из пушек, всегда поражали цель.

Фамилию Явниченко уже знали и в штабе флота. За успешно произведенные стрельбы на приз Командующего Военно-морским флотом Степан досрочно получил звание капитан-лейтенанта и, отучившись на командирских классах, был назначен командиром малого противолодочного корабля, а через три года – старшим помощником на ракетном крейсере «Варяг». Потом академия, начальник штаба противолодочных кораблей на Камчатке, а вот теперь, после академии Генерального штаба, получил такую высоченную должность.

После призовой стрельбы героев чествовали в Доме офицеров флота, а во время фуршета к новоиспеченному капитан-лейтенанту подошла симпатичная девушка.

– Вот, оказывается, вы какой! – с придыханием произнесла она.

– Что вы имеете в виду?

– Как что? – девушка высоко подняла левую бровь. – Герой Яковенко! А можно с вами сфотографироваться? – она быстро взяла его под руку и прижала к себе. – Лена! – прокричала она девушке в голубом платье. – Запечатли нас для истории, – и, задорно рассмеявшись, протянула подруге телефон.

Сердце Степана неистово заколотилось, ладони стали влажными.

– Явниченко, – поправил ее Степан и покраснел.



– Извините, что перепутала фамилию. Очень уж они схожи между собой.

Он не был затворником и аскетом, на его пути встречались женщины, но это – пятиминутные знакомства для чисто физиологического удовлетворения. А тут было уже что-то иное. Слова старшего помощника, умудренного опытом человека, который всегда говорил, что морской офицер по жизни должен быть холост, а с женщиной можно только дружить до искорки любви в ее сердце или незапланированной беременности, которая тоже потом выходит боком, мгновенно были Степаном забыты.

Поглядев на фотографию, Наташа, а ее звали именно так, расхохоталась.

– Степа, посмотрите, вы здесь похожи на индейца, впервые увидевшего белого человека, – и она снова засмеялась.

Степан на самом деле выглядел очень дурно: глупая и перекошенная улыбка, вытаращенные глаза... Здесь он точно не походил на героя, а на какого-то сказочного дурачка.

– Давайте это сотрем.

– Нет-нет, через двадцать лет мы будем с умилением смотреть на это и радоваться, что судьба свела нас вместе. Пойдемте, Степан, в кафе и отметим ваше величие.

Наташа была просто очаровательна. Она работала методистом в Доме офицеров флота, была начитанна и раскованна, чем еще больше притягивала к себе Степана.

И он влюбился.

Теперь жизнь ввергла Явниченко в свою круговерть. Он просто боготворил Наталью, носил на руках, витал в заоблачных высотах. Все в ней было совершенно, все дышало счастьем и любовью.

И так кстати ему дали отпуск. Он на неделю съездил в Умань к бабушке, попросил у нее благословения.

Родителей своих он почти не помнил. Они работали геологами, и когда Степе исполнилось девять лет, мама с папой ушли в экспедицию в Карпаты и больше оттуда не вернулись, тела их так и не нашли и причину гибели не назвали. После окончания

восьмого класса к себе в Калининград его забрала тетя, папина сестра.

В Умани они и расписались, скромно посидели в кафе и уехали в Одессу, где жизнь их заискрилась брызгами шампанского.

Во Владивостоке супруги проживали у родителей Наташи. А Степан служил, часто пропадая на корабле: то выходя на нем в море для отработки задач, то на полгода на боевую службу в Тихий океан.

Наталья после рождения дочки Эльвиры сразу вышла на работу, ей было скучно одной сидеть дома. И она опять расцвела, запахла дорогими духами, а порой и коньяком с сигаретами. Идеологи и воспитатели, кричащие о морали и нравственности, часто брали ее с собой в командировки по дальним гарнизонам...

Как-то после отличной стрельбы в море корабль пришел в базу и Явниченко в качестве поощрения разрешили после обеда сойти на берег. Сход моряка на сушу – великое счастье. Быстренько приведя себя в порядок, Степан первым делом решил зайти на работу к жене. Дверь кабинета оказалась закрытой, но за ней слышались голоса и смех.

Степан, облокотившись о подоконник, стал ждать. Минут через сорок дверь распахнулась и в расстегнутой тужурке вышел красный капитан второго ранга, заместитель командира дивизии по воспитательной работе.

– Явниченко, а вы что здесь делаете? – строго спросил он.

– В очереди стою.

– Степа, ты? – выглянула раскрасневшаяся удивленная жена.

– А мы с Николаем Александровичем методические рекомендации разрабатывали, – смущенно произнесла она и еще больше покраснела.

– Получилось? – спросил он.

– Не до конца.

– Ничего страшного, еще докуете.

– Ты что, меня в чем-то подозреваешь? – уже строго спросила она.

– Нет, я тобой только восторгаюсь!

Он развернулся и, не оборачиваясь, направился к выходу. Их отношения стали холодеть.

Как золото собирается по крупцам, так и информация добывается исподволь, порой даже по обрывкам фраз.

Наталья была веселой, жизнерадостной, неунывающей, но далеко не пай-девочкой. Вела себя более чем раскованно. В пятнадцать лет обожала кататься с дяденьками по ночному городу. Вот так и появилась первая и не последняя беременность. Сказать, кто отец, не могла, их список мог быть длинным.

Тревогу забила поздно, срок большой, и живот стал виден. Родители были явно не в восторге и трепетно высказали все, что по этому поводу думали. Погоревав, с повинной головой пошли к друзьям, докторам, просить помощи, сын которых был женихом Наташи и сейчас служил в армии.

Лишившись ребенка, Наташа потеряла и жениха, но это не сильно расстроило ее. Правда, с Валентином, бывшим кавалером, она случайно встретилась после похорон отца, точнее, он неожиданно пришел к ним домой. Одаренно проклиная судьбу, Наталья отдалась ему, клянясь в рвущейся наружу любви. Тогда она была уже замужем за Степаном.

У мужчин Наталья пользовалась большим успехом, но... любовь любовью, а замуж никто не брал... Вот и двадцать четыре исполнилось...

И вдруг так повезло: нежданно-негаданно познакомилась со Степаном. Влюбить его в себя не составило большого труда.

А вот теперь ребенком занялась мама, а ее прежняя жизнь вновь вернулась к ней и набирала обороты.

И тут – такое недоразумение...

Корабль, на котором Степан ушел на боевую службу к берегам Америки, вернулся в базу лишь через девять месяцев. Явниченко ждало неожиданное известие: Наташа родила дочь, и им дали трехкомнатную квартиру в благоустроенном районе. Это было действительно неожиданно. Перед его уходом в море ничего подобного даже на обсуждалось, и вдруг... В сердце затаилось недоверие.

В тайне от всех он провел тест ДНК на отцовство и... ребенок оказался не его.

Скандала не было. Он подал на развод, молча забрал свои вещи и переехал жить на корабль. Флотские воспитатели хотели жестко урезонить офицера, но... у многих было рыло в пуху, а некоторые из них вполне могли претендовать на роль биологического отца, поэтому Степана строго пожурили и... оставили в покое.

Больше свои узы он ни с кем не связывал и не скреплял, помня вещие слова своего начальника, и вот... эта незнакомая женщина вдруг проникла в его сердце...

А служба в новом качестве продолжалась.

Посетив все подчиненные ему части, сделав организационные выводы, он вернулся в свой штаб в Петропавловске-Камчатском.

## 10

Марина была потрясена откровением доктора. Мирная размеренная жизнь раскалывалась с таким треском, что закладывало уши.

Отпустив пораньше прислугу, Марию Семеновну, Марина вечером напилась. На душе было одиноко, горько и тяжело. Слезы нескончаемым потоком катились из ее глаз.

И вдруг она вспомнила Степана, этого ничем, собственно говоря, не примечательного и в то же время мужественного, даже значимого теперь для нее человека, военно-морского офицера, простого и доступного, мужчину, который неожиданно оставил в ее сердце глубокий след.

– Телефон... Он же дал мне свой номер телефона...

Дрожащими руками она быстро вытряхнула все из своей сумочки. В ней ничего стоящего для нее сейчас не оказалось. Ладони вспотели, глаза высохли, щеки запылали. Марина раскрыла бумажник, перебрала его отделения.

– Ага, – облегченно вздохнула она, – вот, вот эта бумажка!

Схватив телефон, она стремительно набрала указанный номер.

Ответили довольно быстро.

– Слушаю вас, Явниченко. Что случилось?

– Ничего не случилось... Точнее, случилось, и я не знаю, как мне быть...

– Вы кто?

– Марина! Я – Марина! Помните? Мы с вами в Москве познакомились, сидели в ресторане... – быстро затараторила она, боясь, что он отключится.

– Мариночка, вы?!

– Да, Степан, это я.

– Мне очень приятно! Очень-очень, честное слово! Как вы отдыхаете? – прокричал Степан.

– Я не отдыхаю... – и она опять зарыдала, зарыдала горестно и надрывно.

– Господи, что случилось?

– У мужа обширный инфаркт!

– Он жив?

– Да.

– Уже хорошо. У многих такая болезнь – и ничего страшного. Живут до ста лет. Расстраиваться преждевременно.

– Как же не расстраиваться, если доктор сказал, что ему нельзя нервничать, напрягаться и... вообще. Короче – живой труп! – и она снова зашлась в безудержном плаче.

Марина рассказала всё до мельчайших подробностей, казалось, что она говорит и не слышит саму себя.

– Ой, – наконец встрепенулась она, – время уже первый час, вам спать надо.

– Уже не надо. У нас утро, вставать пора, – засмеялся он.

– Не поняла. Какое утро?

– Скорее всего будет солнечное. Вы где? На Северном Урале, а мы на Камчатке... Мы день посылаем вам. Это я вам желаю спокойной ночи. Мариночка, все будет хорошо! Ма-ри-на-а-а... – пропел он. – Головочку поверните к стеночке... Хотите, я вам приснюсь?

– Очень хочу.

– Тогда ложитесь, закрывайте глазки и... Я целую вас. А мне опаздывать на службу никак нельзя, я теперь очень большой человек. И чтобы не ломать ваш распорядок дня, звоните вы мне... В любое время. Хорошо?

– Хорошо, я обязательно позвоню.

## 11

Дни шли за днями. Близился сентябрь. Марина собиралась возвращаться домой. Николай потихонечку набирался сил, но везти его с собой она побаивалась, тем более в начале сентября у него была путевка в один из лучших санаториев, «Марьино», жемчужину Курской области, расположенный в усадьбе родовитых князей Барятинских. А уж потом на недельку приедет к нему и заберет в Геленджик.

На том и порешили.

## 12

Степан жил в своем суетливом и беспокойном мире, полностью отдавая себя службе. *Si vis pacem, para bellum* (Хочешь мира, готовься к войне) – гласил лозунг римских воинов. И это поистине так. Нельзя допустить, чтоб корабли или части даже сомневались в своей силе и всегда были готовы к немедленному уничтожению противника.

Теперь же появилась надежда на новую телефонную встречу с Мариной. Ему нравилась эта женщина, нравилась своей простотой и естественностью. В ней не было чопорности и чванства. Она не скрывала свои недостатки и не выпячивала величавость.

Но звонков не было, а сам позвонить он остерегался, боясь нанести вред или разлад в ее семье.

Он нисколько не сомневался, что их встреча непременно состоится, тем более она это ему обещала.

Приехав домой, Марина быстро окунулась в свою обыденную жизнь. За время ее отсутствия ни дома, ни на работе ничего серьезного не произошло. С мужем разговаривала по телефону часто, даже по несколько раз на день.

Чувствовал себя Николай не хуже, ждал заезда в санаторий, проходил реабилитационное лечение и мечтал о скорейшей встрече в Геленджике. Вот только на улице становилось всё холоднее и холоднее, пронизывал ветер, а день быстро серел, освещая себя электрическими фонарями.

Мама рассказала, что отдохнула с ребятами очень хорошо, правда, несколько дней в их номере не было воды, а во время купания сережку потеряла. Когда ездили на экскурсию в Севастополь, встретила возле панорамы своего бывшего ученика, Шевченко Григория Николаевича. Он большую должность на флоте занимает. Ребят сводил на военный корабль, они были от этого посещения просто без ума и заявили, что оба будут учиться только в Нахимовском училище и никакого Суворовского им не предлагать.

А вот со Степаном Марина больше на связь не выходила. Какая-то малосодержательная суета занимала все время.

Дни шли за днями, она через три дня уже собиралась лететь к мужу в Курский санаторий, чтоб подышать воздухом осени, принять несколько процедур, а потом забрать Николая на зиму домой. Билет куплен, вещи собраны.

А сегодня – пятница. Сегодня с приятелями на трех машинах они едут на два дня в Голубую бухту, искупаться, позагорать, шашлыков поесть, да и просто отдохнуть душой и телом. Руслан, разбитной парень из ресторанного бизнеса, весело болтая, играючи вел машину.

Что случилось и как все получилось, она не помнила. Очнувшись уже на койке в больнице в гипсе через всю левую ногу, бандаже, который фиксировал руку, и повязке на голове, с переломом бедра, ключицы, тяжелым сотрясением головного мозга

и глубокой рваной раной на лбу. Но сейчас ей это все было безразлично, и она опять впала в кому.

А было все очень прозаично. На резком повороте водитель встречной машины не справился с управлением и вылетел на встречную полосу, врезавшись в первую машину, в которой ехали Алан Мирзоев, тренер по вольной борьбе, и ее подруга, Лара Нестеренко, – все погибли. Руслан попытался отвернуть, но на огромной скорости стукнулся о бок машины Алана и перевернулся на крышу. Уже в больнице от множественных травм и открывшегося внутреннего кровотечения он тоже скончался. А вот задняя машина из-за пробитого колеса namного от них отстала и тем самым в ней никто не пострадал. Во встречной же машине погибли все – мужчина с женщиной и двое маленьких детей. Получается так, что Марине еще несказанно повезло.

Спустя десять дней к Марине стала возвращаться реальность, появился какой-то интерес к жизни.

С ней неотступно находилась мама, а все хозяйство в доме и воспитание детей взял на себя дядя Миша.

– Мамуля, как там Коля? Он знает, где я?

– Не волнуйся, доченька, все хорошо, – лицо матери немного побледнело.

– Ты мне не врешь? Он знает, где я? Он здесь или?..

– Там, – махнула мать рукой, – на севере. Ему не разрешили сюда приехать. Звонит, интересуется, как ты. Желает скорейшего выздоровления.

– Дай мне телефон, я позвоню ему.

– А у меня его телефона и нет.

– А как же он тебе звонит?

– Так на стационарный...

– Принеси мой телефон.

– А всё сгорело в машине... И телефон, и все твои документы, и вещи какие были...

– А я по памяти и не помню его номер... – огорчилась Марина. – Как позвонит, пусть продиктует свой номер. У ребят, наверное, точно он есть. И телефон мне купи, только хороший.



Скажи, из бумаг ничего не сохранилось? – с надеждой проговорила она.

– Нет.

– Как жаль, я и этот номер тоже не помню, – судорожно произнесла она.

– Чей?

– Одного хорошего человека... Ты, мама, иди, а то чего-то голова закружилась, я посплю.

## 14

Как ни скрывали смерть Николая, а все же информация просочилась. С Мариной случился нервный срыв, и в процесс лечения пришлось вмешаться психиатрам.

И все же через два с половиной месяца она встала на костыли и пошла.

Процесс восстановления был долг и мучителен. Марина истязала себя до седьмого пота, и результат не заставил себя долго ждать. Уже через четыре месяца она хорошо ходила, правда, слегка прихрамывая.

Марина замкнулась, похудела и крутилась как белка в колесе, отдавая всю себя работе, не обращая на себя никакого внимания. Казалось, что ее перестало все интересовать, а мир потускнел, лишившись яркости и свежести. Так прошло три года.

Осенью она поехала в Дивноморское, город-курорт, что в двадцати минутах езды от них, где местные предприниматели совместно с ней захотели построить оздоровительный комплекс.

Погода была просто великолепная, и она взяла купальник, чтоб поехать за город и искупаться. Море там было просто чистейшее, да и народу не так много. Последнее время из-за безобразного шва над ключицей она старалась на людях не раздеваться и не носить ничего открытого.

Через каких-то сорок минут общие вопросы были решены, проект здания понравился, а смету отдали на откуп финансистам. Повторную встречу решили провести через полторы недели.

От фуршета Марина отказалась.

Выйдя на улицу, она взглянула на небо, жаркое солнце, плывущие по небу причудливые облака и улыбнулась. Было невероятно легко и празднично на душе. Наверное, впервые за весь этот период после затяжной болезни Марина почувствовала в теле значительное облегчение, будто веревка оборвалась и тяжеленный камень упал к ее ногам.

Она остановилась перед супермаркетом и решила купить бутылку минеральной воды.

Народу было мало. Кондиционеры не ленились, делая воздух прохладным. Она даже непроизвольно передернула плечами.

Положив в тележку бутылку «Нарзана», Марина бесцельно двигалась по магазину, равнодушно рассматривая продаваемый товар. В отделе, где лежали упаковки чая, спиной к ней стоял высокий мужчина. Что-то в его фигуре ей показалось знакомым. Она остановилась и пригляделась внимательнее. Мужчина, почувствовав взгляд, обернулся.

– Степа, – прошептала она. – Степочка! – уже закричала Марина, бросилась к нему и повисла на груди.

Теперь были слышны только рыдания.

– Господи, Господи, спасибо тебе... – проговаривала она сквозь всхлипывания. – Ты есть на этом свете!.. Я нашла его... Столько искала и нашла... Где ты был все это время?.. – Марина встала на цыпочки и, наклонив его голову, принялась целовать в каком-то одержимом иступлении.

Степан прижал Марину к себе и ласково гладил по спине. Он еще не мог отойти от такого резкого поворота событий.

Посетители магазина изумленно смотрели на них, спрашивая, что случилось и не нужна ли помощь.

Немного успокоившись, Марина отстранилась от Степана, посмотрела на него мокрыми глазами и потом крепко прижалась.

– Господи, ты и... здесь. А у меня было какое-то чувство легкости и невесомости... А это ты!.. Быстро поехали ко мне! – потянула она его за руку.

- Давай сначала зайдем в санаторий, я хотя бы переоденусь.
  - Ты здесь отдыхаешь? Давно?
  - Через четыре дня улетаю.
  - Ёлки, – снова всхлипнула она. – Не отпущу...
  - Мариночка, ты обещала поехать со мной на край света?
- Она кивнула головой.
- Что мешает? Мое предложение остается в силе.

Она зашла в номер Явниченко и даже опешила, увидев такой комфорт в его двухместном номере. На полу лежали ковры, на стене в зале висел огромный телевизор. Бесшумно работающий кондиционер дарил комфортную прохладу. На подоконниках стояли цветы, а на столе ваза с фруктами. Ванная и туалет покрыты светлым кафелем. И кругом была такая чистота, что даже страшно к чему-то притронуться.

- Ты шейх? – улыбнувшись, спросила она.
- Почти.

## 15

Вечером они сидели в загородном дорогом уютном ресторанчике на открытом воздухе. Играла джазовая музыка. Марина в вечернем платье была просто потрясающей. Степан не отрываясь смотрел на нее, почти ничего не слыша, а она рассказывала, рассказывала, рассказывала... Рассказывала всё, где и когда родилась, где училась, как вышла замуж... Всё-всё-всё... И, конечно, о своих жизненных несчастьях.

- Марина Ивановна, – он положил свою руку на ее ладонь, – можно и мне сказать три слова? А то говоришь только ты и я начинаю сомневаться, не немой ли я.

- Конечно, Степочка, слушаю тебя, – прижалась она к его плечу.

- Милая и дорогая Мариночка, будьте моей женой! Я люблю вас!

Он достал из барсетки маленькую голубую коробочку и открыл ее. В ней лежало золотое колечко с рубином.

– Рубин – это камень страсти и любви. И я очень хочу, чтоб эти качества всегда были в нашей семье, если ты, конечно, этого хочешь, – прикоснулся он губами к ее ладони.

Ее глаза вновь наполнились слезами.

– Хочу, конечно. Я согласна. Никогда-никогда ты не пожалеешь, что сказал мне эти слова. Я буду самой-самой... – она обняла его, прижалась и зарыдала.

## 16

Спустя два года.

На крутом берегу Авачинского залива ранним-преранним утром стояли высокий, стройный мужчина в морской форме с адмиральскими погонами, миловидная женщина, аккуратно придерживающая руками свой огромный живот, и два курсанта Военно-морского училища первого и третьего курса, Саша и Сережа.

– Вот, моя дорогая, милая и любимая Мариночка, я наконец нашел время, чтоб показать тебе и всем нам, – улыбнулся он и похлопал по спине братьев, – уникальное явление, когда океан, Тихий океан, с любовью возвращает на небосвод отдохнувшее и умытое солнышко. А оно пройдет по нему, согревая землю, и погрузится уже в Атлантический океан. Вам нравится?

– Очень, – прошептала Марина, зачарованно смотрящая на это чудо природы, когда тьма океана рождает свет.

– Давай нашу девочку назовем Марианна. Мне кажется, в этом имени слышен шорох воды о песок, их вечный и нескончаемый разговор.

– Замечательное имя, я согласна.

– Ты не замерзла? – Степан привлек Марину к себе и поцеловал.

– Немножко. Не тревожься, всё хорошо. У меня такое чувство, что я сейчас тоже нахожусь при появлении на свет чего-то грандиозного, таинственного и величественного. Даже холодок внутри чувствую. Ой! – тихо ойкнула она. – Ты знаешь, мне кажется, что я уже тоже готова к рождению нашего с тобой светлого будущего, наше дитяти любви. Поедемте быстренько в роддом. Мальчики, а вы бегом в училище, – поцеловала она сыновей.

Через четыре часа на свет Божий появилось крохотное чудо счастья и любви, огласив мир громким криком.

Марина радостно улыбнулась и уснула.

\* \* \*

Вот так счастливо заканчивается наша история, история двух зрелых людей, один из которых всецело отдан служению Отечеству, а другая... другая – просто женщина, прошедшая через все перипетии жизни.

Эти два осколка счастья и любви все-таки смогли найти себя и соединиться в этом безбрежном океане Вселенной.

Одни, может быть, дурно скажут или осудят эту женщину, мол, ей все равно, с кем быть, а за такого и я бы пошла...

Не согласен!

Та, которая бы тоже за него пошла, непременно должна приподнять свое одеяло или взглянуть в зеркало. Может, там и увидит огромные черные пятна на полотне своей судьбы.

Можно в этом мире жить, радуясь и веселясь, наслаждаясь и купаясь в достатке и роскоши, быть востребованным и значимым, но всегда подспудно чувствовать свою нереализованность и неудовлетворенность.

Можно привести миллионы примеров, когда люди живут друг с другом, рожают детей, воспитывают внуков, умирают, не познав и не найдя друг в друге ничего общего.

Эта тоска и раздосадованность заливается водкой либо заменяется взаимной изменой.

А здесь – исключительное и чрезвычайно редкое слияние счастья и любви двух повидавших жизнь взрослых людей.

И пусть ангелы-хранители сберегают их жар любви! Пусть их счастье будет бесконечно! Ибо и счастье, и любовь есть и будут на этом свете!

Храни Господь всех истинно любящих и любимых!!! Пусть всегда на их пути горит только зеленый свет!

*1.09.2020, Степовое*



## КОГДА ВЗРОСЛЕЕТ ДУША...

Когда начинает взрослеть душа? Когда она мудреет и крепнет, набирается сил и достигает совершенства? И на каком этапе это случается в далеко не вечной нашей жизни?

### 1

Ирина стояла у окна своего кабинета, переводя взгляд то на блеклое небо с нависшими тяжелыми хмурыми облаками, то на речку, разделявшую город на две части. По реке к берегу быстро бежали серые волны, оставляя на песке грязную пену.

Жизнь в одно мгновенье раскололась на две части, и ширина краев трещины с каждым мгновением становилась все больше и больше.

– Нет! Нет!! Нет!!! – кричало ее сердце. – Нет и еще раз нет! Всё у нас будет хорошо, и он поправится, обязательно поправится! Я в это верю!

И сразу на ее душе сделалось покойно, мысли тверды, намерения и помыслы чисты.

Дмитрий лежал на диване в комнате семейного общежития и смотрел в одну точку.

«Ваша остановка, товарищ лейтенант! С вещами на выход. Дальше жизнь будет без вас, – он страдальчески сделал вдох. – Ну почему так рано?» – хотелось заорать ему, но голоса не было.

Вчера он выписался из госпиталя после тяжелой операции на гортани и продолжительной лучевой терапии. Шея забинтована, голоса нет...

«Ничего нет...» – вдруг захотелось плакать, но он пересилил себя.

Перед глазами промелькнули воспоминания.

Вот он идет на военно-врачебную комиссию, чтоб отправиться в Афганистан. Лор-врач при осмотре сдавленно произнес, пристально глядя в глаза:

– Молодой человек, вам нужна срочная операция... И чем быстрее, тем лучше. Я напишу записку в медицинский институт на кафедру оториноларингологии профессору Максиму Петровичу Григорьеву, это мой сокурсник. У него золотые руки и светлая голова. Доверьтесь ему – и все будет хорошо, – доктор натянуто улыбнулся...

Вот они вместе с профессором идут по длинному коридору в операционную. Утром он сам пришел за ним.

– Сынок, пойдем, – молвил он. – Давай присядем на дорожку по старой доброй традиции.

Они присели на лавочку, что стояла у дверей операционной.

– Не буду лгать, болезнь очень сложная и коварная, – профессор положил на его колено ладонь и похлопал по нему. – Только не волнуйся, я буду стараться делать все, что от меня зависит, ну а ты мобилизуй свой организм на выздоровление. Ты женат?

– Да.

– Любишь жену?

– Очень!

– Молодец!!! Вот для нее и выживи. Понял? Пошли, пора...

И вот он лежит в палате на больничной койке, сознание медленно проясняется после наркоза. Жена держит в своих ладонях его руку и тихо читает стихи о любви. Она умница, столько знает...

– Дочка, читай громче, – простонал дед с соседней кровати. – У меня от твоих слов боль проходит сама по себе.

– Дедушка, это не мои слова, это поэты написали, Есенин, Асадов, Ахматова, Блок...

– Написали, может, и они, а ты читаешь... У тебя это здорово получается. Как тебя зовут, дочка?

– Ирина.

– Красивое имя! Это муж твой?

– Да.

– А величать его как?

– Дима, Дмитрий.

– Вот и славно! Ты знаешь, что означает твое имя?

– Да. Мир или спокойствие, а Дмитрий – землевладелец.

– Умница! Читай, Ирочка...

Дмитрий пока говорить не мог. Ему очень хотелось приподнять руку и погладить лицо супруги, ведь сегодня было пятое июня, а значит, Ирин день рождения, он это помнил, но был так слаб, что и шевельнуться давалось с трудом.

Он слегка пожал ее руку и глазами показал на дверь, давая понять, что устал, а когда дверь за ней закрылась, через силу повернулся к стенке – и слезы жалости к себе потекли на подушку.

### 3

«Вот такой бесславный итог моей коротенькой жизни, – думал он. – Что теперь я могу дать ей, красивой, цветущей и молодой?»

Он глубже уткнулся лицом в подушку, чувствуя, как в сердце заползает змея уныния и отчаяния.

«А как все прекрасно начиналось! Сейчас нам всего по двадцать три года, и из них только один год счастливой семейной жизни...»



Перед глазами замелькали страницы воспоминаний.

Октябрь баловал людей солнечной и теплой погодой, как бы давая возможность насладиться увядающими красотами золотой осени и предупреждая, что вскоре пойдут дожди, будет холодно и мрачно.

Дима в форме старшины I статьи Военно-морского флота, в приталенном бушлате, с длиннющими ленточками и невероятно расклеванными брюками с легкостью прыгнул из вагона пригородного поезда на перрон своего родного поселка и набрал полные легкие воздуха Родины.

– Здравствуй, Родина! – прошептал он. – Вот я и вернулся, отслужив три года на Краснознаменном Черноморском флоте!

Взяв чемоданчик, он, поднимая пыль болтающимися клешами, лихо пошел по перрону в сторону районной больницы – там проживала тетя Маруся, сестра мамы. У нее сегодня был день рождения, он в Севастополе даже купил ей к этому дню подарок.

Навстречу летящей походкой шла девушка. На ее голове была черная шляпка с огромными полями, чуть прикрывая лицо, расстегнутый темный плащ колыхался от теплого ветерка. Каблуочки звонко стучали по перрону, а розовый шелковый шарфик весело порхал мотыльком за ее спиной. Она прошла так близко, что кончик шарфа коснулся щеки Дмитрия, и он с трепетом ощутил аромат ее нежных духов.

Не успел он прийти в себя, как ее фигура скрылась за углом старинного двухэтажного деревянного вокзала. А он пошел дальше размышляя:

«Почему так бывает: увидел человека – и уже хочется думать о нем, узнать все о нем. Это просто притяжение или судьба подает знак?»

Проснувшись рано утром, Дима наскоро позавтракал и поспешил на автостанцию, чтобы первым автобусом уехать к родителям в родную деревню. Хотелось прижаться к груди мамы, обнять сестренку, и только отца увидит вечером, после работы, который еще затемно уехал в поле.

Купив билет, он вышел на улицу подышать утренней прохладой, и вдруг... весело помахивая сумочкой, легкой походкой шла вчерашняя девушка. Сердце счастливо забилося, теперь всё его внимание было сосредоточено на этом дивном видении. Ноги сами по себе поспешили за ней. Теперь он знал, где она работает.

#### 4

Осень разразилась нудными дождями, потом резко подморозило и началась зима.

Дима основательно готовился к поступлению в академию МВД. Очень хотелось учиться, поэтому всего себя отдавал учебнику, тем более за три года на флоте многое забылось. А улица подождет, вся жизнь впереди!

Незаметно подкралась весна с ее зелеными листочками и благоуханием цветущих садов. Просто голова кружится от этих запахов.

В такие дни хочется постоять под деревьями, всей душой ощущая неизъяснимую прелесть весеннего цветения, слушать нескончаемые соловьиные трели и чувствовать энергию восходящего солнца. Учеба уже не шла в голову.

Как-то вечером он сел на мотоцикл и подкатил к зданию, где она работала, взволнованно ожидая, когда она выйдет.

И наконец, о чудо, она выскочила на улицу!

– Позвольте, я доведу вас до дома, – робея произнес он.

И она согласилась.

Любовь, а это была она, теперь всецело наполняла их сердца и души. Мир сиял радугой, а счастье неизведанного напрочь срывало голову.

#### 5

В академию он все-таки поступил, правда, на заочное отделение. Вернувшись домой, пошел на службу в районное отделение внутренних дел.

Когда Дмитрий был еще абитуриентом академии, Ира на неделю улетала по комсомольской путевке в Венгрию.

Неимоверно долго тянулись эти бесконечные семь дней... Он встретил ее в аэропорту. Потом они всю ночь гуляли по столице, здесь и случился первый поцелуй и прозвучало признание в любви.

Через полторы недели Дима набрал ее номер и категорично заявил:

– Я буду каждый день встречать самолет, я буду тебя очень ждать, потому что не могу без тебя дальше жить.

Она прилетела на третий день. Он не дал ей спуститься по трапу с «кукурузника», подхватил на руки и закричал на весь аэродром:

– Я самый счастливый человек на свете! Ко мне приехала моя Ира!

А дальше они мчались на такси по большому и шумному городу. Машина остановилась у Дворца бракосочетания, он поймал ее удивленный взгляд.

Дмитрий сразу сделался серьезным.

– Ирочка, давай посмотрим друг другу в глаза, – произнес он тихо, – и если увидим в них такое, за что каждый день нашей жизни будем благодарить друг друга и в горе, и в радости, тогда соединим нашу судьбу узами брака, будем жить в любви и радости, а нет...

Она дала согласие.

Потом в кафе они пили шампанское, ели мороженое, катались на каруселях в парке и в тайне от всех целовались.

Вечером он привел ее на квартиру, которую снимал, где ее ждали розовые розы, шампанское и шоколад... И незабываемая ночь любви.

Любовь – что это за явление? Наверное, таинство, когда души и тела соединяются в одно целое. Это удивительное и сказочное чувство не забывается никогда...

В дверь постучал соседский мальчик, прервав воспоминания.

– Дядя Дима! Дядя Дима! – истерически закричал он. – Там пьяный дяденька ходит по крыше пятиэтажки, что напротив нашего дома.

Дмитрий выбежал на кухню. Из окна увидел, как пьяный мужик пытается с крыши прыгнуть на балкон. Не задумываясь, он выбежал из квартиры, перебежал улицу, забежал в подъезд соседнего дома и стремительно взлетел на пятый этаж. Надо успеть, разобьется, дурак... Горло перехватила жуткая боль...

## 6

Ирина даже не думала, как поступать дальше. Утром, увидев погасшие страдальческие глаза мужа, ее сердце от жалости облилось кровью.

«Сейчас пойду к начальнику и напишу заявление на отпуск, – решительно подумала Ира, а работала она в районном отделе милиции главным бухгалтером. – Не отпустит – уволюсь. Увезу его в деревню! Родина обязательно вдохнет в его организм жизнь. Ведь там прошли его детство и юность. Обязательно это поможет!»

У нее даже не было таких эпитетов, как «вдруг», «может», «авось». Ирина твердо верила и знала, что исход будет только положительный.

В кабинете сидел полковник и курил трубку.

– Дочка (он почему-то всегда ее так называл), что случилось?

Выслушав Ирино повествование, сказал:

– Месяца тебе хватит? А потом в отпуск пойдешь.

– Спасибо! – радостно ответила она, счастливо зарыдала и уже хотела выпорхнуть из кабинета, когда услышала: – Дочка, ты молодец! Твое решение правильное, обязательно надо бороться. Желаю удачи и счастья!

Спазм сдавил горло, из-за чего она не смогла еще раз поблагодарить начальника.

Рой мыслей закружился в голове.

– Сейчас позвоню Мишке Медведеву, это его однокурсник и коллега по отделу, пусть на машине отвезет нас сегодня.

Как ни хорохорься, а от чувства волнения нельзя избавиться, оно прибавляет дополнительное ускорение и силы.

Вот позади подвесной мост, Ирина села в троллейбус...

А дальше все, как взрыв снаряда. Во дворе стоит «скорая», милиция, и она видит на краю крыши пятиэтажного дома Дмитрия. Ног Ира не чувствовала, словно кто-то ей подарил крылья, казалось, за секунду она очутилась на крыше.

«Только бы успеть! Я должна это сделать!..» – билась в голове одна только мысль.

Вот и выход на крышу. Он стоит на самом краю и смотрит вниз на безжизненное тело мужчины, лежащего на земле.

– Не успел... Всего секунда – и тебя нет. Неужели судьба дала мне выбор?

– Не смей! Слышишь меня, не смей! – прокричала она и потеряла сознание.

Голос супруги глухо доносился до него.

Когда она пришла в себя, то увидела его лицо, из глаз текли слезы.

Ира влажной ладонью погладила его по щеке.

– Мы вместе, слышишь, вместе, и в горе, и в радости, – прошептала она, и снова ее сознание померкло.

## 7

Вот и родная деревня. Она расположена на холме, а внизу протекает речушка.

Мама стояла на крыльце, скрестив руки на груди, и вытирала глаза платком, отец сидел на завалинке и нервно курил самосад.

– Не надо, мама, – тихо произнесла Ирина, – на лице всегда должна быть улыбка.

Вечером, когда солнышко село, они тихонечко спустились к речке. Неистово кричали лягушки, на середине плескалась рыба, на темнеющей глади покоились желтые кувшинки и яростно пищали комары. Было тихо и хорошо. Дмитрий взял Ирину под руку и прижался к ней, она поцеловала мужа в щеку. И в этом безмолвии было что-то сказочное и таинственное.



Когда озверевшие комары облепили их со всех сторон, они поднялись и медленно побрели к дому.

Было невероятно жарко, и мама постелила им на веранде.

Ночью он тихо вышел на свежий воздух. Через минуту за ним вышла и Ирина. Дмитрий лежал на спине на свежескошенной копне, устремив глаза в небо. Она тихо устроилась рядом и аккуратно положила голову на грудь.

«Слова успокоения не помогут», – подумала она и еще сильнее прижалась к нему.

– Хочешь, я прочитаю тебе стихи?

Он одобрительно сжал ее ладонь, легко и благодарно вздохнул.

*Вечером синим, вечером лунным  
Был я когда-то красивым и юным.*

*Неудержимо, неповторимо  
Все пролетело. Далече... мимо...*

*Сердце остыло, и выцвели очи...  
Синее счастье! Лунные ночи!*

– Это Есенин! Люблю его стихи! В них необузданная сила, удаль народная и... душевная, щемящая тоска.

Она беспрестанно читала ему и читала. Многих поэтов он и не знал, слышал о них впервые.

Забрезжил рассвет. Непроницаемый, густой туман укутал их своим серым покрывалом, в гнездах загалдели грачи.

– Пойдем к речке? – прошептала она. – Предлагаю идти через луг. Пусть утренняя роса смоеет все наши с тобой беды и несчастья, даст силу и надежду на светлое будущее, нашу любовь и счастье...

На горизонте посветлело, солнышко вот-вот должно было показаться и, оторвавшись от земли, продолжить свой путь по небосводу, даря людям тепло и радость. На травке засверкали миллиарды переливающихся росинок.

Она повернулась к Дмитрию и взяла в ладони его лицо.

– Помнишь, как ты предложил мне когда-то посмотреть друг другу в глаза. Давай и сейчас посмотрим в них и увидим там Надежду, Веру и Любовь. У нас все будет хорошо, в нашем доме поселятся мир, любовь и счастье, а в горе и радости всегда будем вместе!

Он прижал Ирину к себе, в глазах засияли искорки радости и счастья. Дима поцеловал жену и одобрительно кивнул головой, произнеся лишь губами:

– Я тебя люблю.

– И я тебя сильно люблю.

Обнявшись, они пошли навстречу рассвету, навстречу своему счастью, навстречу Судьбе...

Вот такая маленькая история жизни двух молодых людей, и здесь ничего не придумано. Ей было всего 23 года!

Для чего судьба дает испытание человеку? И когда взрослеет душа?..

Каждый это должен понимать по-своему.

## ОХ УЖ ЭТИ ДЕТКИ!

### Перец с нашего огорода

Вадим вбежал в дом и закричал:

– Мама, мама! Папа просит тебя срочно принести ему перец с нашего огорода!

– Что принести? – переспросила мать.

– Перец с нашего огорода...

– А папа где?

– В гараже.

– Он сам не может пойти на огород и сорвать себе перец?

– Я не знаю. Тебя просил...

Мама надела шлепанцы и не спеша направилась к гаражу.

– Принесла?! – закричал муж. – Давай быстрее!

– Что принесла, перец? Он тебе здесь зачем, Сережа?

– Какой перец, Света, ты о чем? Я просил принести перекись водорода, палец сильно порезал.

Жена зашлась истерическим хохотом.

– Что здесь смешного?

– Представляешь, Вадик прибежал и говорит: «Папа просит срочно принести ему перец с нашего огорода!»

– Перец? С огорода?

– Да, перец, с огорода.

– Действительно, словосочетания очень похожи, – тоже захохотал он. – Пойдем домой, рану мне обработаешь, повязку наложишь, сто грамм нальешь, и я съем перец с нашего огорода, – и они опять весело рассмеялись.





## Суки

К деду Ивану и бабушке Федоре в село приехали из города внуки – откормиться, оздоровиться, надышаться и наиграться. Юре шесть лет, а девочкам-двойняшкам Ире с Валей – по пять.

Дед Иван, с бородой, торчащей в разные стороны, и прокуренными желтыми от никотина усами, в своей жизни повидал много. Исколесил на танке дорогами войны три года, сорок с лишним лет проработал трактористом в совхозе, даже имел за это правительственные награды.

Рассказывали, что по молодости он и пил дёбре, и гулял весело, но что-что, а матом никогда не ругался – он на нем просто разговаривал. Курил Иван только махорку, мастерски скручивая из газеты огромнейшую «козью ножку».

Бабушка Федора была женщиной тихой и доброй. Мужа боялась как огня и никогда ему не перечила. Поговаривали, что он ее до сих пор иногда побивает.

Оба были работящие, вставали до солнца и ложились за полночь. Хозяйство огромное. А как без него в селе, дети в городе, помогать надо: три коровы, бык, восемнадцать овец, куры с утками без счета, четыре свиньи и девять поросят. И всех накормить, напоить надо, убрать у них...

Труд деревенский тяжелый.

Иван был на все руки мастер: сам дом возвел и в доме всю мебель своими руками смастерил, у каждой скотины свой угол имелся, сам его тоже построил.

Федора на печи не валялась, тоже от зари до зари крутилась как белка в колесе: стирала, убирала в доме, пекла, варила, да еще и мужу помогала. И очень ладно у нее все это получалось. А тут еще радость какая – внуки приехали!

Радость, конечно, радостью, но забот теперь – невпроворот.

Как-то утром дед Иван, кряхтя и тихо матерясь, поднялся, начал одеваться, закурил традиционную «козью ножку». Кормить скотину надо.

И дети все проснулись будто по команде.

– Деда, ты куда? Ночь еще, – спросил Юра.

– Коровок бабушка сейчас подбит и в стадо отгонит, свиной с поросятами буду кормить, собачке дам, курам с утками насыплю, а потом выпущу... После обеда на пастбище схожу, посмотрю, как наши овцы. Со мной туда пойдете?

– Пойдем! – радостно заверещали внуки.

– Дедушка, а можно сейчас с тобой тоже пойти и покормить всех?

– Вставайте и пошли.

– Куда ты их тянешь? – услышался бодрый голос бабушки из кухни. – Пусть поспят...

– Ничего страшного, пускай идут! Нехай знают, как добывается кусок мяса и яйца не в клетке на прилавке магазина рождаются...

Дети, взявшись за руки, вышли за дедом во двор. Стояла крошечная темень. К ним сразу подбежала овчарка Роза, охранявшая ночью хозяйство.

– Пойдем, Розочка, я тебя на цепочку посажу. Сейчас баба тебя накормит.

В загоне для кур было еще тихо, а утки всю пропускали воду через клювы. Дед высыпал им в огромную лохань с водой целое ведро зеленой массы.

– А теперь пошли свиной и поросят кормить.

Когда дед открыл дверь свинарника, в нос шибануло таким резким запахом, что детей отшатнуло и они зажали носы. Он глубоко затянулся самосадам, закашлялся, а потом хрипло рассмеялся.

– Котлеты вкусней пахнут? – весело спросил он.

– Дедушка, мы пойдем домой, можно? – спросил Юра.

– Теперь уже нет! Пока все не сделаем, о доме забудьте.

Дети потупились.

А поросята и свиной хрюкали, высовывая пяточки в щель, и смешно крутили хвостиками. Дедушка поднял ведро и вылил помой в кормушки, сначала свиным, а потом поросятам. Поросята набросились на еду, давая друг друга.

– Ну-ну, суки! – крикнул на них дед и принялся расталкивать длинной палкой

– Их звать Суки? – удивленно спросила Валя.

– А кто же они есть? Суки и есть суки!

– А другие имена у них есть? – поинтересовался Юра.

– Нет. Лишь только Суки, – ответил дедушка.

– Почему?

– Потому что они все сучьей породы. Теперь пошли к курам. Вы туда сами не ходите, – сказал строго дед.

– Почему? – осведомился Юра.

– Там кочет клевачий. Враз нос откусит.

– Зачем? У него плохое настроение? – спросила Ира.

– Настроение у него бывает хорошее, когда кур потопчет, – дед затрясся от смеха, явно вспомнив что-то веселое из своей жизни.

– Зачем он их топчет? – спросила Ира и удивленно посмотрела на деда.

– Я же сказал, чтоб настроение было, – и он снова рассмеялся.

В курятнике, кроме кур, жили куры-бройлеры, а еще – две декоративные маленькие курочки, петух Силя и курочка Фая. Петух постоянно бегал за Фаей, а она от него пряталась под бревна. Но Силя был просто неугомонен, и когда не догонял Фаю, то с остервенением набрасывался на бройлеров, и это выглядело очень смешно.

Дед тоже радовался как дитя и смеялся над ним, вздымая вверх густые усы.

– Что, Силя, хочется, да неможется? – кричал он.

– Почему неможется? – удивлялся Юра.

– Силенок у него маловато, – отвечал дед. – А Фая слабых не любит. Видишь, даже под бревна от него спряталась.

Еще в доме проживал кот Маркиз.

Дети постоянно хотели с ним играть, но кот не проявлял к этому никакого желания и прятался от них.

– Бабушка, а где Маркиз? – спрашивали дети.

– Да в яслях, наверное, – отвечала вечно занятая бабушка (ясли – это место в сарае, где держат телят после отела коровы).

– А что, он тоже в ясли ходит? – удивилась Валя.

– Приходится, вы ж ему покоя не даете, вот он и удирает туда.

Кончалось лето, за детьми приехали родители, тоже отдохнувшие, загоревшие и посвежевшие.

Погостив пару дней и загрузив машину подарками мясомолочной продукции и овощами с фруктами, что даже места свободного в ней не было, отец уехал домой в город, а мама с детьми пошла на автобус. Дедушка с бабушкой тоже пошли их провожать.

– На следующий год приедете? – спросил дед Иван, целуя внуков.

– Да-а-а!.. – дружно закричали дети.

– А Сук кормить будем? – прошепелявила Ира.

– Будем!!! – прогрохотал дед на всю улицу.

– Кого? – спросила мама.

Но тут подошел автобус, и все стали быстро в него садиться. Дети живо побежали на задние сиденья, мама села впереди.

Выехав из села на трассу, им навстречу двигались две огромные машины с поросятами. Это с племенной фермы их перевозили по хозяйствам.

Дети уткнулись лицами в стекло и на весь автобус завопили:

– Мама, мама, смотри, вон Сук везут нашему деду!

Автобус накрыла волна дружного здорового смеха.

## Паразит

– Как дела? – спросила Лариса свою сотрудницу по работе, Веру Ким, столкнувшись с ней у хлебного магазина. – К тебе привыкнуть никак нельзя. Появишься два-три месяца – и снова в декрет. Давно не видела тебя. Что дома, как семья?..

– Всё по-старому, ничего в этой жизни не меняется... Мой, паразит, всё гуляет и гуляет. Туда-сюда, туда-сюда... И, главное, не устает... Верки, Нюрки, Машки, Наташки... Вот только не замечала, чтоб к тебе, подруга, заглядывал. Брезгует, что ли? – Вера горестно положила руки на свой большой живот.

– А чаво это вдруг он меня будет брезговать? Я что, рябая или прокаженная? Чай не обмылок какой-нибудь, все при мне, все на месте. Был он у меня пару недель назад, аккурат дождь тогда шел. Я из магазина иду, а он на велосипеде догоняет и орет на всю улицу: «Лариска, вечером чай хороший завари и дверь не запирай, загляну на огонек!»

– Вот и ты... И главное – устали в нем нет.

– А чё ему не бегать, когда ты постоянно с пузом ходишь. Как мой сосед говорит: «Пребываешь в состоянии непрерывной беременности». И второе: у нас здесь больше половины мужиков либо спились, либо окочурились от пьянки. Нормальные мужики ноне в почете.

– И не говори, беременею от одного его взгляда.

– Это каким уже ходишь?

– Седьмым. И аборт делать не разрешает. Орет, что нужен демографический взрыв. А что это?.. Кричит, что славянское население спасать надо, христианство... Какое христианство, когда он калмык, а я башкирка.

– А где это вас так скрестило?

– Я после школы ездила в Астрахань на учительницу поступать, но... сразу завалилась на экзамене. Иду по улице, плачу... И вдруг берет меня за руку незнакомый парень. Борька хоть и раскосый, а симпатичный. Закружил он меня, словно ветер пушинку: рестораны, катания по Волге... Деньгами сорил налево и направо. У него и сейчас деньги есть. Вот только где они? Он на буровой тогда работал. Какими уж способами, но я стала учиться в торговом техникуме. Свадьбу сыграли, я уж беременной была... Умирает у него тетка в нашей Алексеевке. Детей у нее не было своих, и все завещает ему. И еще он где-то набедокурил. Короче, в срочном порядке уехали туда, а через полгода он присмотрел дом здесь. Вот мы и переехали сюда.

– Вон оно как...

– Вот так, – вздохнула Вера. – Я тут стала замечать, что Борька мой зачастил к венерологу.

– В курсе. Поцелуев его фамилия.

– От не знала... С его внешностью надо носить фамилию Уродов, а не Поцелуев, даже с зеркальным отражением лобызаться противно, не то что... Жену его видела? В прыщах вся ходит. Тьфу! Ну так вот, мой шасть к этому венерологу и часа два не выходит. Думала, хватанул шось, а оказалось, водку жрут. Мой-то не пьянеет, а тот с отвисшей губой и посиневшим носом на верблюда становится похож, – она опять брезгливо плюнула в сторону. – В позапрошлую среду уж ночь опустилась непроглядная, а моего нет, полночь – нет. А я видела, как он к этому Поцелуеву пошел. Набросила на голову платок и пошла к ним, они от нас через два дома живут. Окно распахнуто, музыка орет, венеролог харей в стол уперся, изо рта слюни текут, а мой танцует с этой гнилушкой. У ней глаза закрыты, а сама буквально висит на Борисе. Этого я не вытерпела. Влетела в дом, своему ногой в пах, а этой милашке кулаком в морду, аж гной во все стороны брызнул.

– Не знала, – прыснула Лариса. – А то я гляжу, у Светланы Васильевны бланш под глазом и нос распух... Всем говорит: «О косяк на веранде ударилась...», а этот косяк, оказывается, твой кулак, – и она вновь расхохоталась. – Вон идет твой красавец с кривыми ногами. С цветами!

– Если с цветами или конфетами, значит, уже где-то побывал. Раньше я сильно ревновала, а теперь привыкла. Гулять гуляет, а семью не обижает. И деньги, и по хозяйству... и по увеличению славянского народонаселения, – улыбнулась Вера.

Борис подошел и, широко улыбаясь, протянул жене букет ромашек.

– Многодетной матери от многодетного отца, – произнес он весело и засмеялся собственной шутке. – За хлебом ходила? Молодец! Четвертому сыну ленивая мать не нужна... Вот этого родим и для симметрии над девочкой начнем работать.

– От паразит, когда у тебя уже все отвалится?

– Минимум через сорок четыре года!

– Почему через сорок четыре? – спросила Лариса.

– Потому что сорок три для меня будет мало, – подмигнул он ей.



## У КУЗЬМИЧА

### 1

Кузьмич – сторож механизированной мастерской совхоза. Личность интересная и колоритная, а вот внешне... внешне ничего примечательного собой не представлял: роста маленького, худой, сморщенный, небритый, давно не стриженные черные с проседью волосы торчат в разные стороны. Карие с косинкой глаза всегда излучают тепло и сердечность. Он никогда никого не обижал, не грубил и всегда готов был оказать посильную помощь любому, кто в ней нуждался.

И люди за это относились к нему неизменно уважительно, с почтением.

Сколько лет ему было, откуда он приехал в село и когда, никто толком не знал, да шибко и не интересовался. Имени его тоже не знали, Кузьмич и Кузьмич...

Говорили, на флоте служил, что жена его бросила, что даже сидел в местах, не столь отдаленных, что... Но так это или нет, толком никто не знал.

Жил он в небольшом, но очень ухоженном домике, что стоял через дорогу от его работы, с тетей Олей, знаменитой на всю округу самогонщицей. И хозяйство держал приличное, а чего не держать, если корма покупать не надо, картошку сажать не надо, овощи и фрукты чуть не весь год на столе и все с совхозных полей.

Техники в совхозе много, если каждый привезет по мешку, вот и получается...

А в компании Кузьмич был просто незаменимым человеком. Во-первых, при нем всегда была бутылочка самогона с перчиком, а это для сельского механизатора утром первое лекарство. Во-вторых, Кузьмич знал столько историй, что порой на них ни времени, ни водки не хватало. Сам же пил мало, зато возглавить компанию мог всегда. Он умел создавать за столом веселую, радушную обстановку.

## 2

Отсевшись, грязные, потные и уставшие механизаторы по укоренившейся в веках традиции по достоинству отмечали это дело.

К этому готовились загодя, предусмотрительно откладывая деньги на запланированное торжество.

Кузьмич в этом деле также был незаменим. Он аккуратно разложил на вкопанном во дворе огромном столе посуду, нажарил картошки, сварил на костре в огромном казане уху из гигантского толстолобика, выловленного как раз для этих целей в местном пруду и в знак благодарности презентованного директором совхоза. Аккуратно порезал хлеб, колбаску, сало, лук, разложил соленья, яблоки, хотя прекрасно знал, что самогон выпьют до капельки, уху съедят, а все остальное придется отнести свиньям.

Веселье всегда начинается шумно. Говорят сразу все, но никто никого не слышит. А когда всеобщая радость немного стихает, наступает стадия умиротворения и вспоминают о Кузьмиче.

– Кузьмич, а правда, что ты служил на флоте?

– Может, и служил, когда это было...



– Говорят, ты сидел?..

– Лешка, тебе это надо знать? – обрывает Алексея пожилой тракторист, дядя Миша. – Сидел – не сидел, служил – не служил... Жил человек – и это уже нормально. А как жил, не твое дело. Кузьмич, – оборачивается к сторожу, – рассказал бы нам что-нибудь веселое, чтоб не заснули раньше времени.

Все дружно закуривают в предвкушении предстоящего рассказа. Многие не верят в слова рассказчика, но слушают охотно.

– Я, наверное, вам уже все порассказал, – набивает себе цену Кузьмич.

– Ничего страшного, может, мы о том уже всё забыли.

– Хорошо, – он вальяжно откидывается в своем кресле, сделанном из огромного и очень толстого отрезка ивы, с подлокотниками и спинкой, на сиденье – большая шкура собаки. – Для затравки расскажу вам анекдот, директор его утром сюда привез вместе с толстолобиком. Сын спрашивает у отца: «Папа, а у Адама была теща?» – «Нет, сынок, тещи у него не было, он же в раю жил».

И опять все рассмеялись.

– Не понял, – говорит Алексей, – а что здесь смешного? Ну жил в раю и что?

Все опять рассмеялись.

– Леша, не тупи, я тебе завтра расскажу и про рай, и про Адама, и про то, откуда дети появляются... – весело говорит Евгений.

– Сам дурак!.. Без сопливых разберусь.

– Цыц, петухи. Начнете браниться, домой отправлю, – дядя Миша всегда гасил необузданную страсть. И его слушались.

– Так вот, – начал Кузьмич, – мой отец, между прочим, я в честь него назван, работал забойщиком скота в заготконторе. А у нас в стране как заведено: кто где работает, тот там и ворует. Вот батя и приворовывал это мясо. Главное, что на работе у себя они этого мяса могли съесть сколько захочешь, а вынести за проходную не могли. Привяжет, бывало, отец кусок вырезки между ног – и пожалуйста, а чтоб незаметно было, носил для этих целей широкие штаны. Очень любил он бычьи яйца и

коровье вымя, и главное – мог их приготовить так, что пальчики оближешь. И вот как-то вынес он за проходную вымя, сел в автобус, а жили мы за городом, двадцать пять минут езды, и едет. Народу много, встал он на задней площадке у окошка, стоит, смотрит, как кусты мимо пробегают.

То ли пуговица у него от ширинки оторвалась, то ли он ее забыл застегнуть, только сосок и вылез оттуда. А он стоит и, ничего не подозревая, улыбается, рассуждая о прелестях бытия.

Кондукторша, что сидела у двери, заприметила у отца такую картину и стала жестами и глазами показывать ему, мол... приведи себя в порядок. Пассажиры, увидев корчащуюся кондукторшу, обратили внимание и на отца. Раздался робкий смех, вскоре переросший в настоящий гвалт.

Чтобы всем лучше было видно, народ расступился, образовав вокруг него полукруг. Водитель, встревоженный неадекватным поведением пассажиров в салоне, остановился.

Батя как увидел торчащий из штанов сосок, покраснел и начал спешно засовывать его в штаны. Спешка, как показывает опыт и практика, никогда не приводит ни к чему хорошему. Покудова он засовывал один сосок, вывалился второй. На мгновение от такой шокирующей картины автобус умолк, но затем вновь зашелся в истерическом смехе.

– Да что за хрень такая? – прохрипел сконфуженный отец и, грязно выматерившись, быстро достал из пиджака нож, отрезал соски, спрятал их в карман и счастливо поглядел на пассажиров, как бы приглашая их разделить с ним свою радость.

От увиденного лицо кондукторши налилось темно-вишневой краской, глаза вылезли их орбит, она замахала руками, разинула рот и стала сипло хватать им явно недостающий воздух. Кто-то жалобно ойкнул и рухнул на пол. По салону растекся кислый запах желудочного содержимого.

– Да что вы? – улыбнулся отец. – Не волнуйтесь, у меня еще есть!

И тут из его глаз во все стороны полетели искры. Это какой-то мужик врезал ему кулаком в лицо, потом он изведаль роман-

тику недолгого полета и услышал гул отъезжающего автобуса. Домой он пришел далеко за полночь побитый и пьяный. А из заготконторы его выгнали.

Раскат хохота содрогнул вечернее небо.

– Кузьмич, – простонал Владимир, шофер главного инженера, – я такую историю читал в интернете. Скажи, ты все это придумал?

– Вова, интернета у меня нет, да и читать я давно разучился. Рассказал, что знал.

– Коля, – отсмеявшись, обернулся дядя Миша к своему напарнику, – ты должен помнить дядю Славу Коваленко, он за конторой жил, хозяйство огромное держал, жена от него еще сбежала с армянином... Ему тогда около пятидесяти лет было. С придурью мужичок был... Но трудиться любил. А вот с женщинами у него ничего не ладилось, никто из-за его природной жадности и скупости с ним не уживался.

– Очень смутно. Я же не здесь родился. Это когда женился, приехал сюда жить. А чего ты спросил?

– Да был с ним тоже забавный случай.

– Так расскажи, посмеемся.

– Раньше к нам каждый год осенью на уборку овощей присылали с фабрик и заводов помощников из города. В основном это были женщины, главным образом разведенки, а мужиков мало. Они работники хреновые, быстро в пьянство пускались. А какая работа у пьяницы?.. Руководила приезжими Мария Ильинична... – он задумался. – Не, фамилию запомнил. Баба – огонь! Она профсоюзом в совхозе командовала. И как-то к ней этот дядя Слава подкатывает, мол, Ильинична, найди мне среди приезжих бабу, а то я совсем уже одичал.

– А сам?..

– Не, я не по этому делу.

Короче... По утрам она обязательно проводила планерку. Ну и говорит: «Девчонки, есть тут у нас один мужичок, так вот он сильно соскучился по женскому телу. Может, кто-то из вас и заинтересуется. Ему сорок семь лет, богатый, разведен, но скупой...»

– Нэ крокодил? – спрашивает одна.

– Не красавец, но и недурен.

– Согласна, – машет та под общий хохот. – Только вот запросто нэ получится, – она часто в некоторых словах заменяла «е» на «э». – Пусть принесет банку молока, штук тридцать яиц, литр мэда, сала, курку зарэжет. Нэ за просто же так я ему дам мять свое изнеженное тело...

Через день Мария Ильинична принесла все, что было заказано.

– Передайте кавалеру, – сказала разбитная дама мужеподобного вида, которую звали Серафима, – пусть ждет меня у копны сэна за коровником часов в дэсять вэчера.

Опоздав минут на сорок, Серафима тихо подошла к копне, следя за беспрестанно мелькающим огоньком сигареты. Вокруг стояла кромешная тьма.

– Ждешь? – нарочито громко спросила она.

Мужчина от неожиданности присел.

– Вот, оказывается, ты какой, северный олень? А чэго дрожишь, испугался, малыш? Нэ дрэйфь! Это я, вожденная тобой Офелия, – засмеялась она.

– Замерз что-то, пока вас ждал.

– Вас? Меня это радуэт! Ты что куришь?

– «Приму».

– Плохо! Придется покурить свои. Жаль, что нэ вижу я тебя... Значит, так, – она толкнула Вячеслава рукой. Тот, не устояв, повалился на сено. – Пока я курю, ты эротично снимаешь с себя всю одежду... Повторяю: всю... И трэпэтно ждешь мэня... Мы будем делать с тобой ЭТО по-взрослому, а по-взрослому – значит бэз трусов. Я нэ заставлю тебя долго ждать, мой похотливый баловник!

Коваленко от такого напора просто обезумел. Он быстро поднялся и, ничего не говоря, бросился бежать наутек.

– Милый! Куда ты? – доносилось до него. – Мы же с тобой ничего еще нэ совершили...

Но Вячеслав бежал не оглядываясь.

И опять раскатистый мужской смех заставил ярче сверкать зажигающиеся звезды.

– Миша, у этой истории было продолжение, – закурил Валентин Алексеевич, – ведь Мария Ильинична была мне тетка, и я слышал, как она маме рассказывала. Короче, почти за полночь у нее раздается стук в дверь, а муж ее на дежурстве был.

– Кто там? – боязливо спрашивает она.

– Это я, Коваленко Слава.

– Чего тебе? – открыла она дверь.

В дверях стоял бледный, дрожащий Вячеслав. Он тяжело дышал.

– Что случилось? Ты на свидании был?

– У тебя выпить есть?

Тетя Маша поставила на стол бутылку, хлеб, котлеты и малосольные огурчики.

А он выпьет, корочку понюхает и сидит. Наконец пьянеть начал.

– Рассказывай, что произошло.

Он поведал эту историю, что вы рассказали, а потом и говорит:

– Испугался я, когда она мне сказала, что будем «бэз трусов». От этого «э» у меня мурашки побежали по коже, страх навалился. Думаю, вампирша какая-то.

– Не переживай, – говорит тетя Маша, – значит, не твоя это женщина.

А он сидит, голову на грудь опустил и скулит:

– Что моей не хватало? Чего она удрала с этим армянином? Ведь я о-го-го какой мужик! У него что, в штанах лучше моего? Не верю! Я бывало выйду помочиться, так струей три листа лопуха пробивал, он у меня крепче железа... Вот ты баба, скажи, чем я хуже этого армянина?

– Дурак ты, Слава. Полтинник скоро стукнет, а так и не понял, что женщине не только сила мужская нужна, а и слово ласковое, душевная теплота... Теперь встал и домой пошел, жених! И здесь бабу не мог ублажить, Аника-воин!

Выпив, мужчины неохотно стали разбредаться по домам, а Кузьмич подбросил в костер дров, поставил на огонь чайник и стал наводить порядок.

Назавтра баню следует хорошо протопить, все снова придут. И опять будут разговоры, и опять будет смех. А следующая большая компания соберется теперь аж после жатвы.

Так было сегодня и так будет всегда.

## КУЗЬМИЧ-2

(Пикантная тема)

### 1

Баня в механизированной мастерской была солидная, возведенная из соснового леса и обшитая изнутри дубовыми досками. Сразу видно, что для себя строили, и строили по науке: и парилка с полками до потолка, и помывочная с холодной и горячей водой, что грелась в специально сделанной кочегарке в громадной цистерне. Умельцы для быстрого ее нагрева приспособили для этих целей даже электричество.

Не мешая друг другу, здесь могло мыться до десяти человек.

К восьми вечера у Кузьмича все было готово. На столе в предбаннике возлежал стационарный для этого мероприятия набор: бокалы, вяленая рыба и соленые черные сухарики, а пятнадцать литров холодного пива для удобства были подвешены к потолку в молочном бидоне с краником у дна. Водку в этот день никто не пил – таков здесь укоренился негласный закон после того, как лет десять назад приезжий высокий гость, отдыхающий с директором, не упал на раскаленные камни и не получил множественные ожоги. И еще, в бане категорически запрещалось курить.

Распарившиеся мужики, завернувшись в простыни, вывалили в предбанник. В кружках искрилось янтарное пиво.

– Кузьмич, если бы тебя не было, то здесь бы точно ничего не было и тогда тебя бы следовало родить! Спасибо тебе боль-

шое! Мужики, за Кузьмича, стоя! Виват! – поднялся Юрий Курочкин, главный инженер.

– Юрий Николаевич, вы как скажете, аж слеза прошибает, видно, стареть начинаю. Я вам лучше расскажу про свою первую баню в армии. Пришло нас в часть с учебных отрядов четыре человека, я, значит, к связистам, и еще три сапера. Прибыли ночью в пятницу, а в субботу выдали всем чистое белье и повели в баню. Но прежде построили, переключку сделали, и сержант спрашивает:

– Веник кому-то нужен?

А я вырос в лесном краю, у нас без веника никто не парится.

– Мне, – говорю.

– Солдат, представляться для начала нужно.

– Рядовой Моисеенко!

– Рядовой Моисеенко, начинаем сразу познавать азы военного искусства. Для начала – три наряда на работы. Так тебе веник нужен?

– Так точно!

– Высоцкий, принеси солдату веник!

– Есть! – громким голосом произносит в строю низкорослый солдатик и быстро бежит в казарму.

Через пару минут он выносит на вытянутых руках обычный веник, перетянутый красной лентой. Строй от этой армейской шутки сходит с ума.

Я, уже получивший первый воинский урок, принимаю веник как должное, и мы идем в баню, причем я впереди коробки, держа этот веник, как флаг, на вытянутой руке. Народ от увиденной картины просто шалает. И все же ждущая меня предстоящая теплота ощущений с положительными эмоциями брала верх над всем этим негативом.

Наконец мы добрались до этой проклятой бани, которая выглядела так, будто ее построили во времена отмены крепостного права.

Разделись мы, заходим в моечную, а там такой дубак, что мой детородный орган сразу от холода провалился в живот,

тело посинело и покрылось огромными, величиной с кулак, мурашками. Все стоят и дрожат, кроме «дедушек», разумеется, они и не раздевались, зная, что горячей воды и тепла в бане нет.

– Моисеенко, – издеваются «деды», – что застеснялся, в парилку иди, погрейся, веником похлещи себя...

А что делать? Иду я в парилку... Постоял там, подрожал, но выхожу бодрый, крикаю, кричу: мол, кому веник, кто попариться хочет?..

Помыв руки, мы оделись, перекурили и счастливые пошли в казарму.

– Кузьмич, тебя послушать, создается мнение, что жизнь над тобой всегда шутила, – простонал сквозь смех дядя Миша.

– Не всегда, но... бывало.

– Ребята, – проговорил тихо Курочкин, чистя рыбу, – знаю, у вас тут всегда весело, а я попадаю к вам не часто, так что позвольте мне тоже рассказать одну историю из моей далекой деревенской юности, правда, не совсем пикантную, но надеюсь, что брезгливых за столом нет.

– Конечно, нет, Юрий Николаевич, рассказывайте, брезгливые сюда не ходят, они все по бухгалтериям сидят.

– У нас в поселке, где я родился, был промкомбинат. Пряники там делали, конфеты, вино... Вино, как говорили, плодородное, рядом огромный фруктовый сад рос, дешевое, крепленое, поэтому пользовалось огромной популярностью не только в области, но и за ее пределами.

Начальником винного цеха этого комбината была Зоя Горобец, женщина тихая и забитая, а муж ее, Степан, работал сторожем на этом же комбинате и слыл беспробудным пьяницей, что не мешало ему между перерывами настрогать трех детей.

Так вот, этот Степа сделал дубликаты ключей от склада готовой продукции и периодически крал там вино – бутылку-две, чтоб не вызывать подозрения. А украденные бутылки подменял битой тарой, так что все выглядело вполне законно.

Сдав смену, он забрал припрятанные за забором две бутылки и отправился на пляж.



Схоронившись от таких же любителей выпить на халяву в прибрежных кустах, что росли вдали от массового отдыха трудящихся, он искупался и неспешно принялся лакомить себя винчиком, загрызая его конфетами. Оставив полбутылки на опохмел и прикопав ее во влажный песок, он растянулся во весь свой двухметровый рост и сладко уснул.

То, что произошло дальше, могло произойти только в нашей стране. Его друзья-приятели, Леня Максимов и Саня Степаненко, с большими похмельными головами тоже пришли на речку в поисках спасительной жидкости. Но, к их великому разочарованию, рыбаки ушли, а неугомонная детвора была еще далека от мук похмельного синдрома.

Они грустно брели по берегу и... (кто ищет, тот всегда находит) к превеликой радости, увидели прикопанную в песке бутылку. Быстро поправив здоровье, они огляделись. В кустах на спине, раскинув в стороны руки и тихо дребезжа губами, спал Степик.

– О!.. – радостно вскрикнул Саня.

– Заткнись! Я ему сейчас устрою, как пить в одиночку...

Леонид сорвал большой лист мать-и-мачехи, оправился на него и положил в правую ладонь товарища, а сам встал сзади и длинной травинкой принялся водить по его лицу.

Степан насторожился: по его щеке и лбу что-то противное ползало и щекотало. Он затаился и изо всей силы саданул себя ладонью по лицу. Что-то резкое, противное и зловонное ударило в нос. Он быстро открыл глаза и приподнялся.

Раздался громогласный хохот.

Степан опрометью побежал к реке. Окунув лицо в воду, он начал быстро смывать с него нечистоты, его тошнило так сильно, что крики походили на рык дерущихся за самку в саванне львов.

Дружба между приятелями живо переросла в драку. Причем Степан бился так беспощадно и жестоко, что друзья-алкоголики быстро ретировались.

С того момента он больше не пил. И с промкомбината уволился. Теперь даже отдаленный запах вина вызывал у него тошноту и рвоту.

А друзья-приятели, увидев Степу на улице, опасливо переходили на другую сторону. Он их жестко предупредил: если не дай Господь кому-то и когда-то... И кто-то об этом ему скажет, убьет обоих. Они поверили и боязливо молчали.

– Дядя Миша, а помнишь?.. – Алексей от смеха начал икать.

– Лешка, я предупреждаю: вылетишь в одну секунду...

– Миша, ну-ка, ну-ка?.. – заинтересованно спросил Валентин.

– Пойдемте париться, я замерзать начинаю, – произнес Михаил и, ни на кого не обращая внимания, поднялся.

## 2

– Кузьмич, что у тебя еще приготовлено на сегодня?

– Я заготовок не делаю. Вот сегодня затронули пикантную тему, я к ней чуть позже подойду. Вот как мы живем, так и села свои называем... Переметное, Деньги, Свинарка, Дремучее, Сучкино, Тупица, Горшки... А улицы?.. Чокнуться можно! Кто их именует? Точно недоразвитые или убогие. Сами убедитесь: Титькина, Тещин язык, Тмутараканская, Бояна... Тупой переулочек, переулочек Нечистой силы... Можно же и по-другому... Например, как в песне у Юрия Антонова: Абрикосовая, Виноградная, Тенистая, Зеленая, Прохладная... Так вот, в селе Затхлое на улице Отстойной жила тетя Соня, по кличке Похметолог, шестидесяти с небольшим лет, женщина добрая, сердечная, отзывчивая и... знатная самогонщица. И самогон у нее этот был до того вкусный, пьешь – и душа радуется... Ни запаха, ни похмелья дурного...

– И ты пробовал? – спросил Витька, шофер автобазы.

– Пробовал.

– А что, похмелье бывает и не дурное?

– Витек, заткнись, не мешай человеку рассказывать. Клуб «Что? Где? Когда?» в другой стороне, – резко остановил его дядя Миша. – Не нравится – вали!

– Продолжаю, – Кузьмич отхлебнул пива и захрустел сухарем. – Жил в этом селе еще один интересный персонаж, Митя Добрый, шофер фургона хлебопекарни и беспробудный пьяница.

Отправляют его как-то летом в соседний район на завод за дрожжами, а это – чуть больше сорока километров. Час туда, час там, час обратно... К обеду должен вернуться...

Получил Митяй эти дрожжи и на обратном пути решил заехать к своему давнему другу. Главное, никуда не надо сворачивать, деревня Нахаловка, где жил дружок Сеня, прямо на дороге и стоит. Он с ним вместе три года на корабле на Черноморском флоте служил в боцманской команде эсминца «Благородный».

Сеня после службы закончил ветеринарный техникум и работал в совхозе ветфельдшером.

Когда встречаются два побратима, да еще и моряки, водка течет полноводной рекой.

Так случилось и в этот раз.

Вернулся Митя домой ночью. Как ехал, как приехал... ничего не помнит. Видит, огоньки от сигарет мелькают, остановился, вывалился из машины и на колени – бух...

– Хлопцы, – обращается к парням, сидящим на бревнах, – помогите, блуканул я... Мне в Затхлое надо. Де она, покажите ради Христа.

– Дядя Митя, эо вы нализались. Дом-то ваш напротив, а здесь, – показал парень во тьму, – Соня-Похметолог живет.

– Спасибо тебе, мил человек, я отблагодарю тебя, – и шатаюсь из стороны в сторону, открыл заднюю дверцу машины и достал лоток с дрожжами. – Прими от чистого сердца, а я домой. Жена просила пораньше прийти, сказала, чтоб корову подоил, а то она сегодня задержится...

С грохотом закрыв дверь, он, шатаясь и падая, побрел в сторону дома.

– Пацаны, а на фига нам эти дрожжи? – спросил губастый парень.

Все безразлично пожали плечами.

– А давайте их в сортир Соньке-Похметологу бросим, пусть и там у нее побродит малёха, мужикам какая разница, что пить, а утром бражка аккурат готова будет...

Предложение всем понравилось, и пятьдесят пачек звучно шлепнулись в глубину.

Дремлющее утро огласилось неистовыми женскими воплями. Бабы, выводящие коров в стадо, не могли пройти по единственной улице, разделяющей село на две части. В предрассветных сумерках из туалета Похметолога текли бурлящие, кипящие и зловонные потоки. Коровы пятились, ревели и не хотели идти. Запах стоял такой, что перепуганные птицы, попадая в ядовитое облако, в смертельных судорогах камнем падали вниз и мгновенно погибали, привязанные собаки скорбно выли, чувствуя свою неминуемую гибель, а кошки, крысы, мыши стремглав покидали насиженные жилища. После этого случая лет семь на огородах не было колорадского жука, куда-то исчезли мухи и комары, правда, и яблони с вишнями тоже перестали родить.

Толпа из-за сильного запаха неистовствовала недолго, и жажда пущенной крови не состоялась. Вызвали милицию, а милиция – пожарных.

Перед составлением протокола работники общественного правопорядка выпили, в качестве пробы, разумеется, по паре добрых стаканов кристально чистого конденсата, остальную готовую продукцию аккуратно слили в бидон и ведра, а к вещественным доказательствам приобщили два самогонных аппарата.

Пожарных тоже не обидели, а чтоб тем веселее работалось и ничего не отвлекало, угостили их также целебной жидкостью, налили и шоферу ассенизаторской машины...

Когда водки много, она течет горной рекой.

Быстро, организованно и качественно отработал ассенизатор, проворно откачавший содержимое из туалета. Да и пожарные не подкачали, живо смыв продукт человеческого метаболизма с проезжей части.

После доклада о проделанной работе из дома вышел бурый сержант с заплывшими глазами.

– Любезнейший, – прокричал он, обращаясь неизвестно к кому, – озонируйте воздух, а то дышать нечем, и проходите к столу. Все готово!

В доме на столе дымился борщ, стояла огромная сковородка с яичницей, пожаренной на сале, помидорчики, огурчики и... трехлитровая банка прозрачной жидкости.

Оперативно-розыскные мероприятия длились до глубокой ночи... В доме правонарушительницы все и заночевали. И лишь утром, добротню похмелившись, начали разъезжаться, правда, пожарники еще раз качественно помыли улицу, взметнув в небо новую волну смрада, а шофер-ассенизатор, ничего не соображая от беспробудного пьянства, вылил содержимое из цистерны прямо в оросительный канал сразу за селом. Рыба там, конечно, вся сдохла, зато урожай лука и помидоров был неслыханным.

За хорошее поведение, чистосердечное признание и активную помощь в проведении следственно-оперативных мероприятий по раскрытию тяжкого преступления Софье один самогонный аппарат вернули, шоферу Доброму выписали предписание и обязали из заработной платы восполнить ущерб, нанесенный хлебопекарне, в виде пятидесяти пачек дрожжей.

Правда, бабы потом хотели побить Соньку-Похметолога, но мужики отстояли.

А о главных виновниках всей этой истории никто и не вспомнил, поскольку думали, что Софья вылила в туалет непребродившую брагу.

– Вот такая вот история. А теперь все в парилку, мыться – и по домам, – подытожил Кузьмич.

Механизаторы покорно встали и пошли в моечный зал.

– У меня еще есть история! – прокричал Виктор.

– И какая? – поинтересовался дядя Миша.

– Про дядю Васю безногого...

– Как он летом, в солнечные дни, заезжал на коляске в женский туалет, а они, ничего во тьме не видя, снимали перед ним трусы?..

– Да.

– А он их в голую задницу палкой тыкал?

– Да.

– Эту историю все знают. Пойдемте лучше в парилку, попаримся, кости хорошенько прогреем... да и по домам уже пора.



## ТЕЛЕЦВЕТ

Шел 1992 год. Новый капиталистический строй мгновенно оскалил свои кровавые десна и острые зубы, безжалостно уничтожая все хорошее, созданное социализмом, разделяя общество на богатых и бедных. Первые стали хозяевами страны, а другие... другие всеми силами приспособлялись к новым условиям, ища методы и способы выжить в этой непонятной жизни. Одни, менее приспособленные, искали работу по специальности, а другие, втайне мечтавшие о своей звезде на небосводе, становились предпринимателями, скупая за копейки барахло в Китае, Турции или Польше, прибыльно продавая его у себя на родине.

Леонид Москаленко, тридцатидвухлетний парень, быстро поняв, что уроками физкультуры в школе много не заработаешь, уволился и окунулся с головой в бизнес. Перво-наперво он потолкался по рынкам, присмотрелся, кто, чем и как торгует, поговорил с мужиками и остановился на радио-телеаппаратуре и всем тем, что с этим связано. Нельзя сказать, что в этом деле

он был сильным докой, но со школьной скамьи что-то помнил, да и приятели намекнули: мол, не дрейфь, опыт и знания приходят со временем, как аппетит во время еды.

Арендовав на рынке место и закупив все, как ему казалось, необходимое, он встал за прилавком и теперь стоял там зимой и летом с 9 до 15 часов. Когда нужда заставляла его вновь лететь за рубеж за товаром, на рынке его замещала жена, а теща сидела с детьми.

Нельзя сказать, что судьба баловала его, но и не обижала. Как вдруг...

Леня, как обычно, стоял за прилавком в тулупе и валенках и, спасаясь от мороза, пил горячий чай из термоса, когда к нему в норковой шапке и кожаной на меху куртке подошел симпатичный мужчина средних лет.

– Молодой человек, не можете мне, не возьмете на реализацию четыре телецвета? У меня мама заболела, надо дней на десять на родину съездить. А еду завтра, билеты взял... И как всегда, когда срочно нужны деньги, их обычно катастрофически не хватает. Сами же знаете, что закон «Деньги – товар – деньги» должен работать непрерывно, а нет... то крах, – он заговорил быстро, будто бы стараясь убедить Леонида. – На рынке «Колос» мужчина десять взял, парень на площади – пять, и по дороге в маршрутке продал один. Вот... – пожал смущенно плечами, – осталось четыре. Может, возьмете, а я... Вы в три заканчиваете?

– Да, в пятнадцать.

Телецвет... Название такое он уже недавно слышал. Кто-то даже подходил к нему и спрашивал, но тогда на это он не обратил никакого внимания.

– Вы абсолютно ничего не теряете. Да – хорошо, нет – я заберу их назад.

Москаленко стоял в замешательстве.

– А что это такое?

– Да вы что?... Я думал, разбираетесь... Торгуете этим и... Это такое устройство, японцы придумали, похожее на резисторы, сопротивления... Его вставляешь в черно-белый телевизор, и он

начинает показывать все в цвете. Я за ними аж в Страну восходящего солнца летал. И стоят они там буквально гроши. Но если вы... – пожал он плечами. – Извините, – мужчина огорченно стал отходить от прилавка.

Идея Леониду сразу показалась сомнительной, он хотел еще задать несколько вопросов, но постеснялся. А с другой стороны, что он теряет? Продаст – хорошо, нет... назад вернет. – И за сколько вы их продаете? – наконец спросил он.

– Вообще за двадцать. Но очень нужны деньги, поэтому – пятнадцать. Продадите дороже – деньги ваши. Ну как? – он улыбнулся. – Вас как зовут?

– Леонид.

– Леня, «не думай о секундах свысока», – фальшиво пропел он строки из кинофильма. – Ничего же не теряешь, а торгуя по уму, и в прибыли можешь быть.

– Давайте попробую.

Мужчина положил ему в руку маленькие штуковины, похожие на сопротивления, испещренные множеством цветных полосок.

– Извини, брат, бежать надо. В пятнадцать буду.

Леонид повертел их в руках и осторожно положил на самое видное место прилавка.

Время шло, но... никто телецветом не интересовался.

И вдруг подошел неприметный старичок. Он подслеповато склонился над прилавком и долго рассматривал разложенный Леонидом товар.

– Молодой человек, это у вас не телецвет? – подняв голову, спросил он.

– Да, он.

– Месяца два по рынкам ищу, и вот на тебе... Хочется перед смертью посмотреть мир цветным. И сколько стоит?

– Тридцать! – выпалил Москаленко.

– Ого!

Тот достал выдавший виды кошелек и, шевеля губами, стал пересчитывать в нем содержимое.



– Юноша, у меня всего двадцать шесть рублей и сорок семь копеек. Нельзя вас попросить отложить его до завтра? Живу далеко, до закрытия явно не успею, – говорил он тихо, но очень убедительно, – а утречком сразу оставшиеся деньги привезу.

– Не надо, дедушка, берите за двадцать шесть, – Леонид протянул приборчик старичку.

– Спасибо вам, юноша! Дай Бог здоровья! – поклонился тот и не торопясь пошел к трамвайной остановке.

– Елки... – задумался Москаленко. – Торгую-торгую, а про это чудо слышу, можно сказать, впервые...

Тут его внимание привлек разбитной парень кавказской наружности в огромной фуражке с засунутыми в карманы брюк руками и синим от холода длинным носом. Во рту у него дымилась сигарета, которую тот гонял из одного угла рта в другой. Он метался от лотка к лотку, непрестанно спрашивая: «Телецвета нет? Телецвета нет?» Все отрицательно кивали головой. Вскоре грузин подошел к Москаленко, выпуская изо рта огромную струю холодного дыма.

– У меня есть! – радостно произнес Леша, преданно глядя на грузина.

– Сколько?

– Сорок... – голос взволнованно захрипел, а сердце лихорадочно забилось...

– Пятерочку сбросишь?

– Давай, – махнул рукой Москаленко. – Я чего-то тоже замерз, уходить собрался, – солгал он.

Представитель Закавказья достал из куртки телефон и долго говорил по нему на своем языке.

Леониду даже показалось, что такое завышение цен отпугнет покупателя, и уже начал расстраиваться, когда грузин завершил разговор.

– Беру! – твердо произнес тот. – Я домой еду, понимаешь? – затараторил он. – А там друзья, родственники... С пустыми руками как я появлюсь? Они тоже хотят цветной телевизор смотреть. Пятьдесят возьму, заверни.

Глаза Леонида удивленно расширились.

– У меня здесь осталось только три.

– Давай! Завтра принесешь?

– Принесу, – неожиданно для самого себя произнес он.

– Я тогда к тебе утречком забегу.

Рассчитавшись за товар, парень быстро ушел.

Теперь торговля для Леонида отошла на второй план. Его мысли были направлены на то, как, где и, главное, за что добыть эти прибыльные завитушки. Он и не заметил подошедшего утреннего мужчину.

– Леня, как мои дела? Что-нибудь получилось? Покупатели были?

– Продал, – Леонид протянул деньги.

– Вот и спасибо большое! Я же говорил, что никаких хлопот не будет.

– Честно сказать, я об этом телецвете практически ничего не знаю. А он у вас еще есть? – затаенно, тихо и с надеждой спросил Москаленко.

– Есть! Я этого добра много из Японии привез.

– Давайте я у вас его куплю.

– Молодой человек, у меня их осталось чуть более пятисот штук. Если заберете все – одно дело, а штуками торговать не буду. Или всё, или ничего. Приеду, сам всё продам.

– И за сколько?..

– Если всё сразу, отдам по двенадцать.

Леня усиленно морщил лоб, умножая пятьсот на двенадцать.

– Не мучайтесь. Это выходит шесть тысяч.

К ним быстро подошла женщина средних лет, голова которой была закутана пуховым платком.

– Вы что-то продаете? Оптом? – тихо спросила она.

– Беру всё! – запальчиво произнес Леонид. – Можно завтра?!

– Не обманете? В восемь, у стадиона... У меня поезд в десять. Да – да, нет – нет!..

– Да!

На том и расстались.

Вечер, ночь и даже утро Леонид с женой были заняты поиском денег, а их по тем временам надо было баснословно много. Пришлось даже кое-что продать, а большую часть занять у друзей, знакомых и соседей. К назначенному часу оговоренная сумма лежала в нагрудном кармане Лёниной рубашки.

В приподнятом настроении в половине девятого он стоял у главных ворот стадиона, мечтая о сказочном богатстве.

– Ждешь? Хорошо. Деньги принес?

Мужчина появился как из-под земли, от неожиданности Лёня даже вздрогнул.

– Вот тебе телецвет, – он раскрыл пакет, набитый этим фантастическим товаром. – Здесь чуть более полутысячи. Считать будешь?

– Нет. Я вам верю. Возьмите деньги, ровно шесть тысяч. Пересчитаете?

– Молодец! Верить всегда надо. И я тебе верю, да и времени нет, еще по магазинам надо пробежаться, подарки родственникам купить, перекусить чего-нибудь в дорогу и... сразу на вокзал.

Он дружески похлопал Леонида по плечу и быстро ушел, сунув деньги в карман брюк.

Воодушевленный удачной сделкой, Москаленко быстро пошел на рынок, открыл свой контейнер и разложил товар по прилавку, а на видном месте положил с десяток телецветов и стал поджидать грузина.

Честно признаться, скучать не приходилось. На улице резко потеплело, на безоблачном небе сияло ласковое солнышко, и народ дружно высыпал на улицу. Москаленко продал несколько антенн, два портативных приемника и кое-что по мелочам. Лишь двое купили телецвет, и то их пришлось уговаривать и убеждать.

Приближалось время обеда, а представитель солнечного Закавказья так и не появлялся. Не пришел он и после обеда.

Время шло, но спроса на этот нужный и дефицитный товар никакого не было, никто им не интересовался. Продал его Лёня,

наверное, около десятка, да и то, в основном, торгующим рядом с ним продавцам.

Но вскоре вокруг этого телецвета поднялась целая буря страстей. Люди, купившие его, приходили, кричали, требовали возврата денег, называли Леонида проходимцем и негодяем, а один даже ударил в лицо.

Обескураженный Леонид подошел к пожилому продавцу, торгующему сантехникой.

– Дядя Миша, посмотрите, что это? Кроме двух, все вернули мне телецвет, а один даже во... – и он показал огромный синяк под глазом.

Дядя Миша долго вертел загадочную штуковину в своих заскорузлых ладонях.

– Знаешь что, Ленчик, уж больно все это напоминает обыкновенный резистор, только что-то полосок на нем слишком много. Хотя... – он опять приблизил прибор к подслеповатым глазам. – Хотя их можно и дорисовать, если постараться. Ты где его взял?

– Мужчина продал. Одет хорошо... Сказал, что это телецвет, мол, в Японии купил, что с ним черно-белый телевизор будет цветным.

– Как ты его назвал?

– Телецвет.

– Из Японии?

– Да.

– Ты сам в это веришь?

Москаленко неуверенно пожал плечами.

– А сам этот прибор проверял? Вставлял в телевизор? И куда его вставлять, не подскажешь?

– Не знаю. Я в этом, если честно, слабо разбираюсь. Да у меня дома и телевизор цветной.

– А как же ты этим торгуешь? Должен соображать, что к чему.

– Посоветовали торговать, мол, мало кто этим занимается. И семью надо кормить... Сами видите, какое время... В детстве когда-то увлекался радио... А по природе я учитель физкультуры.

– Если занимался, тогда должен, по крайней мере, отличать сопротивление от полупроводникового диода или транзистора. Давай я у себя его дома проверю, но даже без этого могу твердо сказать, что тебя надули. Этот мужик тебе наплел, что они японские?

– Да.

– Судя по маркировке – русские.

Следующего дня Москаленко ждал с нетерпением.

– Дядя Миша, что скажете?

– Ничего не скажу. Облапошили тебя, мой мальчик. Так работают квалифицированные жулики. А полосочки дорисовали. Талантливо, паразиты, работают. Их упорству и разносторонности позавидовать можно.

У Леонида тревожно загудело в голове.

– Шибко сильно не переживай, многие из нашей братии через это прошли. И сколько ты их у него купил?

– Пятьсот, – почти прошептал Леха.

– Тоже неплохо!.. А деньги...

– В основном занял.

– Много?

– Много... – и он от огорчения заплакал.

Дядя Миша обнял и похлопал парня по спине.

– Не переживай, сынок, о содеянном. Теперь слезами горю не поможешь. Я вот что хочу тебе сказать, а ты слушай и мотай на ус. Заграничный паспорт у тебя, я надеюсь, есть, поэтому езжай в Польшу, Германию, Турцию, куда угодно. За год заработаешь и отдашь. Я тебе завтра принесу пару тысяч, рассчитаешься, кому срочно нужно, а мне через полгода вернешь. Место здесь оставь за собой. Пусть теща или жена когда-никогда постоят. Не переживай, я им помогу. И больно много дома не рассказывай, а то бабы... они народ дурной... Скажи, мол, шел на рынок, сзади подбежал пацан, вырвал сумку и убежал, а ты не догнал его. А сейчас все убирай, иди, выпей водочки, только немного, а завтра... завтра делай так, как я тебе сказал. А такое количество «телецвета», – он весело рассмеялся, – лет двести продавать будешь. Кому-то сопротивления по-любому понадобятся.



## НЕОКОНЧЕННЫЙ РАЗГОВОР

### 1

Василий Андреевич пришел домой к обеду. Пока за хлебом сходил, пока с мужиками за бутылкой пива обсудил мировые проблемы, пока на телефоне счет пополнил, вот время и пролетело.

Входная дверь оказалась незапертой.

– Кто это приперся ко мне без приглашения? Если ты мужчина, стань для меня братом, если женщина – будь троюродной сестрой, а если... шестнадцатилетняя...

Из зала вышла его внучка Лена.

– Дедушка, здравствуй, – она повисла на его шее и поцеловала. – Ты так безбоязненно вошел... А вдруг к тебе пришел дурной человек, скажем, грабитель...

– Порядочные ко мне не ходят, а только такие, как ты... – засмеялся он.

– Фу на тебя! Ты разве не рад, что я приехала?

– Очень рад! А чего вдруг? И в пятницу?

– Не вдруг, а соскучилась. Плюнула на всех – и к тебе. Ради тебя даже в школу не пошла. Ценí!

– Этот подвиг останется у народа в веках! Родители хоть знают о твоём исчезновении?

– Знают.

– Чего не позвонила? Я бы...

– Зачем?

– Тоже правильно!.. Незваный гость хуже... – вновь рассмеялся Василий Андреевич. – Есть будешь?

– Если борщ, то да.

– А если...

– Все равно буду.

– Тогда ставь на стол тарелки, режь хлеб, а я пока разденусь. Чайник поставь на газ. Борщ с сахарной косточкой томится у меня с утра. Достань из холодильника кастрюлю с тушеным мясом, разогреем в микроволновке.

– Дед, а молоко у тебя есть?

– А как же!

– Молоко буду. Иди уже быстрее, у меня слюна начинает течь.

– Один момент.

– Дед, я тебя так люблю! – Елена вновь обняла старика и прижала свою голову к его груди. – С тобой просто и легко. Ты не занудный, но... и не такой простой, как кажешься.

– Хватит льстить, – он украдкой провел ладонью по намокающим глазам.

Василий Андреевич тоже сильно любил эту своенравную девочку. Она ему чем-то напоминала себя в далекой и бурной молодости. Правда, тогда было другое время, не то, что сейчас. И тогда люди походили на людей, а не на огрубевших скотов.

– Надолго ко мне?

– Сегодня у нас пятница?.. Думаю, уеду вечером в воскресенье. Лучше другое скажи: баньку затопишь? Только не напоминай, что бочки требуется водой заполнить, дрова натаскать... Завтра все сделаю, ты меня знаешь, не обману.

– Если бы не знал, выгнал бы взащей.

– Дедушка, скажи, почему ты всегда шутишь с серьезным видом? Если тебя не знать, можно поверить в искренность сказанных слов. Почему на тебя никто не обижается, а все любят?

– На дураков не обижаются.

– Неправда, не наговаривай на себя, ты далеко не дурак. Кстати, сегодня какое число?

– 14 февраля. Ты амнезией начала страдать?

– А что за день, знаешь?

– Конечно. День Святого Валентина.

– С тобой неинтересно, что ни спроси, на все есть правильный ответ. Откуда в тебе это?

– От жизни. Книжки читать надо, газеты, передачи познавательные смотреть, а не шарики с дураками по компьютеру гонять.

– Согласна, но многие эту жизнь проживают, а двух слов связать не могут. А почему этот день именно 14 февраля отмечают, и кто такой Валентин, честно, я даже не ведаю. Знаю, что это День влюбленных. И почему зимой? Влюбляться в мае надо, цветет всё, пахнет, солнышко греет, тепло и радостно на душе... И ты, поди, тоже не знаешь? – улыбнулась она, погладив деда по щеке. – У тебя такая мягкая борода...

– Почему не знаю, знаю.

– Ой, а расскажи.

– Леночка, давай вначале покушаем, а потом и к Валентину перейдем. Согласна?

– Согласна.

– Тогда поухаживай за мной, а я сметану деревенскую достану, в которой ложка стоит.

## 2

Они с аппетитом ели и говорили о разном.

– Лена, ты целоваться сегодня не планируешь?

– Как-то не собиралась. А что?

– Чеснок хочу тебе предложить, с собственного огорода. Да, а если чесночком хлебушек натереть, он колбасой пахнуть будет.



– Ну тебя... Я совсем забыла, колбасу тебе привезла, овсяных, твоих любимых, печений и...

– Спасибо! С «и» разберемся завтра. Я пива на рынке попил. Лучше поведай, как дела в школе? – спросил Василий Андреевич.

– Ничего интересного. Уроки, уроки, уроки...

– Не скажи... Именно сейчас твой мозг наполняется тем, с чем ты пойдешь по жизни. Это уже потом придут профессиональные знания, но основа – это сейчас, в школе. Мы, опираясь на базу средней школы, можем, опять же, в силу имеющихся у нас знаний, школьных знаний, поговорить и о физике, и о химии, и о биологии... Это потом мы становимся узкими специалистами: врачами, конструкторами, учителями... А сейчас ты общаешься с помощью общих знаний, полученных в стенах школы и... на просторах улицы. Мне приходилось в своей жизни встречаться с американцами, и отношусь я к ним двояко. С одной стороны, это очень умные люди, умные в пределах только своей специальности, в пределах только своего профиля работы, но до безумия ограниченные во всем остальном. Если мы можем поговорить обо всем понемногу, то они это сделать не могут, поскольку даже не знают, о чем говорить. Они не знают своих художников, писателей, композиторов, они делают удивленные глаза, когда мы им говорим о Джеке Лондоне, Эдгаре По, Томасе Икинсе или Дюке Эллингтоне... И потом, это очень бескультурная нация, хотя... и мы не можем этим похвастаться. И юмор их груб и неотесан: рыгнуть, блевануть, показать задницу и тому подобное. Мы, к великому сожалению, сейчас идем тоже к этому, что очень жаль. В театре, который для нас является храмом искусства и культуры, они кладут ноги на спинку впереди стоящего кресла, в шортах приходят... А мы им заискивающе смотрим в глаза, лебезим, тьфу! Ты ешь, ешь, чего застыла? Может, невкусно?

– Дедушка, очень вкусно! Сказать честно, я и не задумывалась о том, что ты сейчас сказал. Все в точку, действительно это так. Мы тоже становимся недалекими.

– А если поняла, учись, читай... Компьютерные игры знаний и интеллекта не дают. Борщ-то понравился?

– Я же сказала: не борщ, а сказка. Ты всегда суперски его готовишь, научи.

– Что бы ни готовила, не забывай сердце свою и душу вкладывать.

– Не поняла.

– То есть не просто бросать в воду мясо, картошку, лук, а делать это все с добром и любовью, вкладывать в это свою душу, поняла?

– Значит, у меня нет души, – огорченно выдохнула Лена.

– Не переживай, есть, она у всех есть, только надо научиться ее раскрывать.

– Значит...

– Ничего не значит. А картошка вкусная?

– У тебя всегда все вкусно.

– Может, молоко подогреешь?

– Нет, я холодненького...

– Смотри, чтоб горло не заболело. В доме не прохладно?

– Мне – нет.

– Сейчас маленечко полежим, поспим... Не смотри на меня с укором.

– А Валентин?

– Это потом.

– Ты обещал. А мужчина, как ты сам любишь говорить, сказал – сделал.

– Какая ты занудная! Ложись тоже на диван, полежи. Если вдруг усну, не буди, доскажу потом.

### 3

– Дед, я готова, только не халтурь.

– Сразу предупреждаю: есть несколько легенд и трактовок образования этого праздника. Я расскажу тебе ту, которая мне нравится. В те времена в древнем Риме императором был Клавдий II, далеко не лучший правитель, злой, кровавый и самодур,

хотя таковыми были как до него, так и после него практически все. Так вот он посчитал, что юноши не должны быть обременены брачными узами, ибо это мешает военной службе, и издал указ, запрещающий им вступать в брак. Против этого указа воспротивился священник Валентин и тайно венчал влюбленных. Понятное дело, что его схватили, бросили в тюрьму и приговорили к смертной казни. В тюрьме он познакомился с прекрасной девушкой, Юлией, дочерью одного из надзирателей тюрьмы, которая была от природы слепая, и влюбился в нее. Перед смертью он написал ей письмо, валентинку, которое закончил словами: «Твой Валентин». В нем было столько доброты, теплоты и искренней любви, что от этого Юлия прозрела, но прочитала она это письмо уже после казни Валентина, которому отрубили голову. Казнь состоялась 14 февраля 269 года. С этого времени и принято отмечать День всех влюбленных, или День Святого Валентина. В этот день дорогим и любимым людям принято дарить цветы и открытки в виде сердечек со стихами и признаниями в любви. Тебе валентинку...

– Ну их всех! Корчат из себя не пойми кого... Не нравится мне никто.

– Молодец! Правильно! Во взаимоотношениях должна быть идиллия. Здесь ты все в человеке должна боготворить. И если что-то тебе не нравится, бросай, ибо в дальнейшем это начнет вылезать наружу, мозолить глаза. И именно это станет предметом раздора. А «слюбится – стерпится» – это в народных поверьях и преданьях. И не слюбится, и не стерпится, поняла?

– Поняла. Откуда ты и про это знаешь? Ты ясновидец?

– Жизнь – великий учитель! И шел я по этой жизни один, без поводыря, ноги в кровь сбивал, ногти срывал, карабкаясь на вершину, лоб в шишках был... Учиться на собственных ошибках плохо, надо, как говорит мой знакомый, Учителя иметь...

– Дедушка, если тебе всегда будут указывать путь, переносить через препятствия, – кем ты вырастешь?

– Согласен! Никчемный человек получится, белый и пушистый. Тоже не есть хорошо... Знаешь, что я подумал: если все мы

будем смотреть, как плохо у соседа, и не допускать его ошибок, человечество просто-напросто возьмет и самоликвидируется.

– Это почему?

– Смотри, дети видят, как ругаются родители, как пьет отец, даже дерется, как в семье хронически не хватает денег... И даже сверхбогатые тоже бесятся от жира – гуляют, пьянствуют, истребляют друг друга... Но наступает совершеннолетие – и под марш Мендельсона образуются новые семьи, верящие в безоблачное счастье, вечную любовь... В большинстве своем всё-всё повторяется в зеркальном отображении. И таких примеров...

– Ну тебя, вот возьму и не выйду замуж...

– Выйдешь!.. В человеке заложен ген продолжения рода.

– Дедушка, скажи, а как ты понимаешь любовь?

– Любовь? – Василий Андреевич надолго задумался. Его лицо постоянно менялось от роя набегающих мыслей. – Любовь? – переспросил он задумчиво. – Любовь многогранна. Любовь – это доверие, доверие во всем. Любовь – это способность дарить друг другу счастье. Я бы, наверное, ответил так: «Любовь – это затаенная песня души». Прошу, не воспринимай мои слова за догму. Полагаю, что понятие любви в каждом возрасте свое. Старость не может любить, как юность. Любить очень сложно и тяжело. Слово «любовь» даже черствые люди произносят с придыханием. Любить – значит идти одной дорогой, взявшись за руки, одинаково мыслить и жить, делать одну и ту же работу, заботиться друг о друге, полностью отдавать себя любимому человеку, дарить ему радость, счастье и доброту, быть нетерпимым к боли другого... Мне сложно подобрать слова, эпитеты, но как-то так... Чтобы было понятнее, пришли муж или жена с работы, не надо выливать друг на друга накопившуюся на работе грязь, плохое настроение, усталость, головную боль... Всё это следует сразу отбрасывать на второй и даже пятый план. Требуется обязательно находить общие темы для разговора. Ты девочка большая и уже должна понимать, что любовь без страсти, обоюдной страсти, долго не живет. Любовь требует от тебя улыбаться даже тогда, когда ты сильно устал. Мужик – добыт-

чик, а женщина вьет гнездышко и поддерживает огонь в семейном очаге, она обязана быть большим дипломатом и всегда стараться сглаживать острые углы. Любовь – это когда вместе прожита жизнь, а в ней сохранена друг к другу нежность, которая была в начале этой жизни... И еще, жена должна встречать мужа не в затрапезном халате, стоптанных тапочках и с взлохмаченной головой, а прилично одетая и ухоженная и, повторюсь, с улыбкой на лице. В противном случае он эту красоту будет скоро искать на стороне. Вот такое мое представление о большой, настоящей любви. Любить сложно, и этому надо учиться всю жизнь.

– Дедушка, ты философ! Столько наговорил... И все верно. Скажи, а была у тебя любовь, о которой ты помнишь до сих пор?

– Чтобы до сих пор? Конечно!

– Ой, как интересно, расскажи.

– Лена, какая ты неугомонная! Сегодня расскажу тебе все свои тайны, ты ко мне больше и не приедешь.

– Была бы моя воля, я от тебя никуда б и не уезжала, поверь. Не томи уже, рассказывай! Как ее звали?

– Была ранняя весна, время пробуждения природы, чувств, эмоций и, конечно, любви. Звали ее Наташа, Наташа Котова. Была она восхитительна и обворожительно красива! Очки с изогнутыми около висков дужками делали ее лицо просто неотразимым. А было так. Одна из медицинских кафедр делала какую-то научную работу по исследованию влияния экстремальных факторов: высоченная температура, повышенное атмосферное давление, вибрация и прочее – на действие медицинских препаратов, в частности прививочного материала, на организм человека. Мы выполняли в этом эксперименте роль испытуемых. Там я ее и увидел, познакомился. А на следующий день встретились, погуляли по городу, а потом я проводил ее домой. Мы остановились у окна, что смотрело на наше общежитие, и о чем-то говорили. И вдруг она спросила:

– Вася, а ты знаешь Юру Крапивина?

– Знаю, – бодро ответил я, а сердце ожесточенно забарабанило в грудной клетке.

– Ты можешь мне его сейчас позвать?

Вот так жизнь первый раз нанесла мне свой изуверский удар. Бывало, она хлестала и больнее, но это был – первый, он и оставил глубочайший рубец на сердце. Мне стало нестерпимо горько, что я не сдержался и заплакал. Наташа гладила меня по голове и тихо шептала, что Юра ей очень нравится...

– И это всё? Вы даже не целовались?

– Глупое дитя... Знаешь, как это много и свято для меня? Ничего нет вкуснее глотка холодной воды из родника в палящий полдень, слаще предутренней трели соловья или нежного и в то же время дурманящего запаха распустившейся сирени... Разум и мудрость приходят с годами, с ними укореняются и привычки, а юношеская непосредственность живет до сих пор, садня в груди.

– И что было дальше?

– Дальше была жизнь с ее взлетами и падениями.

– А Наташа?..

– Она вышла замуж за Юру, родила от него сына...

– Вы с ней потом встречались?

– Только как прохожие, разговаривали, и не больше, но думаю, что потом, спустя годы, она все же оценила мою непорочную любовь к ней.

– Ты знаешь, дедушка, мне тоже захотелось, чтоб кто-то вот так трепетно хранил память обо мне. Как все-таки романтично... Один день, величиною с жизнь!..

– И еще. Чтобы настоящая любовь пришла, нужно обязательно найти свою половинку. А это чрезвычайно трудно. Поэтому спешить с замужеством не рекомендуется, поняла? – он кряхтя поднялся со своей кровати. – Начинаю понимать, что жизнь моя сегодня дала трещину, не удастся отдохнуть. Боюсь, что этими вопросами ты меня доконаешь! Вставай, чего разлеглась? – он улыбнулся, хитрые лучики собрались у глаз. – Я дровами для бани займусь, а ты набирай в бочки воду. Между прочим, теперь таскать воду из дома не надо, я туда трубу провел, через шланг набирать будешь.

– Как здорово! – захлопала в ладоши Лена. – А то прошлый раз думала руки оторвутся.

На улице подморозило. Снег в лучах заходящего солнца искрился колючими искорками студеной радуги и заунывно скрипел.

– Дедушка, я, набирая воду, просто околела. Пойдем быстрее в дом, чаю попьем.

– Если хочешь, пойдём. А вот мне жарко, – засмеялся он, выпустив изо рта в атмосферу клубы горячего пара. – И чего было сидеть у бочек, пустила воду и пришла бы, помогла мне по хозяйству. Я тебе сейчас заварю замечательный и целебный бурятский чай, «саган дайля» называется, переводится как «белое крыло». Собирают этот чай в горах Алтая. Храню его как зеницу ока, пью, как говорится, только по праздникам. Мне его давным-давно прислал друг, что живет в Иркутске, Дармаев Андрей Дашиевич. Сам он бурят, врач и просто стоящий человек. Дай Бог ему здоровья!

– Дед, у вас в селе жил мужик, Митрофаныч, кажется... Помню, ты его называл «наш Кулибин»...

– А-а-а, Федя... Жи-и-и-в... Вот действительно талантище, все умеет, все починить может, все отремонтировать, начиная от пустяка и кончая телевизорами, импортными стиральными машинами и компьютерами. Ты знаешь, его чуть не посадили. История такая вышла. Жена у Феди нормальная баба, но любит выпить. Он как-то в обед приходит с работы, а дома никого. Туда-сюда – нет Любки, а соседка, она всё видит, всё обо всех знает, кричит, мол, сходи к Дарье хромой, они там водку жрут. Он туда... Дверь заперта изнутри. Стучит, никто не открывает. Федор ногой выбивает эту дверь, влетает в дом и видит такую картину: на кухне с ословелыми глазами и висящими слюнявыми губами за столом сидят хозяйка и еще одна дама. На грязном столе бутылка самогона, раскрошенный хлеб и огрызки яблока. И еще около него стоит третья табуретка.

– Любка где?! – орет он.

– А ее у меня нет. Садись к нам, Федя, выпей. Налить? Зачем зря шумишь?

Федор, не обращая на нее внимания, обшарил весь дом, жены нигде не было. Проходя мимо шифоньера, на всякий случай открыл дверку... В нем, скрючившись, с полной рюмкой водки, сидела супруга. В приступе гнева, не контролируя себя, он ударил ее кулаком, шкаф от такого сотрясения и рассыпался. Участковый... Акт... И народ мгновенно собрался у дома, ждет, что дальше будет, он у нас падок на такие события. И уже собрались арестовывать Митрофаныча, как все вдруг вспомнили, что теперь у них некому будет всё ремонтировать, и не дали увезти его. Федору выписали штраф и обязали восстановить мебель. Деньги на выплату этого штрафа собирали сами жители. Вот как у нас почитают этого человека.

– А жена?

– Что с ней делается? Живут...

– Пьет?

– Реже, но случается. Как чай?

– Вкус приятный и специфичный, мне нравится. У тебя кислая капуста есть?

– Найдем.

– Картошка, надеюсь, тоже?

– По сусекам поскребем, авось... Что ты хочешь делать?

– Пожарю картошку с капустой. Я пробовала, очень понравилась.

– Покажи-ка мне себя хозяйкой, с удовольствием попробую. С кислой капустой была у меня интересная история лет семь назад. Бабушки не было, уехала к вам в город, и захотелось мне сварить щи из кислой капусты, но я их делаю не как у русских, а по рецепту нашего украинского борща, со свеклой, поджаркой... И получается невероятно вкусно. А варю я всегда в огромной кастрюле, чтоб дней на десять хватило. За окном была поздняя осень, темнело рано, и чего-то я заскучал. Звоню другу своему, Коле, он актер, человек интересный, мол, приезжай, я щи сварил, посидим, бутылочку разопьем, побеседуем... И он соглашается. Пока я стол накрывал, за окном машина заурчала. Короче, сели за стол, выпили по рюмочке... Было до того вкусно, что



Коля съел одну тарелку, а ест он очень быстро, налил другую, третью, и когда пошел за четвертой, я взмолился:

– Николай, ты сейчас у меня всё съешь, а я рассчитывал, что хватит мне его минимум на неделю...

– Делать тебе здесь нечего, еще сварить, – назидательно ответил он.

Короче, он опорожнил и четвертую тарелку, наполненную до верха, покурил, встал и как бы между прочим произнес:

– Я домой поехал.

– Какой дом, посидим, поболтаем...

– Нет, чего-то устал, поеду...

И уехал, а я, огорченный тем, что завтра опять надо что-то готовить, лег на диван не раздеваясь, включил телевизор и уснул.

– Дед, у тебя правда всё вкусно выходит, – засмеялась Лена. – В отличие от многих моих родственников, ты человек неунывающий, на всё практически смотришь через призму юмора. Скажи, а что-то такое было в твоей жизни, когда тебе, как бы это выразиться, было некомфортно или вызывало отвращение?

– Сколько угодно.

– Расскажи, мне интересно.

– Ну, к примеру... Ты человек молодой и многое не видела или воспринимаешь всё через призму современной жизни. Но... плохое всегда плохо, где и в каком бы веке мы ни жили. Возьмем наши больницы. Нет, не новые, не ультрасовременные, где комфортно болеть и даже умирать, а простые, построенные еще в далекие советские времена. Сейчас в них лечатся люди даже не второго, а скорее третьего сорта. Это настоящая клоака. Я, может быть, буду рисовать не совсем красивые картинки и говорить далеко не нежные слова, но ты уже взрослая девочка, тем более сама просила. И тебе уже иногда надо заглядывать на обратную сторону нашего бытия, на далеко нелицеприятную картину. Тогда ты только начнешь понимать блеск и нищету нашего общества. Включай фантазию и воочию все представляй. Итак, больница, возьмем самое ходовое, хирургическое,

отделение, где лежат одновременно от двадцати до тридцати человек. Раннее утро. Сквозь грязные окна робко пробивается утреннее солнышко. В переполненных палатах с панцирными койками (напоминаю, что это хирургия), в коридоре с протертым линолеумом, обшарпанными стенками смрадно, пахнет сразу всем, но не чистотой. Один туалет, поделенный на две половинки, официально подчеркивающий разделение общества по половому признаку. Что он собой представляет, описать трудно, но возможно...

– Дедушка... – выдыхает брезгливо внука.

– На этом могу прервать свое повествование...

– Это я так... Продолжай.

– Крючка на дверях нет. В малюсенькой кабинке, мягко выражаясь, тесновато, окно, как правило, разбито или не закрывается ни летом, ни зимой. Унитаз настолько грязен, что на него противно не только садиться, но и стоять рядом. В углу стоит переполненная использованной бумагой и прочей дрянью корзина, много мусора также валяется на полу. На этом самом полу, залитом сантиметровым слоем мочи, стоять невозможно, но делать нечего...

Елена передернулась. Она тихо поднялась:

– Ты рассказывай, а я пока картошку почищу.

– Но это пока пыль... Предисловие, так сказать. Чтоб попасть в это исчадие ада, надо отстоять очередь. Первыми не выдерживают женщины, у них эта процедура всегда затянута. Легкий ропот перерастает в гвалт. В конце концов, представители сильной половины человечества сдаются, применяя для этого различные способы. Одни спускаются во двор лечебного учреждения, другие используют для этих целей обрезанные полиэтиленовые бутылки, расставляя их потом на радость санитарке по всему коридору и на лестничной площадке, третьи... третьи применяют для этих целей (извини, говорю как есть) презервативы. У одного мужичка, лет пятидесяти с небольшим, постоянно выделялась моча и памперсы не выдерживали. Днем он ходил в них, а на ночь жена привязывала презерватив. К утру в

нем скапливалось несметное количество этой самой мочи. Утром он его отвязывал, аккуратно относил в туалет и выливал. И вот он осторожно несет по коридору под халатом это хозяйство, а медицинская сестра заметила и кричит: «Больной, что вы несете?» (Так запросто проносили в палату алкоголь и напивались). «Да я...» – «Покажите!» Она дергает за полу халата, резина рвется – и они оба, от пояса до пят, становятся мокрыми. Больной растерянно стоит, а у сестры начался приступ рвоты.

Василий Андреевич заходится лающим смехом.

– Это сейчас смешно, а по жизни очень даже горько, – произнес он отсмеявшись.

– Дедушка, как тебе не противно такое мне рассказывать?

– Тебе от рассказа становится тошно, а люди в таких скотских условиях лечатся! Вот где трагедия, а ты... Что тебе помочь?

– Я сама.

За окном быстро смеркалось.

– Свет зажечь?

– Зажги.

Послышались щелчки выключателя. Свет не загорался.

– К вечеру Влюбленных свет погасили. Давно у нас такого не было. Я сейчас свечи принесу.

– Дедушка, и капусту захвати. Я картошку бросаю на сковородку.

– Потом газ не гаси, пусть горит, всё теплее в доме будет.

## 5

Они тихо сидели за столом. Трепетное пламя свечи мягко стелило над скатертью свой золотистый свет, создавая атмосферу таинственности и загадочности. Лена молча сидела и о чем-то сосредоточенно думала. Василий Андреевич, собрав в уголках глаз разбегающиеся лучики мудрости, с интересом следил за ней.

– Дедушка, – вдруг нарушила она тишину, явно продолжая размышлять, – то, что ты мне рассказал, правда или как всегда приукрасил?

– На девяносто семь процентов правда.

– Невесело... А что-нибудь веселенькое...

– Можно и веселенькое, слушай. Новость взбудоражила всю округу: по городам и весям области ездил китаец и иголками лечил все болезни. Нашему народу лечение, да еще иголками, ничего не говорило, а вот то, что он китаец, да еще и живой, завораживало и будоражило одновременно. Кто-то даже пустил слух, что он немой, и это придало новости еще больший интерес, ведь увидеть живого китайца, да еще немного, не каждому дано. Такое случается раз в жизни. Записалось на лечение человек четыреста. Быть здоровым у нас еще не зазорно! С целителем приехал его, как сейчас модно называть, продюсер. А с этим продюсером, Валера его звали, я когда-то в молодости пересекался. Он уже тогда был большим авантюристом. Теперь его статус назывался по-другому, но по сути дела не изменился. Им, как положено, выделили в гостинице люксовские номера, машину и кормили бесплатно. За лечение же они брали большие деньги.

– Это правда был китаец?

Василий Андреевич рассмеялся.

– Видишь, ты сразу задала правильный вопрос. Для большей массы наших людей, лишенных логики и фантазии, человек с узкими глазами либо китаец, либо японец. Года через два-три этих «целителей» где-то разоблачила полиция и выяснилось, что этот лжекитаец оказался обычным калмыком, маленьким, толстым, с лунообразным лицом, редкой растительностью на щеках и узенькими прорезами для глаз, а по профессии он был обычный фельдшер. Предприимчивый Валера детально все продумал, заставил этого фельдшера покопаться в специальной литературе, а немой сделал для элементарной конспирации. Денег у них было обнаружено – не пересчитать.

– Если он не специалист, как же лечил?

– Так и лечил... Кто понимает, куда и зачем он вставлял эти иголки? Главное, врачебная заповедь «Не навреди» была соблюдена.

– И помогало?

– Конечно! Человек с верой идет, а при лечении это значит очень и очень много. Методом самовнушения можно вылечить многое.

– Да, – прыснула Лена, – никогда бы не подумала, что такое возможно!

– Чай будем пить или ты молоко? Может, что-то покушать хочешь?

– Нет, только чай. С медом и белым хлебом, у вас очень вкусный хлебушек пекут.

– Тогда ставь чайник, мед на столе, я сейчас тебе еще одну историю расскажу, почти детективную.

– Про больницу? – засмеялась Лена.

– Почти, – улыбаясь ответил он. – А рассказал мне ее приятель, сосед по городской квартире. Было это давно, так давно, что ты еще не родилась. Приехала к нему теща. И все-то у нее болит, и где только не лечилась – ничего не помогает. Обошла знакомых, подруг, побродила по рынку... Навестила троюродную сестру, она и посоветовала: «Сходи, Нина, к... – она задумалась, – к гиру... горе... гирия... Не помню, как у них он называется, ну тот, кто пиявки ставит. Лёничка, мой ухажер, пару раз в год мы с ним... – она счастливо залилась веселым смехом. – Он давлением мучается... Таблетки, уколы... и ничего не помогает. После двух сеансов как на свет народился. Этот доктор на дому принимает, я тебе адрес дам и телефон». – «Чего-то я боюсь делать такое». – «Ну если ему помогло...»

– Уговорила теща дочь, – продолжал Василий Андреевич, – и они с ней пошли в субботу к гирудотерапевту.

– Это кто?

– Кто пиявками лечит.

– Фу...

– Не фу, а класс! Слушай дальше. Доктор всё подробно расспросил: кто такие, откуда приехали, что, где и как болит... Теще поставил пиявки на сосцевидные отростки за уши и три на груди слева.

– А вас что беспокоит? – повернулся доктор к женщине, дочери тещи.

– Ничего особенного, – ответила она. – Правда, язык иногда щиплет, как кипятком ошпарила, и в это время появляется во рту вкус металла, а так...

– Вы замужем?

– Да.

– Муж кто?

– Невропатолог в первой больнице.

– А фамилия? – поинтересовался доктор.

– Сикорский.

– Борис Петрович?

– Да. Вы его знаете?

– Встречались, – и гирудотерапевт припомнил, как этот самый Борис Петрович за бутылкой коньяка жаловался и на жену, и на тещу.

«Надо помочь коллеге», – подумал он.

– У вас, Тамара Петровна, глоссалгия.

– Что это? – испуганно произнесла жена невропатолога.

– Пока ничего страшного, но... Вы вовремя обратились. Сядьте в кресло, откиньте голову, закройте глаза, откройте рот и высуньте язык.

– Это не страшно, доктор?

– Нет. Это необходимо.

Вскоре что-то неприятное и болезненное впилося в ее язык.

– Ой, сто это?.. – шепеляво спросила она.

– Не пугайтесь, ничего ужасного с вами не произойдет, дышите спокойно, ровно, через рот. Это пиявка, теперь оторвать ее можно только вместе с языком, она отвалится сама, когда насосется крови. После этого все жжения, мурашки в языке пройдут. Думайте о чем-то хорошем, я сейчас включу расслабляющую музыку.

Если после процедуры у нее с языка постоянно выделялась сукровица, то ранки тещи кровоточили сильно, толстые салфетки быстро напитывались кровью. А жили они в дачном поселке и все выбрасывали в уличный мусорный бак. Муж ушел дежурить в больницу. А рано утром в их доме раздался звонок.

Тамара, эта самая дочь тещи, с катящейся изо рта красной слюной открыла дверь. В дверях стоял полицейский. При виде крови его глаза расширились.

– Кровавые тряпки в мусорном баке ваши? – спросил он.

– Наши, а в чем дело? – еле ворочая языком, ответила она.

– Здесь вопросы задаю я! – он резко отодвинул рукой Тамару и прошел на кухню. – В доме еще кто-то есть?

– Мама. Да скажите, в чем дело?

– А муж?

– Его нет... – от предчувствия чего-то нехорошего она побледнела. – С ним что-то случилось? – ее голос задрожал.

– Вот это я и хочу выяснить! Что у вас здесь произошло?

– Что вы имеете в виду?

– Я ничего... Откуда кровь?

– Нам вчера с мамой доктор ставил пиявки...

– Доктор может делать что угодно... Откуда столько крови? И у вас она изо рта течет...

– Вы об этом... – Тамара болезненно улыбнулась. – Пойдемте. Они пришли в спальню. На диване спала полная женщина.

– Мама, проснись. Полицейский пришел, хочет посмотреть твои раны.

– А! – вздрогнула та. – Чё он хочет посмотреть?

– Раны твои. Повернись на бок.

– Вот, – Тамара сняла пропитанную сукровицей повязку, – смотрите. Видите, три дырочки, из них сейчас сукровица сочится, а вчера еще вытекала кровь, они от прокусов пиявками.

– Спасибо! Извините, служба... – полицейский протяжно вдохнул воздух. – Извините, можно мне у вас умыться холодной водой, а то что-то меня повело от этого зрелища...

Лена расхохоталась.

– Детективный роман какой-то! Вот и ходи после этого к этим врачам, – она вновь засмеялась. – Дед...

– На сегодня вопросов достаточно. У меня уже язык устал от этих разговоров. Поздно, пошли спать, а то завтра мне нечего будет и рассказать тебе.

- Пожалуйста, только один маленький вопросик.
- Какая ты неугомонная... Спрашивай!
- Кто тебе из певцов нравится?
- Много таких. У каждого есть как хорошие, так и плохие песни. А вот чаще всего я слушаю Корнилова. Он петербуржец, но воспевает красоту Северного Урала, полуострова Ямал. Очень красиво и классно поет, я тебе завтра его включу. Потом Зинкевич и Яремчук, украинские соловьи. Они с такой любовью и воодушевлением величают просторы Карпатского края, заслушаться можно, Калинин с его есенинской грустью... Хватит, спать, утро вечера мудренее... Завтра напомнишь, чтоб рассказал еще о воде, ее свойствах.
- Дед, что тянуть до завтра?..
- Ты меня заездила сегодня. Приезжай чаще, будешь больше знать. Спокойной ночи.

## 6

Утром Елена проснулась поздно. В доме стояла тишина.

- Дедушка, ты дома? - громко крикнула она, но никто не ответил.

«Баню, наверное, топит», - подумала Лена, немного полежала и, улыбнувшись, вспоминая вчерашний разговор, встала с дивана.

В комнате было прохладно.

- Дед, ты чего печку не протопил? Решил заморозить меня? - снова весело прокричала она.

Передернув плечами, Лена быстро оделась, аккуратно сложила на стул постельное белье.

Потягиваясь и зевая, она вышла в зал, открыла дверь и заглянула в дедушкину спальню. Дед лежал на койке, до подбородка укрывшись одеялом. Его лицо затаенно улыбалось.

- Кто мне говорил, что село бездельников не любит? Подъем!!! - гаркнула она по-военному и сдернула одеяло.

Дед лежал не шевелясь.

- Дед! - прошептала Лена. Ее сердце тревожно застучало. Она тихонько потрясла его за плечо. - Дедушка, милый, ты умер? Не умирай, миленький, прошу тебя! Не надо!!! - теперь



она рыдая кричала во весь голос: – Мы же разговор с тобой не закончили... Ты же сам сказал – сегодня... А я?.. Как же я? – Лена встала на колени, щекой прижалась к его руке, из глаз ручьем текли слезы. – Дедушка, слышишь, я не отпускаю тебя, я не отпускаю тебя!.. Мы не закончили наш разговор! Прости меня, что редко к тебе приезжала. А наш разговор я запомню на всю свою жизнь. Слышишь, запомню!

Так она стояла, обезумевшая от произошедшего, и говорила, словно в бреду, не понимая, что говорит.

– Вася! – постучали в окно. – Ты где? Я пришел взять у тебя дрель. Ночью котенок прыгнул на занавеску и карниз оторвал, – раздался смех. – Моя с утра меня пилит, а я раньше не решался прийти, думаю, чего человека будить ни свет ни заря.

Дверь открыла заплаканная Елена.

– Что случилось, дочка?

– Дедушка... Там... – и она вновь зашлась рыданиями.

Мужчина быстро прошел в дом.

– Ты, кажется, Лена? – спросил он, выходя из спальни. – Одевайся, Леночка, пойдем ко мне. Я через дорогу живу. Дядя Миша меня зовут, как-то вас с мамой до города подвозил, помнишь?

Елена кивнула.

– Дедушка умер? – спросила она, еще надеясь на чудо.

– Да, доченька... Молодой еще был, только шестидесятилетие справил. Ты побудешь пока у нас. Сейчас папе с мамой позвоним...

\* \* \*

Прошли годы, Лена выросла, стала большим руководителем. У нее была прекрасная семья, двое детей, а в доме неизменно жили счастье и любовь.

Последний разговор с дедушкой она помнила всегда и в трудные минуты советовалась с ним, получая необходимые ответы.

Все в этой жизни происходит не напрасно. Его семена упали на благодатную почву. Теперь, когда деда не было, внучка жила его опытом и мудростью.



## ПЕЧАТЬ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Лена пришла домой с прогулки поздно, приняла душ, выпила лекарство и, тихо помолившись, легла в постель. В ноги сразу прыгнула кошка Ньюша и, свернувшись калачиком, мирно заснула.

Включив ночник, Елена нашла спокойную музыку и открыла только сегодня купленный томик николаевского поэта Вячеслава Качурина «Обстоятельства времени», ей его посоветовал приятель.

Уже первое стихотворение вызвало интерес и призывно звучало:

*Постарайся о том не забыть  
И при жизни усвоить подробно:  
Если пуля способна убить,  
То строка обессмертит способна...*

Зазвонил телефон, она автоматически посмотрела на часы, стрелки вот-вот должны были соединиться на полуночи.

Номер был незнаком.

– Алло, – почти прошептала она. – Слушаю вас.

– Алло! Леночка, это я! Узнала? – прозвучал мужской, слегка глуховатый голос.

Прошло уже почти полвека, но этот голос она узнала бы и через сотню лет...

– Да, Лёничка, узнала, – в горле резко зашипало, и она выпила из стакана приготовленную воду. – Что-то случилось?

Они говорили так, будто и не было этой полувековой разлуки.

– Случилось! Если не забыла, у меня сегодня день рождения, приезжали родственники, посидели, отметили... Знаешь, мне так захотелось, чтоб поздравила меня и ты.

– Лёничка, я тебя поздравляю! Желаю здоровья, счастья и всего доброго тебе, твоим детям и внукам.

– Лена, ты можешь ответить на мой вопрос? Только честно.

– Конечно, могу, – тихо сказала она, уже предвидя, какой будет этот вопрос.

Она понимала, что сейчас больше говорит водка, чем ее собеседник.

– Скажи, почему ты в те далекие 70-е годы отказалась выйти за меня замуж? Я тебе не нравился? Только скажи честно.

– Лёничка, ты снова за свое. Разве можно сейчас дать правильный ответ. Тогда мне было восемнадцать, тебе двадцать два... Тогда совсем другие мысли в голове были, другие мечты, другие желания. Мы смотрели на этот мир иначе, чем сейчас, я бы сказала, еще по-детски. А сейчас мне 65, тебе сегодня исполнилось 69!.. Значит, моя душа не отозвалась, не открылась на желания твоей души.

– Лена, ты помнишь...

– Я все помню.

– Не перебивай! Помнишь тот наш поцелуй, единственный и на всю жизнь?

Елена молчала и, конечно, помнила. Она помнила все...

Леонид хрипло продолжал. Было слышно, как он закурил.

– Помнишь, весна была, май, кругом цвели сады... В нашем клубе шел концерт, мест не хватало, из-за духоты боковые двери

были открыты. Я стоял на улице у двери, а ты читала на сцене стихи Асадова. На тебе была темная юбочка и нежно-голубая кофточка, а распущенные волосы весело ниспадали на плечи... – он всхлипнул. – Челка, ямочка на подбородке и стройная фигура. Я стоял и любовался тобой... А влюблен был, не рассказать! Концерт закончился, все начали расходиться, а я стою в темноте и издали слежу за тобой... Ты с подругами попрощалась и направилась в сторону дома. За тобой тогда Левченко ударял, его в этот день не было почему-то. Скажи, что в нем хорошего было – молчун, тихоня и вообще... Я шел за тобой... Помнишь, тогда в совхозе водопровод проводили и везде были разрыты канавы, а вместо переходов тоненькие доски через рвы переброшены. Ты приблизилась к яме, кругом темно... Я подошел и говорю: «Давай руку, помогу перейти, а то свалишься в яму и разобьешься, а я плакать стану». – «Лёничка, это ты?» – спросила меня. «Я, а кто же еще?» – говорю, а в голове мысль свербит: «Если не сейчас, то когда?» Я стоял посередине доски, ты протянула руку, я притянул к себе, взял за талию и лихорадочно поцеловал тебя в губы... А ты вся напряглась и пыталась оттолкнуть меня.

Елена молча лежала и, затаив дыхание, слушала эту исповедь, а картины прошлого стремительно мелькали перед глазами, словно показывали кино. Из больших карих глаз текли слезы.

– Сейчас так ярко себе это представил, аж дух захватило, – продолжал Леонид. – Я и сейчас помню запах твоих волос, а губы, твои губы мне снятся до сих пор...

Елена услышала, как он что-то налил и выпил.

– Голос у тебя не изменился, – продолжал он, – как в юности. А улыбалась с прищуром... Всё помню. А как смеялась заразительно, до сих пор забыть не могу... Потом залепила пощечину и крикнула: «Соловьев, ты что сделал?! Если еще раз ко мне подойдешь, я убью тебя, убью, слышишь?!» И так быстро стала убежать, только светлая кофточка в ночи мелькала. Я тоже побежал, но ты неслась словно ветер. В общем, сел я на лавочке у

твоего дома и стал ругать себя. Я подумал, что после этого случая ты на меня даже глядеть не будешь, и не ошибся. Из армии сколько тебе писем написал, ни на одно ответа не получил. А как только вернулся из армии, сразу пришел к тебе, помнишь?

– Помню, Лёня.

– Да что ты помнишь! – заорал он. – Я бежал, чтоб скорее увидеть тебя, а что ты?.. Поздоровалась и умчалась куда-то, а я с тетей Валею остался общаться.

– Лёня...

– Подожди, я не всё рассказал. Через пару месяцев у Шурика Иванова свадьба была, он меня пригласил и тебя. Ты сидела рядом с Наташкой Корниенко, а я напротив. Ты на меня даже не смотрела, а я от тебя не отводил глаз. Вот тогда я с горя напился. Потом глянул, а ты куда-то исчезла.

– Я, Лёня, ушла к Наташе. Жарко было на улице, мы с ней разлеглись в саду на земле и пели песни.

– Когда всё закончилось, я пошел к вам домой. Захожу во двор, там тетя Оля сидит в беседке. Я стал говорить ей, как люблю тебя, что жить без тебя не могу и прошу руки твоей, а ты на меня даже глядеть не хочешь. Она долго молчала, потом говорит, что, мол, мы молодые, еще в жизни много будет у нас и красивых девчонок, и мальчишек. Потом она уложила меня на кровать под яблоней.

– Вот как, Лёничка, бывает! А мне чуть было не попало за тебя. Утром к Наташкиному дому подъехал на мотоцикле мой брат Володя и кричит: «Лена, быстрее садись, а то мамка идет сюда с большим прутом. Там пьяный Соловьев пожаловался на тебя». Я быстро села, и мы поехали. Гляжу – мама навстречу идет и длинный прут в ее руке. Потом она рассказала, как ты просил моей руки, плакал, говорил, что больше в жизни такой не встретишь... А я смеялась и еще больше не хотела тебя видеть. А ты, Лёничка, после этого сразу уехал на Байкал...

– А почему, ты знаешь?

– Нет... – почему-то именно это сказала она, хотя о причине догадывались все.

– Тебя хотел забыть. Но фигу! Три года ты мне снилась каждый день. На Байкале я работал на заводе. Стал комсомольским секретарем, вступил в партию. Потом поступил в высшую партийную школу, стал парторгом. Ты все время была в моем сердце... Честно сказать, жалею, что уехал, надо было все же остаться и добиваться тебя. Дурак был, – снова было слышно, как он выпил. – А когда узнал, что ты замуж вышла, чуть с ума не сошел... Ходить долго не стал, встретил свою, тоже Ленку, и женился. Но все равно скучал по тебе и сильно тянуло домой. Вот так, дорогая моя девочка, – его язык начал немного заплетаться, – ты в моем сердце всегда жила, да и сейчас там сидишь как заноза. Через восемь лет вернулся, назначили парторгом в колхоз. А за твоей жизнью продолжал следить. Всё узнавал до мелочей. Ты тоже уехала... Слышал, что муж у тебя хороший был, любил тебя. А когда умер твой брат Владимир, на похоронах я впервые за много лет увидел тебя. Ты стояла у гроба, а я подошел сзади и положил руки тебе на плечи. Ты повернулась, и я увидел родные, полные слез, боли и страдания глаза. Ты тихо сказала: «Ну почему?», положила мне голову на грудь и зарыдала. Как тогда хотелось прижать тебя, облегчить твою боль... Слышишь, Леночка, я как заглянул в твои глаза, сердце чуть не остановилось. И сейчас оно всегда мне напоминает о тебе. А когда вернулся домой, после похорон, Ленке сказал, чтобы стакан водки налила. Наливает она и говорит: «Ее видел?» Оказывается, откуда-то все знала и молчала. Я когда выпил, всё ей и рассказал. Ревнует теперь меня, всю жизнь ревнует.

– Лёня, а я при чем? Разве давала повод для ревности?

– Нет, конечно. Она у меня выпивает, вот в таком состоянии все и начинается... Всё, Леночка, у меня не так, как мне хотелось. И дети не такие... Одна дочь разгульный образ жизни ведет, вторая третий раз разводится... Не о такой семье я мечтал. Мне кажется, что не своей жизнью прожил, а чужой, – Леонид тяжело вздохнул. – Стихи пишу, тебе многие посвятил, запиши, если желаешь!

– Конечно, Лёничка, запишу, но не сегодня. Очень поздно уже, мне завтра на работу. Лучше почитай, хорошо?

Он стал читать, слышно было плохо, видно, телефон лежал где-то в стороне.

– Спасибо, Лёня! Хорошие стихи, – похвалила она.

– Эх, девочка моя, ну почему ты не дала возможности ухаживать за тобой, я бы все сделал, и ты полюбила бы меня. Знаешь, как среди пацанов тебя звали – недотрога. Многие мечтали дружить с тобой.

– Да ну тебя, Леонид, придумал тоже... Что, девчонок мало было?

– Были, но не такие... Когда я услышал, что муж твой умер, подумал: как ты будешь жить дальше? Хотелось быть рядом с тобой. Помнишь, я звонил тебе? Снова предложил руку и сердце, а ты, как всегда, все в шутку превратила. А вот когда от Маши, твоей двоюродной сестры, узнал, что ты с инфарктом в больнице лежишь, пришел в церковь, встал на колени перед иконой Божьей матери и просил о твоём здравии. Там слезы лились по щекам, а потом поехал в лес и рыдал во весь голос. Помнишь, я звонил тебе в больницу?

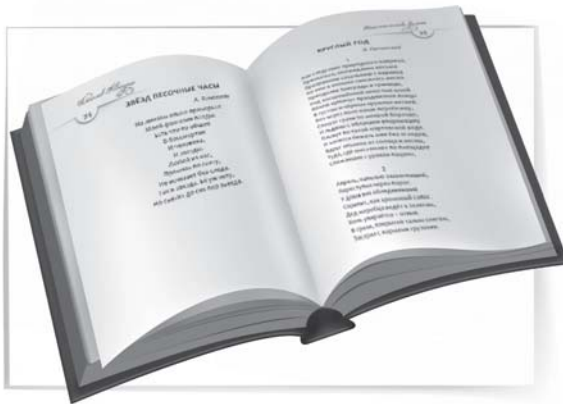
– Я все помню, Лёничка!

– Как ты мне ответила, когда я попросил приехать и помочь? «Спасибо, я сама справлюсь», – и отключила телефон. Мы живем в двухстах километрах друг от друга, а я тебя не видел двадцать один год. Последний раз на похоронах твоего брата.

– Лёничка, – тихо сказала она, – прости меня за все и благодарю за все тебя!

– За что просишь прощения, любимая моя? Ты передо мной ни в чем не виновата. И ты тоже прости меня, что не смог достойно побороться за твою любовь, слабый я оказался... Лена, ты сильная, а душа у тебя светлая! Живи долго. Я любил, люблю и буду любить тебя до конца своей жизни. И никто другой не займет твое место в моем сердце. Леночка, просьба у меня к тебе большая, пообещай, что выполнишь.

– Обещаю, Лёня.



– Когда я умру и ты узнаешь об этом, проводи меня в последний путь. И если снова нам придется встретиться в новой жизни, прошу тебя, выбери в ней меня. Разреши, я тебя поцелую, – в телефоне было слышно, как мужчина плачет.

– Разрешаю, Лёничка... – и она отключила телефон.

Слезы ручьем текли по ее щекам. Уснуть она уже не смогла. Елена лежала и вспоминала свою молодость...

Забрезжил рассвет. Начался новый день.

Утром за столом на кухне Елена пила кофе. Она наугад раскрыла томик Качурина и прочла:

*На личном опыте проверьте  
Моей фантазии плоды:  
Есть что-то общее  
В бессмертии  
И человека,  
И звезды.  
Любой из нас,  
Промчав по свету,  
Не исчезает без следа.  
Так и звезда. Ее уж нету,  
Но светит до сих пор звезда.*

Глаза вновь затуманили слезы. Она позвонила на работу, сказала, что плохо себя чувствует, разделась, легла и уснула. И вновь кадры прошлого кино завертелись в ее голове.

14.08.2020, Степовое



## ПЯТИМИНУТКА

На пятиминутку с большим опозданием влетел главный врач, красный и взъерошенный. Все с интересом притихли.

Дежурный врач, психиатр, с папкой под мышкой, изображая вселенскую усталость, поднялся и направился к трибуне.

– Да сядьте уже, не до вас сейчас! – гаркнул главный. – Скажите только, никого не загубили за ночь? В астрал никто не ушел?..

– Нет, – зло буркнул психиатр и с грохотом сел.

Вечно веселый хирург заливисто засмеялся.

– Вот вам, Александр Вениаминович, весело, а мне не очень. Я только что из администрации, где меня пороли, как когда-то Сидоров старший порол Сидорова младшего.

Все натянуто улыбнулись, еще не представляя, о чем дальше пойдет речь.

– А где у нас начальник транспортного цеха? – главный врач оглядел присутствующих. – Николай Семенович, я к вам обращаюсь, не сочтите за труд, приподнимитесь, пусть все на вас полюбуются.

Поднялся молодой человек лет двадцати пяти.

– Инженер по охране труда, доложите мне, когда я вам поручал пошить спецодежду для медицинских сестер и младшего медицинского персонала?

– Пятого числа текущего месяца.

Мерки сняты, всё пошито и роздано. Какие ко мне претензии? Все документы отдал делопроизводителю.

– Коль вы у нас такой белый и местами пушистый, садитесь. Есть тогда у меня вопросы к начмеду и начальникам отделений. Вы



разве не ведаете, в чем ходят сестры, какую форму он им пошил? Эти халатики, подчеркиваю, не халаты, а халатики, от колен на полметра! У одной Клавдии Матвеевны все в порядке, как положено – до колен.

Хирург опять звонко рассмеялся.

– Петр Зиновьевич, вы у нас психиатр, неужели не видите своего потенциального пациента? Продолжаю. Я зашел в терапию, хирургию и чуть не ошалел... Конкурс красоты! Лечения нет, одно мелькание ягодич! У тех, кто имеет обширные ягодичы, подол на заднице собирается, ажник трусы видно! Хорошо, если они свежие...

– Сергей Васильевич, можно без омерзительных подробностей? – Алла Викторовна, педиатр, а по совместительству еще и старая дева, брезгливо передернулась.

– Да-да, Алла Викторовна, непременно трусы! А некоторые свои варикозные вены или капиллярную сетку на бедрах демонстрируют. Доктора, вас это возбуждает или настраивает подниматься на работу?..

– Мода такая в стране, – тихо произнес начальник по охране труда.

– Мода?! – заорал главный врач, хлопнув ладонью о стол. – Мне наплевать, в чем и как ходят на улице, хоть голыми! А здесь... Здесь через неделю у всех юбки до колен должны быть!.. Пришивайте, наращивайте, приклеивайте... Не волнует... Я еще обратил внимание, но как-то не придавал этому значения, что, кроме гинекологии и детского отделения, среди больных нигде не лечатся женщины. Оказывается, везде потенцию повышаем! Всё!!! В чьем отделении через семь дней увижу подобный стриптиз, лишу премии! А вас, – показал пальцем на инженера по охране труда, – уволю! Если ко мне вопросов нет, по рабочим местам!



## ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ ЖИЗНИ

### 1

Поздняя осень жизни всегда очень трогательно и трепетно воспринимает приближающуюся в природе весну, пробуждаясь с ней от долгого сна. Обостряются чувства, ощущается приток сил, просыпается дремлющее стремление жить и творить. Пусть блекло, но и душа тоже раскрывается, расцветает, а сердце принимается стучать по-новому. Делается радостно и одновременно грустно.

Каждый день, за исключением трескучих морозов и проливных дождей, Лилия до поздней ночи неспешно гуляла по улицам своего небольшого городка, заставляя кровь стремительнее бежать по сосудам, размеренно дышала воздухом, насыщая организм кислородом, а теперь вот и ароматом набухающих на деревьях почек.

Она шла и думала, думала, думала... Думала обо всем и ни о чем, наблюдая, как сгущаются на улице сумерки, как вспыхивает в окнах свет, как одиноко и пустынно становится вокруг.

Однажды знакомый ей писатель сказал, что мыслить – значит говорить с собой. И по этому поводу она с ним согласилась.

Лилия остановилась, перекрестилась, прочитала молитву, слава Бога за все его деяния. Звезды огромными, умными, чистыми и ясными глазами с утроенной силой смотрели на нее с небес.

«Весна! – подумала она. – Какое это все-таки чудесное время года! Спасибо, Господи, и за это тебе! – поклонилась она. – Шестьдесят пятая моя весна...»

Нет, она не была дряхлой старухой, шаркающей тапочками, в ней кипела неутомимая, бурлящая энергия, которую всю тратила на работе и приусадебном участке.

Неожиданно подул ветерок, сразу стало прохладно.

«Домой пора. Чаю попить да спать. А что остается делать, сын на работе занят своими делами, придет поздно, а кошка, поди, гуляет».

## 2

В доме стояла звенящая тишина.

Раздевшись, Лиля поставила на плиту чайник и села на диван. Телевизор смотреть не хотелось.

– Что там в «Одноклассниках» пишут? – открыла она планшет.

Сама она не любила что-либо там писать, полагая, что ее мысли – это ее жизнь, и не хотела, чтобы в ней ковырялся кто-то другой, а вот смотреть, как это делают другие, было весьма интересно. Ведь человек не просто помещает туда для всеобщего обозрения фотографии или выкладывает, пусть даже и чужие, мысли – он выкладывает свое видение, свое понимание этой жизни. А заглянуть во внутренний мир другого человека весьма и весьма любопытно.

Она с интересом, не торопясь и вдумчиво двигалась по экрану. Вдруг ее взгляд заинтересованно остановился на надписи под клипом: «Композитор Аркадий Макушин и поэт Алексей Филатов выносят на суд пользователей социальной сети «Одноклассники» свою новую песню «Венец любви».

В груди что-то неожиданно колыхнулось, сердце застучало глуше и чаще.

Алексей... Как ей дорого это имя, имя ее первой, настоящей, далекой-далекой любви, любви ушедшей юности, любви, у которой, как оказалось, был очень короткий век.

Сколько лет прошло, чуть ли не полвека, а в глубине души это трепетное чувство живет и не угасает.

– И фамилия такая же, как и моего Лёшеньки, – Филатов.

Влажной рукой она нажала на воспроизведение, но в это время засвистел вскипевший чайник.

Выключив газ, Лилия не стала возиться с чаем и быстро вернулась к столу.

На экране женские образы в клипе перемежались с красочными картинками природы, а глухой мужской голос пел: «Нам Бог спустил венец любви, венчая нас на небесах...»

Песня закончилась, она сидела словно заколдованная. Ее ресницы вздрагивали, комок подступил к горлу.

«Почему так случается? – воспоминания далекого прошлого всецело поглотили Лилию. Она даже не замечала катившиеся ручьем по щекам слезы. – Жили, встретились, полюбили... И вдруг расстались!.. Почему? Бог дает испытания душе? Зачем? За что? Где на эти вопросы искать ответы?»

А память, глубоко сидящая память, засверлила в мозгу, душа затрепетала и заняла от нахлынувшего. Она твердо верила, что Алексей – это ее Алексей. Ее! Ее!..

Размазав по лицу слезы, Лиля быстро написала: «Благодарю за искренность, благородство и тайну души, которая хранит венец любви!» – и отослала.

Буквально через минуту от автора пришел ответ: «Вы тронули мое сердце и всколыхнули воспоминания о венце моей любви! Спасибо».

Душа Лилии еще сильнее затрепетала.

– Кто он?

Она быстро нашла на сайте его страничку. На нее с экрана глядел седой, с большими залысынами мужчина.

– Боже! – вскрикнула она, зажав ладонью рот. – Родной овал лица, губы, взгляд... Все его!!! Это он! Мой Алешенька! – дрожа всем телом, прошептала она. – Вот мы и постарели с тобой, – теперь Лиля говорила вслух, глядя пальцем лицо мужчины на экране. – На улице встретимся и не узнаем друг друга. Как коротка и жестока жизнь!

Она резко встала, прошла по огромной кухне.

В прихожей хлопнула дверь.

– Мама, ты чего не спишь, уже первый час ночи, – донесся голос сына.

– Сегодня на работу не ходила, днем хорошо поспала, вот и не спится, – солгала она. – Ты кушать будешь?

– Нет, спасибо! Устал, пойду спать. Чего у тебя глаза красные, ты плакала? Кто-то обидел? – спросил он встревоженно, целуя ее.

– Нет, все в порядке, взгрустнулось немного.

– Прекращай грустить! Помни, что сердце больное.

– Иди, отдыхай, я сейчас тоже пойду. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи!

Поняв, что сна не будет, она снова вскипятила чайник, не спеша попила чаю и не раздеваясь легла на диван.

### 3

Тогда тоже была весна. Бурно цветущие деревья источали такой дурманящий аромат, что казалось – живешь в волшебном краю мира, счастья, любви и добра.

Через месяц прозвенит последний звонок, потом – выпускные экзамены и все разлетятся кто куда в поисках своей дороги жизни. А пока силами выпускных десятых классов в школе решили провести Вечер поэзии. Каждый класс готовил три номера об одном из поэтов, рассказывали биографию и читали два его стихотворения.

Спортивный зал был забит школьниками и родителями до отказа. Интересно всем, ведь не каждый день в поселке праздник, а еще и их дети выступают.

Лиля Куракина читала стихотворение Эдуарда Асадова «Сатана». И так проникновенно она его продекламирровала, что зал долго не отпускал ее с импровизированной сцены, ей даже пришлось читать его второй раз.

Алексей декламирровал Есенина «Любовь хулигана» и тоже сделал это великолепно.

Они да этого почти друг друга не знали. Филатов учился в 10-Б классе, а Лиля – в 10-Е.

Вечер закончился поздно, и все шумно высыпали на улицу.

Лиля и Алексей, никого и ничего не замечая, тихо шли по улице Почтовой и говорили, говорили, говорили. Говорили обо всем: о школе, о своих друзьях, о поэзии и еще о чем-то, о чем всегда говорит молодость, читали полюбившиеся стихи. Они, словно две разнополюсные частицы, притянулись друг к другу, образовав единое целое. Даже не верилось, что они до этого друг друга не знали.

Вдруг небо быстро заволкло тучами, послышались раскаты грома и пошел сильный дождь.

Спасаясь от ливня, они укрылись под фронтоном крыши Дома быта. Лиля прижалась к стене, а Леша, упершись руками в стену, защищал ее своим телом. Они смотрели друг на друга. Лиля глядела на юношу пристальным изумрудным взором, а карие, с легкой косинкой глаза Алексея излучали нежность, тепло и доброту. И когда их взгляды встретились, в сердце мгновенно вспыхнула любовь, гася слова, которые в данный момент никому не были нужны. Молодые люди стояли и молчали, слыша только удары собственного сердца, от которых можно было оглохнуть.

«Что со мной?» – стучало в ее висках.

Глаза девушки горели счастьем и радостью, грудь изнутри распирало, отчего стало трудно дышать, а тело сделалось легким и воздушным.

– Леша, – сдавленно прошептала она, – дождь закончился...

– Ты на какой улице живешь? – тоже шепотом спросил он.

– На Центральной...

– Можно я тебя провожу?

Теперь они молча шли по мокрой улице, не замечая ни прохожих, ни луж. Слова куда-то исчезли, а вместо них запела душа. И только для них теперь благоухала весна, а на умытых малахитовых листьях дрожали капельки воды, отражая лучи заходящего солнца.

– Давай еще немного погуляем, – предложил он.

– Нет, Лёшенька, не сегодня, в другой раз. Папа уехал в командировку, маме нужно помочь по хозяйству. Это мой дом, – остановилась она. – Здесь я живу с мамой и папой. А в этом доме, – показала она рукой, – проживает мама Маруся. Мы ее так зовем за доброту и сердечность. Правда, иногда она тоже бывает строгой, – и Лиля так звонко рассмеялась, что сидевшие на заборе воробьи шумно вспорхнули и улетели. – Пока! – она резко повернулась на каблуках и весело побежала к дому.

Теперь Лилия и Леша были неразлучны, вместе шли в школу и из школы, гуляли, готовились к экзаменам, а вот посчитать ночные звезды и посмотреть, как солнышко утром отрывается от земли, никак не получалось. Они сами, и особенно родители, понимали, что впереди выпускные экзамены и что дальше надо продолжать учиться.

Леша мечтал поступить в военное училище, стать офицером, Лиля грезила быть экономистом. А без твердых знаний какая может быть дальнейшая учеба?

Зато воскресные дни принадлежали только им. Днем молодые люди купались на речке, ходили в кино, бегали на танцы. Теперь весь мир принадлежал только им. И еще у них была одна общая страсть – поэзия, поэзия Сергея Александровича Есенина.

#### 4

Школа... Какое это замечательное время жизни, беззаботное, веселое... Именно здесь ты получаешь знания, с которыми потом идешь по жизни. Это потом будут училища, техникумы, институты, но они без знаний школы существовать не могут. Как жаль, что это понимаешь только взрослым. И как бы ты ни



хотел вернуться назад, пути туда нет. А ностальгия по прошлой жизни всегда гложет тебя изнутри.

– Мой класс, мой родной 10-Е класс!

Лилии вдруг вспомнились ее учителя, старые школьные друзья.

## 5

За окном послышалось, как замыкала кошка и, просясь в дом, карябала лапой по стеклу. Лилия зажгла лампочку, висевшую на стене, открыла створку окна, пустила Мурку. Стрелки на часах показывали двадцать минут третьего. Она перешла в другую комнату и легла на диван.

– Молодость, молодость, молодость... – скорбно вздохнула Лиля, продолжая раскручивать ленту памяти. – Как давно это было!..

Перед ее глазами снова возник Алексей, высокий, стройный, подтянутый, спортивного телосложения, с непослушными прямыми волосами, зачесанными на правую сторону. Он был добр, отзывчив, с мягким характером, много читал, много знал, писал в школе красивые сочинения, а потом и письма, но вместе с тем с ней был всегда застенчив и робок.

– А первый поцелуй!.. – Лилия промокнула воротником халата глаза и улыбнулась.

Через неделю после выпускных экзаменов к ней в гости из соседнего села приехала лучшая подруга, Надежда Савельева. Вечером все втроем пошли гулять, но отчего-то на улице было такое количество комаров, которые в неистовой злобе пили кровь из молодых энергичных тел, что от прогулки пришлось отказаться.

Леша проводил девушек до дома, но уходить не стал, а прощаясь, взял Лилию за руки. Надя, поняв, что лишняя, ушла в дом, оставив их одних.

Так они долго стояли, глядя друг другу в глаза. Потом он притянул девушку к себе, прижал и стал целовать. Поначалу Лиля пыталась отстраниться, но вскоре ослабла, обмякла, обняла Алексея за шею – и их поцелуй был долог и сладок.

Наконец, оттолкнув его от себя, красная, взволнованная, она вбежала в комнату. Надежда лежала на кровати, укрывшись одеялом, и хохотала.

– Надька! – вскрикнула Лиля. – Ты что, подсматривала? – и усевшись верхом на подругу, принялась колотить ее второй подушкой по голове, но потом, усталая и счастливая, упала рядом и тоже начала смеяться.

## 6

В середине лета случилось непредвиденное: отца Алексея срочно перевели на работу в Харьков.

Эта новость их просто потрясла. Слезы, клятвенные обещания вечной любви, поцелуи до отека губ и даже все остальное...

Они ежедневно писали письма, длинные-длинные.

Но вот наступила пора усиленной подготовки и поступления в высшие учебные заведения. Он поступил в Харьковское военное училище, а она в Пензенский сельскохозяйственный институт. Теперь времени на переписку было все меньше и меньше.

Любовь все еще горела в их сердцах, но... она безжизненна без общения, глаз, голоса...

И каникулы их не совпадали. Правда, она приезжала к нему зимой в Харьков, но из-за карантина по гриппу училище было закрыто. Походив вдоль забора, Лиля отправилась домой восвояси.

А летом он с родителями уехал на юг, к морю.

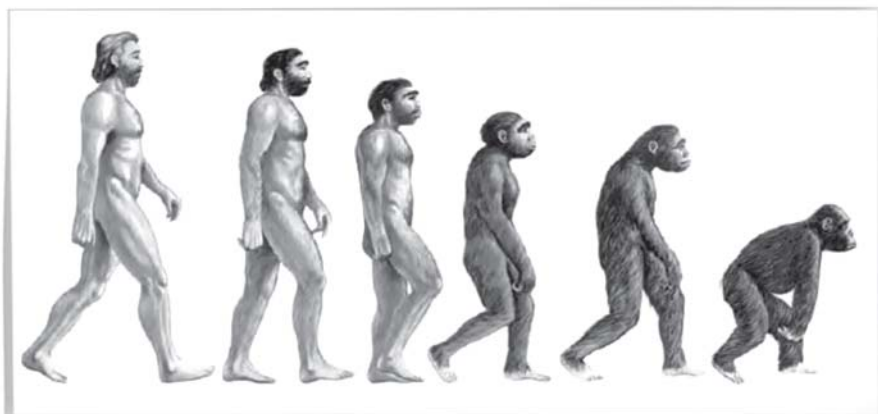
Горевшую любовь затянуло пеплом.

И все же судьба вновь свела их через три года на вокзале в Киеве, и всего лишь на двадцать минут. Она шла с мужем по перрону к поезду, чтобы поехать домой, а он, весело болтая с друзьями, шел навстречу с прибывшего поезда из Минска. Их взгляды встретились, кровь ударила в голову, запылали щеки, но... ни одного слова друг другу сказано не было.

И вот почти через четверть века такая встреча.

– Пусть такая, пусть далекая, – прошептала она, – но судьбе надо было, чтоб мы еще раз увиделись.

Она повернулась на бок, прижала к себе кошку и мгновенно уснула.



## **ДЕГРАДАЦИЯ**

### **Реальная история**

(место действия и имена изменены)

В далекие шестидесятые годы прошлого столетия у районного педиатра и лор-врача родился сын, которого нарекли в честь отца Валентином. Валечка был удивительно хороший мальчик и походил на ангела, хотя все маленькие дети похожи на ангелочков.

Бабушка, когда он родился, переехала от старшей дочери к младшей, чтобы помочь ей растить и воспитывать наследника, да и профессия детского врача не позволяла маме долго сидеть дома. Каждая ночь была бессонной, вызывали к больному ребенку, которого требовалось вернуть к жизни, а его родители стояли над головой и умоляюще смотрели на доктора, как на Бога. Так повторялось изо дня в день.

Валик рос тихим, спокойным, послушным, любознательным и очень толковым. Бабушка читала ему книжки, учила азбуке и арифметике. К семи годам Валя уже бегло читал, считал и, как губка, вбирающая в себя воду, наполнял мозг разносторонними знаниями.

Учился мальчик очень хорошо. Не зная законов и основ физики, он в третьем классе собрал собственными руками радио-

приемник. И интересовался буквально всем. Двоюродный брат, старше его на восемь лет, даже боялся с ним говорить на какие-либо темы, дабы не показать свои скудные знания.

Он мог рассказать, и сколько километров до Юпитера, и кто открыл Австралию, и где обитает питон, и чем питается кит...

Когда и где он все это познавал, оставалось загадкой, но читал Валентин очень и очень много. Буквально во всех сферах он имел широкие познания, а если на что-то не мог ответить, то назавтра был готов рассказать и по этому вопросу.

В девятом классе Валентин, заняв первое место в областной олимпиаде по биологии, поехал в Московский государственный университет на всесоюзную олимпиаду защищать свой край, где покорила столичную профессуру, заняв на ней второе место. Они были удивлены глубокими познаниями сельского мальчика и предложили после окончания школы поступать к ним в МГУ без экзаменов, пройдя только собеседование.

Но ему хотелось быть врачом, как мать, отец и двоюродный брат. Закончив школу с золотой медалью, он поступает в медицинский институт. И здесь его знания были на высоте, и здесь ему пророчили светлое будущее врача и преподавателя. К завершению учебы у него уже была готова диссертация на кафедре инфекционных болезней, где работало и преподавало не последнее лицо в нашем повествовании – дядя Юра, да и родственником-то его назвать трудно, так, седьмая вода на киселе. К нему мы вернемся несколько позже.

Когда Валя учился, родители, выбиваясь из сил, помогали чаду деньгами, продуктами, хорошо одевали и обували. Надо было, как думали они, чтобы сын ни в чем не нуждался, а думал только об учебе, напрочь забывая, что гений порой должен испытывать чувство голода. Они работали как волю, живя на зарплату, не беря взяток и не пользуясь своим высоким положением, что вызывало презрительную усмешку у коллег.

Вокруг дядюшки всегда роилось человек пять-шесть студентов, которых он сам выбирал. С ними он ходил по рюмочным и забегаловкам, прививая алкогольную зависимость, учил по-

шлости и разврату. Эту дядюшкину школу прошел и двоюродный брат Вова, учась в том же институте. Но к этой гадости у него был иммунитет или что-то другое. Алкоголиком он не стал, хотя все остальные прелести жизни были не чужды. В тот же коллектив попал и Валентин.

Когда Валечка приходил домой в гости к дяде, тот первым делом волок его на кухню, где наливал стакан коньяка и заставлял выпить.

Первые уроки были плачевными: ученика выворачивало наизнанку, он падал на диван как подкошенный и засыпал. Далее следовал урок похмелья. И Вале это понравилось. Он научился и пить, и похмеляться, вот только с женщинами у него ладилось плохо, но под бутылку и такие находились.

Все это на его учебе никак не отражалось, учился он очень хорошо и закончил институт с красным дипломом. К его окончанию собрал материал для диссертации. Его даже собирались оставить на кафедре. Но... но добрый дядюшка посоветовал, для большей убедительности, дописать количество исследований, что он и сделал, а его товарищ, с кем он работал по этой теме, Захарченко, взял и об этом доложил начальнику кафедры. И чтобы Валентина не отправили работать к черту на кулички, тот пошел служить на флот. Его направили на должность начальника медицинской службы узла связи Балтийского флота. Именно здесь при наличии халявного спирта его начинающий талант алкоголика расцвел в полную силу. Дядюшкины уроки не прошли даром, теперь они закреплялись на практике. И времена наступили разгульные – девяностые годы, начало развала страны, перестройки, безнравственности и беззакония. Наверх поднялась вся муть, закрыв собой золото. Рушились экономика, жизни и судьбы.

Теперь Валя имел тысячу себе подобных друзей. Как-то поспорив с ними на ящик водки, в тайне от родителей женился на местной шалаве, которая была на десять лет его старше и с которой не спал в этом городе только ленивый. Они даже родили ребенка.

Ангел уверенно, на глазах у всех, превратился в Дьявола. Шло разложение как снаружи, так и внутри. Он стремительно падал с непокоренной вершины в глубокую яму, теряя нравственность и интеллигентность, меняя доброту на злость, замещающая культуру неприкрытым хамством и пошлостью.

Командование написало письмо родителям, настоятельно рекомендуя забрать несостоявшегося защитника Отечества домой, уволив его из Вооруженных Сил за беспробудное пьянство.

Его же брат увлекся литературой, начал писать рассказы, издавать книги, стал членом Союза писателей, и это у него неплохо получалось. Он нашел своих читателей, проводил читательские конференции, о нем писали в газетах, говорили по телевидению, а в трех музеях были созданы о нем экспозиции. Он любил повторять: «Если бы при моей усидчивости да Валин ум – был бы академиком».

Приехав за сыном, отец и мать были просто в ужасе от увиденного. Перед их взором стоял бомж в военно-морской форме: грязный, вонючий, заросший, в протертой до дыр обуви и застарелой под ногтями на руках грязию. Ангельского мальчика и хранителя санитарии и гигиены в этом образе узнать было невозможно.

Привезли Валю домой, да так, чтоб соседи и жители поселка не видели, ведь позор-то какой: у таких родителей – и такой сын, со стыда сгореть можно.

Его отмыли, откормили, очистили капельницами кровь от шлаков и токсинов, провели симптоматическую терапию, и все это под наблюдением нарколога в домашних условиях, чтоб не дай Бог никто не узнал и не выведет этого. Сраму потом не оберешься и ничем его не отмоешь. Родители хотели, чтоб Дьявол вновь превратился в Ангела.

Но это абсурд. Как кривая ветка у дерева никогда не станет прямой, так и Дьявол не сможет превратиться в Ангела, единственное – лишь на время наденет его маску. Пущенные в душу крепкие дьявольские когти сдавили ее мертвой хваткой.

Деградация не имеет обратного процесса.

Через месяц он вышел на улицу. Родители устроили его в поликлинику рентгенологом, а вскоре главный врач отправил Валентина Валентиновича в интернатуру, в областной институт усовершенствования врачей, изучать новую специальность.

На выпускных экзаменах он показал такие глубочайшие знания, так умело и со знанием дела рассказывал патологию на рентгеновских пленках, что преподаватели от этого просто опешили и... предложили Валентину должность преподавателя рентгенологии в этом институте. Параллельно он работал и в областной больнице, где вскоре освоил компьютерную томографию. И здесь знания талантливого доктора были на высоте. Он начал работу над диссертацией, которую так и не смог написать по причине двусторонней любви к горячительным напиткам.

Теперь к одаренному доктору шли не только больные люди, но и богатые клиенты, неся бутылки и деньги. Ведь он считался одним из лучших специалистов в области. Не коллекционировать же, в конце концов, эти бутылки. И быстрее хотелось увидеть дно, которое покрывала желанная жидкость.

Он талантливо читал лекции, а восхищенные интерны стремились отблагодарить молодого и неженатого... (Валентин к этому времени был уже разведен). Особая обстановка складывалась и на выездных курсах, куда он ездил преподавать рентгенологию, где встречали и провожали с рюмкой водки, где пили каждый день, а в конце срока обучения накрывали стол в ресторане, чувствуя приезжую знаменитость.

А родители снимали чаду квартиру, оплачивали ее, и дальше обеспечивали продуктами, одевали, обували... Валик же гулял налево и направо, пуская заработную плату на увеселение развратной души. Маска Ангела была сорвана и растоптана. Появились новые «друзья» и новые «подруги». Он уже приезжал домой к родителям навеселе, а потом и пьяный, имея при себе одну, а то и две бутылки водки, которые прятал под матрасом и выпивал их ночью по глоточку. А утром, в понедельник, его, как заморского принца, на такси отправляли в областной центр.

Родители выворачивались наизнанку, но ничего поделать не могли.

Наконец он вновь женился, и вновь в тайне от родителей. И снова родился мальчик. Это на время его остановило, но ненадолго, вскоре всё возвратилось вновь. Периоды мнимого благополучия сменялись запоями. Из-за этого в семье начались скандалы. Нельзя же каждый день просыпаться в смраде перегара.

Для алкоголика всегда нужен повод, и он всегда находится: сегодня – радость, а завтра – вымышленное горе.

Отец не выдержал этой трагедии и позора и в одночасье умер от обширного инфаркта.

Теперь остерегаться было некого и... «Остапа понесло». Денег у Валечки катастрофически не хватало. Он начал вначале просить их у матери, а потом и требовать, придумывая нелепые пьяные фантазии и объяснения: то потерял телефон, то вытащили в транспорте получку, то дверь сорвалась с петель, то порвал куртку и надо купить новую... И таких «надо» было сотни, а мать верила и отдавала последнее.

А мама продолжала бороться с его недугом, считая, что с ее сыном поступают несправедливо, унижают его, обижают, препятствуют карьерному росту. Понятно, что это была материнская защитная реакция. Она, заслуженный педиатр, педиатр от Бога, Почетный гражданин поселка, продолжая стесняться односельчан, несколько раз его кодировала, лечила по методу Бутейко, за бешеные деньги покупала у шарлатанов лекарство... И опять ничего.

Выбиваясь из сил, лишая себя всех радостей жизни, тратя здоровье на каторжной и очень ответственной работе, не уходя на пенсию, мать покупает сыночку квартиру, помогает приобрести машину и долго выплачивает взятые в банке деньги, добираясь до больницы на такси, потому что ноги начали плохо ходить. Ушла она на пенсию в семьдесят девять с половиной лет.

А в жизни Дьявола ничего не меняется, он продолжает лететь вниз. Теперь домой к матери он приезжает пьяный и аг-



рессивный. Теперь в его лексиконе звучит только мат. Вся интеллигентность врача и человека выветрилась, теперь он достиг в падении дна. Он бессовестно оскорбляет и унижает мать всеми возможными и невозможными бранными словами. И люди слышат это.

Теперь он уже не был человеком, это был безумный и бессердечный зверь! Ведь у Дьявола нет чувства жалости и сострадания.

И теперь его мать, этот больной человек, всеми оставшимися силами, оставляя себе гроши на пропитание, штопая трусы, все равно стремится хоть как-то помочь родному чаду...

А как же поживает на время забытый нами дядюшка? Он уже на пенсии, но продолжает работать в институте. Он бросил пить и начал восхвалять себя, осуждая тех, кто пытался стать Человеком, напрочь стерев из своей памяти, что своими гусарскими похождениями довел жену до могилы, а многие из его «одаренных» учеников с исковерканными судьбами стали законченными алкоголиками. Об этом он не вспоминал никогда.

Его новым хобби стало переписывание старых учебников по инфекционным болезням. Он превратился в бессовестного плагиата, ставя себя соавтором нового «творения», а автором, естественно, указывал начальника кафедры. Печатал дядюшкин рукописный текст на компьютере тот, кто когда-то заложил Валентина. И он тоже был соавтором. По-другому и быть не может. Так вот этот Захарченко, заслуженный предатель России, потом стал заместителем начальника кафедры, а теперь, может быть, и начальником. Для карьерного роста он не выбирал тернистых путей.

А «святому» дядюшке теперь было не до тех, кого он спойл. У него теперь были новые, «порядочные» друзья, как и он сам. Учебники и монографии сыпались будто из рога изобилия. Его держали, не увольняли, а он изощрялся в своем «творчестве». Фантазия работала как часы.

Ему очень не нравилось, что один из его племянников стал писать книги, которые он презентовал, а на их презентацию

приходило большое количество читателей, что его книги были интересны и читаемы, что о нем говорило телевидение и писали газеты, что в трех музеях выставлены экспозиции о нем. Он начал искать ошибки в его книгах, стал обзванивать всех своих знакомых, оповещая, что бездарный родственник пишет ерунду и занимается самовосхвалением и самопропагандой. И когда племяннику рассказали о подлости «великого святоши», тот написал ему письмо:

«Здравствуйте, любезный дядюшка!

Сто лет не писал писем, и вот нá тебе, накатило.

Хочу сказать, что Вы стали под старость лет желчным, ядовитым, завистливым и очень непорядочным человеком, хотя всегда были таким, считая себя умнее и выше других. Просто по молодости мы всего этого не замечали. Это видела покойница, тетя Ася, Царствие ей небесное.

Да и как заметить, когда такой «герой» вкладывал в руку ребенку стакан с водкой и благословлял на распутство?

С годами Вы стали хуже базарной бабы. А все из-за зависти!

Что, никак не уляжется в сивой голове, что племянник не превратился в пьяницу, куда Вы его толкали, а стал большим человеком, членом Союза писателей, а Вы не поднялись с умнейшим человеком Захарченко выше плагиата, переписав все учебники и монографии по инфекционным болезням. Или еще не все?

Вы даже без него не смогли написать «Этюды...».

Теперь начинаю прозревать и понимать, как он талантлив! А Вы – бесплатное приложение к нему.

А теперь по существу.

Какое право Вы имеете осуждать меня? Кто Вы такой? «Гений» среди бековских маразматических прошмандовок? Возомнили себя вселенским критиком? Тогда Вам верная дорога к психиатру. Там и Пироговы, и Наполеоны, а Вы станете Рагозой.

Ты смотри: и плохо пишу, и байки пишу, и занимаюсь рекламой, и провожу конференции и презентации и даже хожу к главе района...

Вам-то какое дело до всего этого? Кто Вы такой? Бывший алкоголик, примкнувший к таланту Захарченко? Подлец Вы! Высшей марки!

Рекламой занимаюсь и буду заниматься. И пропагандировать себя буду. И в «толстых» журналах печататься буду! Всё буду! И еще расстрою: на доме будет висеть памятный знак!

И звание ему мое не нравится.

Запомните, а лучше запишите, чтобы в спешке не забыть, и позвоните своим подругам и другим почитателям Вашего «великого таланта», что Я – подполковник. И не расстраивайте их, что со временем сравняюсь с Вашим званием. Оно мне на хер не надо!

Желчь сахаром не станет, а горбатого лишь могила исправит.

И не кусайте сильно себя. Отравиться сможете. Не откачают».

Перечитав, он отправил его в Санкт-Петербург. Больше они никогда не общались, но грязь изо рта «праведника» продолжала литься рекой!

Жизнь Валентина никак не менялась. В пьяном состоянии он врезался в чужую машину, сломал себе шейку бедра, а мама получила тяжелое сотрясение головного мозга.

Мать в 79,5 (!) лет просто физически работать не могла и ушла на пенсию. Теперь содержать великовозрастное дитя ей стало неважготу. А он уже не просил, а требовал денег и даже крал их у нее.

От постоянных оскорблений и унижений у нее случился гипертонический криз и микроинсульт, после которых ей стало трудно ходить, ноги не держали, она падала, а подняться сама не могла, изменилась речь – стала тягучей и непонятной. Несколько раз она лежала в больницах области (надо отдать должное – ее туда устраивал непутевый сын). Но в качестве «компенсации» он нашел в доме ее деньги, которые она откладывала на «черный» день (а деньги были немалые), и бессовестно все их пропил.

Почему бессовестно? У алкоголика совести нет, он утопил ее в водке. И чести у него нет, и долга, и благородства, а об интеллигентности и говорить не приходится.

Через полгода мать умерла от повторного инсульта, впад в беспамятство. Вот так Ангел, переродившись в Дьявола с огромными острыми когтями, деградировал сам, убил своих отца и мать.

Не шибко горюя, он продал наследованный ему матерью дом, дом его тети, сестры матери и двоюродного брата, получил приличные деньги, хотя к этому дому не имел никакого отношения. Униженная мама и здесь о нем позаботилась, лишив доли племянника и двоюродного брата, который родился и вырос здесь, в пользу этой нечисти.

Теперь у него много друзей, с которыми и пропивает наследство.

Скоро продаст и пропьет родительский дом. А вот на могилки тети, бабушки и отца с матерью сходить некогда, они все заросли травой и опавшими листьями.

Из областной больницы его давно выгнали. Теперь он врач скорой помощи!

Мой рассказ – это не унижение и не оскорбление человека. Хочется, чтоб после его прочтения кто-то задумался, как пагубна водка, до чего она способна довести некогда благородного и культурного человека.

Здесь показан стремительный путь деградации, дегенерации, вырождения умного и толкового человека в мерзость и падаль. А поводырем в этом падении была и есть ВОДКА!!!

**СЛУЖБА  
НЕ МЕД,  
ДА И МЕД  
НЕ СЛУЖБА**



## ОТ ПРОСТОГО...

### 1

Начальник медицинской службы несмело постучал в каюту старшего помощника.

– Можно? – робко спросил он, приоткрыв дверь.

– Можно Машку за ляжку...

Старпом сидел за столом и что-то напряженно писал. По обе стороны от него лежало множество папок, стояла переполненная окурками пепельница, а в руке дымилась очередная сигарета. Он оторвал от бумаг покрасневшие от усталости глаза и равнодушно взглянул на лейтенанта.

Должность на корабле старпома самая сложная и ответственная. Старший помощник командира корабля является первым заместителем командира и прямым начальником всего личного состава, руководителем боевой подготовки экипажа и повседневной деятельности боевых частей и служб корабля.

И еще одна статья, 78-я, в Корабельном уставе просто шокирует: «Частое оставление корабля старшим помощником командира корабля несовместимо с должным исполнением им своих служебных обязанностей».

Вот теперь представьте, как тяжело было служить этим офицерам и как несладко приходилось их семьям.

Да разве только им было тяжело? В службе ратной веселья очень и очень мало.

Лейтенант медицинской службы Фадеев, выпускник доблестной Военно-медицинской академии, на корабле уже четыре месяца! Ново все: и образ жизни, и жизнь по командам, и взаимоотношения, и полтора миллиона новых, почти пугающих, названий и выражений. Ну матерные, тут понятно, а вот другие... Пока еще для него путалось все: потолок и подволок, палуба и пол, стенка и переборка... Он еще ходил в туалет, а не в галюн, ел в столовой, а не в кают-компании и спал в комнате, а не в каюте... А леера, комингсы, шпангоуты, иллюминаторы, погребка и вентиляторные, баночки, башни, пиллерсы и шпации... Голова от всего этого просто разрывалась.



– Что ты хотел, доктор? – старший помощник потянулся, хрустнув костями. – Ты почему такой грязный? Где умудрился испачкать тужурку мазутом? Ты уже сколько у нас служишь?

– Четыре месяца!..

– Срок! Никто не обижает?

– Никак нет.

– Нравится? – старпом снял с телефона трубку и позвонил. – Дежурный, – произнес он, – баталера вещевого ко мне! Так нравится служба?

Начмед пожал плечами.

– Так нельзя отвечать, а то попадешь в немилость. Если замполит увидит этот жест, с говном смешает. Остерегайся этих людей. Карьеру вмиг могут испортить. Перво-наперво тебе нужно знать слова, что на флоте запрещены. Садись и записывай.

Доктор сел и, покраснев, произнес:

– А я тетрадочку с собой не взял...

– Запомни, лейтенант: нет тетрадочек на флоте, есть Записная книжка офицера. Держи! – протянул он маленькую книжечку грязно-желтого цвета, похожую на блокнотик. – Пиши...

– Разрешите я за ручкой схожу...

– Наберут детей на флот... Запомни непреложное правило на всю свою долгую службу: к начальникам ты обязан приходиться с ручкой и Записной книжкой...

В каюту постучали.

– Разрешите, – вошел высокий мичман. – Мичман Пастухов! Вызывали?

– Пастухов, ты в курсе, что у нас на корабле служит новый начальник медицинской службы?

– Так точно!

– Выдай ему рабочую куртку, пилотку и тапочки.

– Ему тапочки не положены.

– Ты слышал, что я сказал?

– Так точно! Пусть после обеда ко мне подойдет.

Старпом побагровел:

– Мичман, мне кажется, вы оборзели и своим рвением к службе созрели до наказания. Пятнадцать минут – и доктор одет! Всё сюда принесешь... Какие размеры у тебя, доктор? Голова, обувь... – повернулся он к лейтенанту.

– Голова – 55, куртка – 48, а обувь – 41.

– Запомнил? И не дай Бог мне что-то не понравится, не дай Бог б/у принесешь. Не задерживаю... Время пошло!.. Держи, лейтенант, ручку, пиши жирными заглавными буквами: «Запрещенные слова и выражения». Главное запомни: все глаголы с частичкой «не» – не хочу, не умею, не знаю – произносить категорически нельзя и даже думать о них забудь! Это крамола! Понял? Дальше, пишешь через дефис... – старший помощник печально посмотрел на Фадеева и скривился: – «Мне грустно на тебя смотреть, какая боль, какая жалость!..» – продекламировал он.

– Это Есенин. Мне-е-е... это записать?

– Молодец! Ты уже становишься мне интересен. Будет с кем по душам поговорить. Если ответишь мне, когда и где родился Сергей Николаевич...

– Александрович... Извините!..

– Два раза молодец... И когда родился? Ответишь, сейчас же прикажу твою тужурку отнести в химчистку. Говори!



– 3 октября 1895 года в селе Константиново Рязанской области...

– Разрешите, – вошел мичман Пастухов. – Принес, – он положил стопку на стол старпома.

– Молодец!

– Разрешите идти?

– Ступай. И пусть пришлют ко мне моего приборщика. Стоп, а где погоны, звездочки, эмблемы? Где «краб» на пилотку? Пастухов, ты решил мне сегодня настроение испортить? Считаю, что получилось. Передай боцману: в пятницу, в 15.00, перед большим сходом на берег буду принимать зачет по знанию обязанностей старшины команды.

– Товарищ капитан-лейтенант, я все приготовил, но на столе забыл. Сейчас принесу.

– До встречи в пятницу!

– Я в пятницу все равно заступаю дежурным по низам.

– Отлично! Заодно доложишь мне и обязанности дежурного. Вперед! И кто еще родился 3 октября? – снова к лейтенанту.

– Лермонтов, это точно. Между прочим, мой земляк!..

– И еще Алексей Кольцов. Видишь, для поэзии 3 октября – знаменательный день. Между прочим, Кольцов прожил 33 года, Лермонтов – 27, а Есенин – 30 лет. В сумме составляет 90 лет! Это всего на три года больше, чем Лев Николаевич Толстой. Вот как быстро сгорает поэтическая душа. А сейчас иди, мне Журнал боевой подготовки надо до обеда заполнить. Завтра жду в одиннадцать. И тужурку оставь... Ее почистят.

## 2

В 11.00 следующего дня начальник медслужбы постучал в каюту старшего помощника.

– Прошу разрешения! Начальник медицинской службы лейтенант Фадеев!

– Заходи, лейтенант. Откуда набрался таких слов?

– Старший лейтенант Гриднев научил.

– Молодец, Гриднев. Чему же еще он тебя научил?

– О словах с частицей «не» вы говорили, а он рассказал о запрещенных предложениях, точнее, как нельзя отвечать.

– Ну-ну...

– Я не слышал команды... Я искал, но вас не нашел... Хотел сделать как лучше, но у меня не получилось... У меня трансляция не работала...

Старпом посмотрел на часы и закурил. Было видно, что он занят.

– Ладно, у тебя есть не больше пяти минут, порazi меня еще чем-нибудь...

– Как надо жить...

– Любопытно, и как?

– Если хочешь жить в уюте – спи всегда в чужой каюте... Моряки – как малые дети, только ума поменьше и органы побольше... Моряк без триппера, что баржа без шкипера... Моряки не мерзнут, они синеют...

Старший помощник захохотал:

– Смотри, сколь много знают мои офицеры, я про триппер и не слышал. Что там у тебя еще? Быстро выкладывай и сгинь с моих глаз.

– Всякая инициатива на флоте наказуема... Товарищ капитан-лейтенант, я все наставления не запомнил, можно буду подсматривать?

– Валяй! – и он вновь рассмеялся.

– Есть! Моряк на суше не дешевка, а фраер первые три дня... В море сон милее женской ласки... Если чайка летит жопой вперед, значит, ветер очень сильный...

– Всё, доктор, иди, служи. Повеселил ты меня, – старпом опять закатился заразительным смехом. – Будет грустно – позову опять. К спирту не привыкай, плохо это. Ты хоть знаешь, как он на флоте обзывается?

– Так точно! Шило!

– Вот этому самому шилу научись говорить: «Нет!» Иди.

Через две недели старпома назначили командиром корабля на другой корабль. Теперь они виделись очень редко, и то лишь на берегу.

А доктор рос, мужал, матерел, по его плечам рассыпались звездочки. И он многое уже мог себе позволить, но свято помнил три заповеди: «Не трогай то, что капает, а то потечет», «Держись подальше от мостика, поближе к камбузу» и «Всякая инициатива была, есть и будет наказуема». А на поговорку «Курица не птица – доктор не моряк» отвечал так: «Не все, кто ученые, учились, не все, кто в море, – моряки».

## ЖЕРТВА ЛЮБВИ

### 1

Когда на флот приходит молодежь, нет-нет да и появляются чрезмерно сентиментальные и легко ранимые матросы. Чаще всего они нарождаются через три-шесть месяцев ратной службы, когда одного просто раздирает от нежности к любимой, а вторая давно остыла, нашла другого и прислала письмо, что их взаимная любовь прошла, была ошибкой и она выходит замуж за нового любимого и что обещания верно ждать его все три года были ошибкой.

И текут потоком слезы, ручьем сопли, желчная горечь сводит рот, вселенская скорбь и непомерная жалость к себе любимому туманит разум. Мир меркнет, а в черепе начинают роиться мысли о нецелесообразности такой жизни, и она, эта жизнь, без возлюбленной теперь не имеет для него никакого смысла.

В таком состоянии он и ищет способы уйти из этого бытия в мир иной. А таких способов...

Весной в электромеханическую боевую часть корабля пришел матрос Константинов, будущая жертва несчастной любви.

Надо отметить, что именно весной, на фоне гормонального всплеска, такие казусы случаются очень часто.

Было воскресенье, и ничего не предвещало каких-либо неожиданностей.

Начмед корабля готовился сойти после обеда на берег, планировались грандиозные планы... но неожиданно-негаданно за



руки и за ноги в амбулаторию приволокли матроса Константинова без сознания. Записка, найденная в рабочем платье, гласила: «Лена, я не могу теперь без тебя жить и уйду. Будь счастлива! Твой Гена».

Вставив трубку в пищевод, доктор быстро приступил к промыванию желудка.

Когда у матроса стало проясняться сознание, в амбулаторию начальственно вошел врачеватель людских душ – замполит. На его сосредоточенном лице проступал красными пятнами страх, между бровей гармошкой собрались складки.

– Что тут происходит, доктор?

– Константинова из комы вывожу, – зло прорычал доктор.

– Что с ним?

– Таблеток нажрался. Несчастливая любовь. Вот записка, – начмед протянул ему листок.

– Где он таблетки взял?

– По крайней мере, не я их ему дал...

– Не знаю, не знаю... Почему я об этом только узнаю? Почему не доложили?

– Если я буду бегать и всем докладывать, он откинется. Можно я продолжу?

– Придет в себя, ко мне его... – приказал идеолог, явно предчувствуя, что за ослабление роли партии на корабле начальство его явно не погладит по головке, а может, и выговор объявит, а это о карьерном росте можно забыть.

О моряке в настоящее время он думал меньше всего.

– «Скорая» из госпиталя сейчас приедет и заберет его.

– Вы слишком много стали позволять себе своевольничать... Не рано ли? В госпиталь с ним поедете, потом мне всё подробно доложите, – он вышел из амбулатории, сильно хлопнув дверью, показав этим, что на этой планете он далеко не последний человек.

## 2

Дежурным врачом по госпиталю был моложавый офтальмолог, рассказывающий медицинской сестре что-то веселое, готовя, по всей видимости, почву на вечер, и поступление больного не ввергло его в дикий восторг.

– Садись, – весело сказал он начмеду, – оформляй на него историю болезни, если на корабле еще не разучился ручку держать. А вы, Милочка, поставьте больному капельницу с глюкозой...

Когда все документы были готовы, больного положили на кушетку и зафиксировали ремешками к ней его руки и ноги. На всякий случай...

– Где психиатрия, знаешь? – спросил начмеда дежурный врач.

Доктор кивнул головой.

– Тогда вези, я позвоню, чтоб дверь открыли. И капельницу держи аккуратно...

И повез доктор его в отделение. А матрос орет, что без любимой жизнь ему не нужна и что он все равно с собой что-то совершит... Хорошо, что выходной и на территории госпиталя почти никого нет.

– Значит, не хочешь жить? – сердито спросил начмед.

– Нет, не хочу! – проорал матрос.

– Хорошо, нет так нет... – доктор со злостью выдернул из его руки капельницу. – Поехали!

– Куда?

– В морг!

– Зачем? – матрос ошеломленно умолк.

– Будешь донором органов... Все равно сдохнешь, так хоть пользу принесешь.

Тот затих. А коляска медленно подкатила к лифту. Везти в отделение можно было двумя путями – через верх или подвал.

– Куда едем? – спрашивает лифтерша. – Вверх, вниз?..

– В морг! – категорично заявляет доктор.

Она в этой жизни видела все и равнодушно нажала на кнопку. Лифт поскрипывая медленно двинулся вниз.

Самоубивец бледнеет и начинает что-то бормотать о врачах-убийцах, видно, просмотренные киноленты всплыли у него перед глазами.

Когда в подвале доктор выкатил каталку из лифта, больной исступленно заорал:

– Помогите, спасите, убивают!..

Проходящие мимо медработники, видя зафиксированного больного, дружески похлопывали его по плечу и одобрительно говорили:

– Не бойся, это не больно... Раз – и готово!

Понимая, что теперь все против него, что это явный заговор врачей, он затих, покорившись судьбе, и только изредка конвульсивно дергался.

Психиатрическое отделение приняло тихого, робкого, но безумно любящего жизнь пациента.

Больше кончать счеты с этой жизнью он никогда не пытался и даже не думал об этом.

## **ЖАРКО!..**

Жара методично расплавляла мозги, подавляя и без того удрученную волю. Корабль накрыло маревом апатии, инерции и пофигизма. Не хотелось ничего – ни жить, ни служить, ни чего-то более романтического...

Две недели корабль стоял в базе, ремонтировали машину.

Командир был в отпуске, и его замещал старший помощник.

Обед в кают-компании проходил скучно и уныло, было даже лень говорить.

Замполит, превознося себя над всеми остальными и считая свою особу белой костью в этом черном неотесанном коллективе, быстро поел и, ни на кого не глядя, вышел, буркнув в дверях: «Приятного аппетита», чтоб немедленно залечь в каюте и в полудреме помечтать о том, чтоб всем было как всегда, а ему лучше всех.



Старпому тоже было глубоко насрать на замполита, они между собой никогда не общались и соблюдали дистанцию вытянутой руки.

Откинувшись в кресле, старпом закурил вонючую «Приму» и, затаившись, спросил:

– Пушкин, вы с завтрашнего дня в отпуске?

– Так точно! – ответил Саня, не поднимая глаза, с аппетитом поглощая жареную картошку с котлетой.

– Кто за вас остается? – старпому тоже было лень говорить, но он мужественно поборол это в себе.

– Мичман Кривогубец.

– С вечерним докладом оба ко мне с рапортами о передаче дел и состоянии материальной части.

– Есть!

Пушкин – личность довольно интересная. Он постоянно рыщет по жизни в поисках способа самоутверждения, но из-за абсолютной нехватки времени это у него никак не получается. Он добр и радушен, а это командиров всех степеней очень удручает и даже бесит. Если гнев и посещает его, то буквально на полторы секунды. Он, как несостоявшийся мыслитель, любит соединять в одной фразе и мат, и философские термины. В нем по весне всегда пытается гнездиться внутренняя красота и

обаяние, потому как наружной совсем маловато. Нет-нет, Пушкин внешне выглядел далеко не безобразным, но и не походил на звериное лицо империализма, как того требовали приказы и наставления. Он больше любил жизнь в себе, чем себя в жизни. Был прост, как правда, и предсказуем, но эгоизмом не страдал, ибо любил себя меньше, чем морское безмолвие, а на берегу реализоваться у него никак не получалось.

Чего-то великого, поэтического в нем никогда не наблюдалось, разве что в мечтах, зато присутствовали элементы мужественности и непоколебимости. Он любил поесть, поесть много и вкусно. А вот курил и выпивал очень красиво. В этот момент на него было приятно смотреть.

Выглядел Александр всегда безупречно. Был строен, чист, подтянут и безукоризнен. Форма морского офицера сидела на его слаженной высокой фигуре просто потрясающе.

Сейчас Саша просто мечтал быстро наполнить желудок и отойти в сказочное царство Морфея. А потом... через три-четыре часа его стройная фигура, с сигаретой во рту, пересечет КПП, он пойдет в Дом офицеров, выпьет сто граммов дорогого коньяка и поедет домой к красавице жене, Светлане... И на сорок пять суток забудет о всей этой сложной и непонятной флотской организации.

– Товарищ капитан-лейтенант, хочу изречь свое суждение, которое, при оформлении должных документов, может перерасти в рационализаторское предложение, – мягко проговорил осоловелый от жары доктор.

– И чем таким благоуханным, товарищ начальник медицинской службы, вы можете испортить нам воздух?

– Я на досуге...

– На чем?

– В нерабочее время, разумеется, произвел расчет – и редкие волосы встали на моей голове дыбом! – доктор достал из нагрудного кармана сложенный вчетверо лист бумаги.

– Больше ничего у вас не встало?



– В этот судьбоносный момент даже не обратил на это никакого внимания...

– Ну-ну, я внимательно вас слушаю, точнее, мы все внимательно вас слушаем.

Пушкин поднялся и направился к выходу.

– Сядьте, Пушкин, и послушайте, о чем говорят умные офицеры.

– Что он может сказать? Опять какой-нибудь вздор.

– Я говорю: сядь, Пушкин! Вам слово, доктор.

– Вот что у меня получилось! В большинстве своем офицеры служат 25–26 лет. Так? Так! И если посчитать, сколько за эти 25 лет они проводят дней в отпуске, можно с ума сойти. За основу берем цифру 30. Так вот, за 25 лет он находится вне расположения части 750 дней, или два года, а если 45 суток, как сейчас у Пушкина, то 1125 дней, то есть 3 года! Представляете? Я это не просто так говорю, а в целях сохранения и повышения боевой готовности корабля и флота в целом. Потом другой вопрос меня...

– Эко тебя, доктор, перекосило!.. Вы сколько перед обедом выпили? Сколько и с кем?

– Докторин, я тебя возненавижу, а потом прокляну!.. – Александр от такого поворота событий поперхнулся компотом и зашелся надрывным кашлем.

– Вот видите, Александр Борисович, вы так затаенно меня слушали, что и не заметили, как дармовой компот полился не в ту глотку. Будьте внимательны и осторожны, – доктор изображал из себя пай-мальчика. – Позвольте мне все-таки закончить свое умозаключение. Из вышеизложенного у меня два вопроса. Первый: почему не я, а Пушкин идет в июле в отпуск? И второй... Его за нерадивое отношение ко мне, да и к службе в целом, надо отпускать раз в три года, минимум на неделю, максимум – дней на десять. Считаю, что и этого много, – засмеялся начмед.

– Я с доктором абсолютно согласен, – лицо Винокурова, командира машинно-котельной группы, никогда ничего не выражало и только глаза сверкали радостью. – А отпуск этого

недобросовестного офицера поделить на троих, вам, товарищ капитан-лейтенант, и нам с доктором как отличникам боевой и политической подготовки, передовикам всех видов соревнований. А чтоб сильно не расстраивался, наградить Пушкина красными революционными шароварами. Ему и их много!

– Вот видите, – доктор хитро посмотрел на старпома, – как живо офицеры, лучшие, заметьте, офицеры, реагируют на внесенное мной предложение!

– Мы, наверное, этот эксперимент начнем с вас, начальник медицинской службы, и Винокурова. Посмотрим, чем закончится этот эксперимент. Если...

– В этом году никак не получится. Я уже отпуск отгулял.

– Жалко. А вы, Винокуров?..

– Я тоже...

– Плохо... Придется сегодня вам вместе со мной посидеть на корабле.

– Возражений нет. Я как раз сегодня обеспечиваю и на берег не иду.

– И я тоже, – усмехнулся Винокуров.

– А вы, Пушкин?

– У меня сходная смена, я...

– А вот и нет! Вечером представите мне свою аварийно-спасательную группу с имуществом.

– Почему?

– По кочану! Считайте, что я самодур, – старпом поднялся.

– Докторинчик, я с тобой и разговаривать больше не буду, – Пушкин зло встал с кресла.

– А с Винокуровым?

– И с ним тоже.

– Хорошо, тогда мы с Юрой сегодня вечером, после отбоя, разумеется, сядем у него в каюте, а переборка у вас с ним общая, и ты будешь слышать наш веселый разговор. Мы будем пить медицинское шило, разведенное глюкозой, закусывать тушеночкой и играть в нарды. Ты от безысходности захлебнешься слюной, но я тебя спасти не буду.

- Ты гондон, доктор.
- Вынужден согласиться с таким резким и категоричным мнением. И это даже не черта характера, а образ жизни.
- Я заложу тебя старпому.
- Тогда ты точно потеряешь во мне лучшего друга.

\* \* \*

Вечером в каюту к Винокурову постучали.

– А вот и явление Христа народу! – он открыл каюту, в коридоре стоял улыбающийся Пушкин. – Пушкин, каюта старшего помощника напротив. Пошел вон!

На такие мелочи Саня внимания не обращал. Он отодвинул Винокурова, прошел к умывальнику, налил в стакан спирта, выпил, оттопырив мизинец, выдохнул и с наслаждением закурил.

Было невероятно жарко. Ночь не несла с собой никакой прохлады.

## МЕЛАНХОЛИЯ

Солнце лихорадочно сжигало землю и испаряло море.

Корабль охватила всеобщая дрема. Все передвигались, словно сонные мухи в безвоздушном пространстве. Ничто не могло встряхнуть экипаж. Офицеры и мичманы даже перестали сходиться домой.

Командир тоже не шибко этому сопротивлялся, хотя и пытался обнажать нервы.

Обед в кают-компании проходил в гробовой тишине, лишь сонный стук ложек и вилок по тарелкам говорил о присутствующих здесь офицерах.

– Старпом, что происходит в этой жизни? Надо что-то предпринять для поднятия настроения и тонуса...

– А что предпринять, товарищ командир, если даже никто не пьет. Так, доктор, или нет?



– У нас, товарищ капитан-лейтенант, никогда никто не пьет, разве что дезинфицирует душевные раны... Правда, их бывает ой как много!..

– Доктор, вы давно проводили телесный осмотр личного состава на предмет телесных повреждений? – командир пытается расшевелить офицеров.

– Позавчера. В бане.

– И...

– Всё нормально!

– А у вас как дела?

– Без существенных изменений. Разве что стабильности нет.

– В чём?

– Три месяца назад жена бросила есть мучное... С этого всё и началось... – голос доктора естественно дрожал.

– Что началось? Поподробнее.

– Уже месяц, как не пьет кофе. Две недели назад бросила курить...

– Разве она у вас курит? В чем трагедия, не пойму.

– Похоже, я следующий!..

– Что следующий?..

– Я...

Кают-компания равнодушно слушает диалог.

– Хайкин, – обращается командир к начальнику радиотехнической службы, – поясните, о чем он говорит. Вы его сосед по каюте и должны знать...

– Умничает.

– Не понял. Почему вы мне прямо не можете сказать?

– Это он анекдот рассказывает.

– Какой анекдот?

– Он думает, что смешной.

– Ничего не понял! Зайдете сейчас ко мне в каюту и всё подробно доложите, – он встает и, желая приятного аппетита, выходит.

– Из-за твоих анекдотов, доктор, я лишник пятнадцать минут теперь не посплю, – возмущенно произносит Хайкин и тоже выходит.

Офицеры равнодушно бредут в каюты.

А солнце нещадно продолжает палить землю.

Делать ничего не хочется, да и наступил адмиральский час, когда все отдыхают после праведного труда.

## МИСТИЧЕСКАЯ ДАТА

– Доктор, что-то вы несколько дней на себя не похожи, – у замполита было хорошее настроение, и он решил пообщаться с народом.

– Как с похмелья? – парировал начальник медицинской службы, настроение которого действительно было не блестящим.

– Я бы сказал – ниже ватерлинии. Вам это слово понятно? – решил он блеснуть знаниями морской терминологии.

– Почти...

– Так скажите нам тогда, что такое ватерлиния, а то, может быть, кто-то из наших боевых офицеров и позабыл?



– Ватерлиния – это линия на борту корабля, которая разделяет соприкосновение спокойной поверхности воды с его корпусом.

– Ничего себе, – удивленно простонал командир артиллерийской боевой части, умудренный годами службы на корабле.

– Пушкин, слышали?.. Сомневаюсь, что вы бы ответили...

– Это каждый дурак знает, – буркнул жующий командир группы управления артиллерийским огнем.

– Дурак-то, может, и знает... Так что случилось, доктор? Ты похож на прошлогоднего помощника, который неожиданно, как он выразился, заболел гонореей.

– Не гонореей, а трихомонадным уретритом. У меня еще хуже...

– Что произошло?

– 22 июня приезжает теща. Поезд на станцию прибывает в четыре часа утра.

– И что? – не понял замполит.

– Вам-то, собственно говоря, и ничего. А вот мне... 22 июня, день начала войны с фашистской Германией... Четыре утра...

Мистическая дата... А у нас с ней психологическая несовместимость.

– Тогда могу тебя обрадовать, а может, и огорчить, сам решай. 20 июня наш корабль заступает дежурным кораблем по флоту. Схода на берег в течение месяца никому не будет.

– Да, если не везет, то не везет по-черному.

## МЕТОД РЕЛАКСАЦИИ

Корабль пятый месяц бороздил просторы Средиземного моря то в поисках американской подводной лодки, то в слежении за кораблями вероятного противника, то куда-то спешил, то кого-то искал, то чего-то ремонтировал, а то...

И этих исполняемых задач – воз и малюсенькая тележка.

Устают все – и офицеры, и матросы... Особенно сильное нарушение психоэмоционального состояния наступает через три месяца от начала боевой службы: все становятся нервными, раздражительными и, не побоюсь этого слова, взрывоопасными. Потому в этот период всегда планируется заход корабля в



иностранный порт, чтоб по земле походить, пива украдкой выпить, да и женщин взором пощупать и от удовольствия слюной изойти...

Корабль встал на якорь в Ионическом море – что-то, к великой всех радости, случилось с подшипником во второй машине. Даже техника не выдерживала такой невероятной нагрузки, не только двужильные люди.

Ужин проходил апатично. Если кто-то и перебрасывался фразами, то делал это бездеятельно, инертно и безынтересно.

Старший помощник, чтобы как-то разукрасить уныние, спросил у начальника медицинской службы. А, собственно говоря, к кому он еще мог обратиться: к замполиту – мол, как проходит соревнование, механику – сколько питьевой воды на борту, или артиллеристу – какая температура в артиллерийских погребах?.. Эти вопросы и так решаются в процессе повседневной службы.

Доктор всегда доступен. С ним можно пошутить, например, над клистирной трубкой, спросить, когда последний раз на корабле проводился телесный осмотр, или констатировать факт, что тараканы по кораблю уже пешком ходят... Ему можно задавать различные вопросы, включая и такие: болит ли голова у дятла, болел ли Маяковский сифилисом, почему листья дуба падают с ясеня и где находится нофелет?.. И его любые ответы всегда будут уместными. По большому счету, ответить можно и неправильно, твой отзвук никого не интересует, потому что каждый своим вопросом демонстрирует собственный интеллект, показывая этим свою значимость в этом мятежном мире.

– Доктор, вы у нас в академии учились, и вам должны преподавать, как влиять на психику, чтоб не было срывов, чтобы все были спокойны и...

– Тихи?

– Не перебивайте... Может быть, и тихи... Хотя... Слово не могу подобрать... Ну вы меня понимаете.

– Чтоб все были спокойны, нужен мир во всем мире.

– Я вас не ради шутки спросил...



– А я и не шучу. Мир подразумевает отсутствие военных. Каждый занимается работой по душе, а после трудового дня идет домой... Короче, в этом есть множество преимуществ, хотя и от такой жизни тоже постыло, нудно и скучно. Душе порой хочется бури. А тишина тоже способна угнетать, как, собственно говоря, и наши вечные тревоги, построения с нудными разборами...

– Я спрашиваю не об этом. Есть ли такие упражнения, которые позволяют расслабиться человеку после трудовых будней?

– Есть, конечно. Это и релаксирующая музыка, и медитация, и дыхательная гимнастика... Йога, в конце концов. Но представьте себе, что вы йог или замполит, к примеру... Кругом мир рушится, а вас это нисколько не колышет...

– Не переступайте контрольную полосу... Тогда вопрос, как говорится, не в бровь, а в глаз: почему мы этого не делаем на корабле?

– Можно уточнить?

– Говори...

– В какой глаз – левый, правый?..

– Тебе в оба.

– Понял! А когда это делать, Александр Николаевич, если через каждые пять минут построения, тревоги, авралы... То покажи, то принеси, то представь... Для всего этого время нужно, не менее двух часов. Допустим, мы все расслабились, но после этого надо еще минимум час, чтоб выйти из этого забвения или, попросту говоря, восстановить успокоенную психику и расслабленную нервную систему. Представьте, следим за американцами, а нам всё по барабану...

– Хватит ёрничать!.. Вы сами что-то делаете для снятия напряжения?

– Бывает, но не всегда.

– Может, поделитесь?

– Пушкин хорошо владеет этими методиками... А психологи рекомендуют перевоплощаться во что-то иное, чтобы мозг отключился от насущных проблем.

– То, что вы с Пушкиным расслабляетесь, мне известно. Рюмочкой снимаете психоэмоциональное напряжение? Да? Кстати, а где он?

– На вахте, – говорит его начальник, капитан 3 ранга Васянович.

– Товарищ капитан-лейтенант, если разобрать слово «психоэмоциональное» по частям, – командир машинно-котельной группы смотрит на старпома невинными, слегка выпученными глазами, сжав в трубочку губы, – получится... получится уголовная статья.

– Не понял тебя, Винокуров.

– Сами смотрите, психо-эмоци-ональное... Улавливаете? Ональное!..

– Дебил! – доктор неистово захохотал. – Даже я до такого не додумался.

– Действительно, Винокуров, аккуратно с такими словами. А то наши высокие начальники таких слов могут не понять.

– Я пошутил, товарищ капитан-лейтенант. Но ведь слово можно и так разложить...

– Не раскладывай больше.

– Есть! – отвечает старший лейтенант.

– Что там дальше, доктор? Как вы с Пушкиным отключаетесь от насущных проблем? Не читаете же друг другу «Песнь о вещем Олеге»?

– Если можно, я расскажу, как это делается в идеале.

– Давай уже, не томи.

– Для этой игры, подчеркиваю, именно игры, нужно всего ничего: ванна с натянутыми над ней для сушки белья двумя параллельными веревками да женские колготки.

– Это игра для фетишистов? Я начинаю верить в истину слов Винокурова. Вот как вы с Пушкиным развлекаетесь!

– Подчеркиваю еще раз: эта игра предусмотрена только для одного человека, для групповых сеансов она не годится. И при чем здесь фетишисты? Я не буду тогда рассказывать. Вон посмотрите на отрешенный взгляд штурмана, вы выпустили в атмосферу слово, а оно ему не понятно.

– Доктор... – штурман покраснел, а черные усы зашевелились.

– Молоканов, успокойся, пусть он уже расскажет свою очередную мерзость.

Этот диалог офицеров явно заинтересовал. Они затаенно следили за происходящим.

– Так вот, повторюсь: нужны ванна с натянутыми над ней веревками, женские колготки и, разумеется, вы, я имею в виду – человек...

– Доктор, для чистоты проводимого эксперимента я хочу уточнить: какого цвета должны быть колготки? – спросил не лишенный в этой жизни чувства юмора начальник радиотехнической службы Эдик Хайкин.

– Это не принципиально. Хотя... Когда психологи разрабатывали эту методику, колготки были только светло-коричневого цвета. Вам же можно использовать и черные. Этот цвет вам всегда был и будет к лицу.

– Доктор, – прервал начмеда старпом, – через пятнадцать минут вечерняя проверка, заканчивай свою хиромантию.

– Пять минут – и я закончил... Как следует играть: надеваете колготки на голову и завязываете их на шее...

– Туго?

– При желании навсегда избавиться от хаоса жизни, нужно очень туго... И залезаете в ванну.

– Одетым?

– Нет, конечно.

– Доктор, колготки должны быть стиранные или... – поинтересовался Винокуров.

– Для достижения быстрого эффекта лучше нестиранные. Встаете в ванной в полный рост, а колготочные ноги забрасываете на веревки. Затем медленно начинаете двигаться на месте или, если позволяет место, делаете несколько шагов вперед. Теперь вы – троллейбус. Это нужно четко себе представлять. Если при этом надеть лыжи – получается трамвай.

– Лыжи водные?

– Нет, обычные. А вот теперь набираете в ванну воду и... вы уже речной трамвай. Если в ванну с водой положить включенный фен, то получается электричка, а если выключить верхний свет и надеть налобный фонарик, то вы – метро...

Раздается оглушительный хохот, хандра улетучилась.

– Доктор, вы давно болеете? – вытирая слезы, спрашивает старший помощник.

– Я ваше уныние рассеял, влил заряд положительной энергии, разрядил обстановку или?..

– Молодец, умеешь! – хлопает старпом доктора по спине. – Приглашаю всех на вечернюю проверку.

– А что же делает в этой жизни Пушкин? Не понял!.. – кричит Винокуров.

– Пушкин сейчас на вахте, – отвечает начмед.

И снова дружный здоровый мужской хохот проносится по кораблю.

– Я тоже хочу записаться в ваш кружок.

– Юра, у нас пока что эллипс. До кружка мы не доросли. Приведешь еще два человека – можно думать и о нем.

## ИЗДЕРЖКИ МЕДИЦИНЫ

В этой жизни всегда есть место подвигу, а уж сколько в нем юмора, то и не рассказать... И возникает он чаще всего не на пустом месте, а порой даже трагичном или серьезном.

Было это очень и очень давно, когда пиво стоило 22 копейки, плавленый сырок – 10, килограмм сахара – 78, водка – 3 рубля 62 копейки, а спички – всего лишь 1 копейку.

Трое слушателей пятого курса Военно-медицинской академии, двое с факультета подготовки врачей для Военно-морского флота, Александр и Глеб, и примкнувший к ним Владимир с факультета подготовки врачей для авиационной и космической медицины, приняв чего-то непристойного, непотребного и непонятного то ли в городской столовой за 84 копейки,

то ли в гостях у девочек в общежитии по 2 рубля 14 копеек с каждого, но у всех у них резко ухудшилось здоровье, а если быть точнее – появился профузный понос, или диарея, как любят выражаться врачи, с обильным и частым жидким стулом.



С диагнозом сальмонеллёз, хотя клиника явно тянула на дизентерию, все в срочном порядке были госпитализированы в клинику инфекционных болезней. И таких героев в палате было еще пять человек.

Болезнь в армии и на флоте считается манной небесной. Ты лежишь, болеешь, а служба идет. Вот только когда учишься, такое радует мало, хотя... истерзанному организму порой тоже хочется тишины и покоя.

Помимо медикаментозного лечения, всем госпитализированным проводится целый комплекс диагностических исследований. А начинается все со сдачи крови и мочи на общий анализ. Дальше – больше.

На следующий день нашим героям предстояло пройти немаловажное и главное при этом заболевании исследование – ректороманоскопию, процедуру далеко не очень приятную, когда невероятной толщины и длины трубку со светящейся лампочкой засовывают в задний проход.

Но это еще не все. Предварительно для этого мероприятия следует очистить кишечник, а проще говоря – поставить клизму. После опорожнения в находящемся здесь же туалете больной идет в другой кабинет, на исследование прямой кишки, ну а второй занимает его место на этой же кушетке.

Первым пошел Вова Зуев, приверженец крепкого, а порой и злого юмора.

Выдавшая виды медицинская сестра в длинном до пола клеенчатом фартуке держала в руке наконечник.

– Снимай штаны, ложись на левый бок, ноги согни в коленях, подведи их к животу и раздвинь руками ягодицы.

– Я стесняюсь, – прохрипел Зуев.

– Что ты стесняешься?

– Раздвигать ягодицы!

– Юморист?

– Нет, только учусь. И много в меня собираетесь вливать воды?

– Пока глаза не вылезут.

– Спасибо! – поклонился он. – Я писать захотел.

– Потерпишь, сынок. А нет – завяжи свой кончик на узелок. Если не завязывается, тогда под себя мочись, теплее будет.

Что-то острое проникло Владимиру внутрь, и холод растекся по животу. Он конвульсивно дернулся и тут же получил увесистый удар по голове. Ему казалось, что эта процедура длится вечно. Наконец инородное тело извлекли.

– Десять минут лежим, терпим, потом прыжками в туалет. Ртом дыши и не стони, – цыкнула медсестра на кряхтящего будущего светила авиационной медицины.

Через некоторое время ее что-то встревожило и она быстро вышла из кабинета. Вскоре в белом халате туда быстро прошел маленький вьетнамец.

В те далекие времена в академии учились или повышали квалификацию множество иностранных граждан, военных врачей: вьетнамцы и корейцы, немцы и поляки, болгары и румыны, египтяне и сирийцы, множество представителей Черного континента.

– Сто тут у вас произошло? – певуче и с акцентом спросил он.

– Он сильно дернулся и... кончик остался в прямой кишке, – дрожащим голосом промолвила сестра.

– Нисего страшного. Сейчас посмотрим...

Доктор, вникнув в суть проблемы, тут же совершил единственную, но, как оказалось, роковую ошибку. Он явно забыл, а точнее, и не подумал, что в животе Владимира скрыто полтора литра воды, полагая, что тот кряхтит от боли.

Действия врача были грамотны и абсолютно профессиональны. Он велел Зуеву встать на кушетке на колени, принять

позу стартующего суринамца и, раздвинув ягодицы, прищуренными раскосыми глазами сосредоточенно посмотрел на анус.

– Поднатусьтесь... – вежливо попросил вьетнамец.

Владимир мгновенно исполнил команду, он ждал ее, как манну небесную, сфинктер уже не выдерживал, из прямой кишки медленно просачивалась введенная жидкость.

С оглушительным ревом и свистом, словно из брендспойта, из его ануса мощной струей вылетала жидкость с остатками переваренного ужина, а наконецник с неистовой силой угодил в узкий глаз врача-вьетнамца, который мгновенно расширился и остался таким до конца его долгой жизни. Зуев от нахлынувшего на него облегчения тоже издал звук брачующегося марала.

Как потом рассказывали, если бы не стойкость вьетнамского военного доктора, героически перекрывшего путь струи в окно, оно вылетело бы наружу напрочь.

– Выйди отсюда, паразит! – рыкнула на Зуева медсестра.

Владимир быстро натянул трусы, пижамные штаны и неспешно, с достоинством покинул процедурную. Последнее, что он увидел, как обгаженный брат по оружию срывал с себя одежду и иступленно орал:

– Спирт, спирт!

Из его рта бил фонтан мелких кусочков съеденного завтрака.

Медицинская сестра неудержимо хохотала, ее глаза затмили слезы неожиданного веселья, из-за чего она никак не могла попасть ватой в пузырьки со спиртом.

– Шура, идите, – сказал проникновенно Владимир другу. – Вас ждут великие дела! Я полагаю, вы получите истинную усадьбу. Это – райское наслаждение, снизошедшая Божья благодать!

Далее он добавил несколько ненормативных слов, потерял мизинцем рыжеватые усы и направился на площадку курить.

Еще никто не знал, что произошло за этими дверями, но процедур сегодня больше не было.

После этого происшествия в лавровых венках славы по академии ходили два человека – вьетнамский доктор Бинь Нгуен и слушатель пятого курса Владимир Зуев. Теперь их знали все.

## НЕПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

### 1

Бьющее в окно ласковое майское ленинградское солнышко не располагало к учебе. С неистовой силой оно плавало мозги и расслабляло молодые, пышущие здоровьем и неумной силой юные тела, а лучики, отраженные от стеклянной доски, слепили глаза, наполняя их сонной влагой.

Курсанты четвертого курса артиллерийского училища, что на Московском проспекте северной столицы, будущие артиллерийские разведчики, изнывали на самоподготовке от тоски и истомы на четвертом этаже учебного корпуса, в классе астрономии. Класс с куполообразной крышей походил на планетарий, где курсантам демонстрировалась небесная сфера и они по ней рассчитывали азимут, вычисление углового расстояния, преобразование координат и другие астрономические хитрости и премудрости.





Весна для людей, отграниченных от реальной жизни воинскими Уставами, приказами, наставлениями и, наконец, формой, бурно играла гормонами в их разгоряченной крови, погружая мозг в сказочный мир фантазий и грез.

Левченко, высунув от умиления язык, на задней странице секретной тетради рисовал обнаженных фей, Слепцов отрешенно изучал сферический потолок, Погребняк украдкой что-то писал, Быстров, положив подбородок на грудь, спал, а сидящий с ним рядом Саша Треберман чего-то мастерил из бумаги. Каждый курсант, а их в классе находилось двадцать семь человек, занимался только своим делом. И лишь Евгений Фадеев читал учебник, добросовестно шевеля при этом пухлыми губами.

Большинство курсантов группы пришло в училище со школьной скамьи, четверо из Суворовского училища, а вот двое, русский Саша Треберман и еврей Валера Быстров, перевелись на второй курс из технологического института. Они были друзьями и знали друг друга с пеленок. И отцы их работали в этом училище: у одного он был начальником кафедры военной истории, а у другого – старшим преподавателем на кафедре топографии.

Саша Треберман – очень высокий, сутулый, горбоносый, смуглый юноша, с просто невероятным размером обуви, которую родители Александру шили на заказ. Его большущие карие глаза уныло созерцали мир, а вытянутая голова с бритым затылком и невероятно жесткими черными вьющимися волосами на макушке, устремленными, как антенны, в небо, походила на дыню. В уголках больших пухлых слюнявых губ всегда скапливалась густая пена.

Такой вид будущего защитника социалистических рубежей Родины был прискорбен. Чтоб таким видом никого раньше времени не пугать, его сделали каптером, а во время смотров ставили дневальным в казарме. Должность каптера предполагала ношение огромной связки ключей, которые некрасиво выпирали из брюк и быстро протирали подкладку, поэтому Саша их носил в руке, а во время занятий клал на стол. В дальнейшем эта связка сыграет далеко не последнюю роль в нашем повествовании.

Валера Быстров был полной противоположностью Треберману: приземистый, светловолосый и рыхлый, на мясистом носу плотно сидели мощные роговые очки. На подбородке конопатого лица покоилась большая коричневая родинка с торчащими из нее черными волосками. Валерий в задумчивости любил ковыряться в носу, а потом пристально рассматривал свою добычу, вертя палец. Еще он люто ненавидел стричь ногти, которые постоянно грыз, чистить зубы и сапоги.

Ходил Валера на маленьких кривеньких ножках, переваливаясь с боку на бок, и тоже не походил на бравого воина страны Советов.

Но вот учились они очень хорошо, поэтому в воинской службе им многое прощалось. Не последнее место в их судьбе играло и привилегированное положение родителей.

Наконец Треберман закончил свое кропотливое занятие, смачно облизал вырезанные бумажки с многочисленными дырочками и осторожно прилепил их на стекла очков товарища, затем вышел на середину класса и зычно скомандовал: «Встать! Смирно!»

Быстров вскочил как ошпаренный, глядя на мир через клеточку, а класс зашелся гомерическим смехом.

Валерий быстро сдернул с носа очки, схватил лежащую связку ключей и со злостью швырнул их в Требермана. Тот прыгнул, а те с радостным звоном ударились о стеклянную доску, которая, издав жалобный стон, красиво искрясь в лучах солнца, осыпалась на пол.

Несколько слов о героине этого повествования. Сделана была доска из толстого стекла. Лицевая сторона затерта наждачной бумагой, отчего писалось на ней без затруднений и стиралось написанное очень легко, а на обратной стороне были наклеены многочисленные астрономические формулы, которые при определенной подсветке проецировались для аудитории.

Мгновенно воцарилась немая гоголевская сцена, не предвещавшая ничего хорошего. И только здоровенная муха, появившаяся невесть откуда, неистово жужжала и билась о стекло.

На шум в класс влетел командир батареи, старший лейтенант Изотов. От увиденного он как вкопанный встал в дверях.

– Кто? Кто это сделал? – прошептал он, бледнея, с его лба и щек обильно катился пот. – Кто это сделал, суки?! – теперь заорал он и изо рта забил фонтан брызг с отборной площадной бранью, которая, казалось, по своей интенсивности могла заглушить водопад Виктория, одного из самых шумных водопадов мира.

От страха брюки друзей были готовы впитать в себя намеревающийся вылиться из них конечный продукт метаболизма почек, туманом заволокло глаза, сердце затрепетало в груди.

– Меня не волнует (особо деликатные читатели могут взять в руки словарь блатного языка и с его помощью заняться переводом нормальных слов в матерные), где, как и каким образом всё это вы будете делать, но вечером, для особо одаренных повторяю: сегодня вечером!!! стекло, и не просто стекло, а витринное, в палец толщиной, должно быть в классе! Поняли?!

Курсанты обреченно кивнули бескровными черепами. Было ясно и без слов, что их шутка способна для многих обернуться большими неприятностями, особенно для командира батареи, которого могли выгнать из училища и сослать служить в ледяное Заполярье или жаркие пески Средней Азии.

## 2

Ленинградская ночь в это время года напоминала раннее утро где-то в Барнауле, Скадовске или Оймяконе, и ждать темноты смысла не было, поэтому, поужинав, Треберман и Быстров отправились в город на поиски спасительного стекла.

Куда идти и где искать это стекло, вопрос не стоял, в двух остановках на метро, возле дома Быстрова, достраивался огромный магазин «Океан», вот туда и вела их дорога воровского счастья. Все детали кражи были тщательно обговорены, пути отступления тоже. И еще, людей в военной форме в то далекое время в стране, и особенно в Ленинграде, очень уважали, поэтому на успех этой операции друзья очень даже рассчитывали. И еще в этом темном деле присутствовало одно очень немаловажное звено: ночным сторожем на стройке работал сосед Валеры по лестничной площадке, Петр Кузьмич Криворучко, военный пенсионер,

издававший трудности и лишения воинской службы, служа двадцать шесть лет заведующим продовольственными складами на центральной военной базе Ленинграда, человек очень состоятельный, имевший трехкомнатную квартиру, машину «Волгу» и шикарную дачу на берегу Финского залива в Репино. Его дочь училась в Москве в государственном университете на экономиста, а вот сына в их училище устраивал отец Валерия, а потом занимался его распределением. Поэтому к их семье Петр Кузьмич относился очень хорошо и должен, точнее, обязан, был помочь.

Конечно, читатель ждет леденящую душу историю самой добычи витринного стекла, но этот вопрос не так интересен, как доставка его в училище.

### 3

Всё получилось, как и задумывалось. Петр Кузьмич даже от бутылки водки отказался, но они все же ее ему оставили.

Обливаясь потом, проклиная всё и всех, неистово матерясь, они дотащили это огромное стекло до метро, спустили его вниз, аккуратно занесли в вагон, а вот вынести не успели и закрывающаяся дверь раздавила его. Хотелось плакать.

Утро не предвещало ничего праздничного. Старший лейтенант Изотов вновь поливал всех слюной и прочей гадостью. И его снова понимали...

Вечером поход на стройку повторился вновь. Уже определенный опыт в этом деле у Александра и Валерия присутствовал, поэтому в этот раз все прошло гладко. Далеко за полночь мокрые от катящегося потоком пота курсанты бережно занесли стекло в училище, подняли на четвертый этаж и аккуратно прислонили его к столу, стоявшему посреди класса.

Утром ничего не подозревавший начальник лаборатории, прапорщик Сопеску, вдруг решил проверить порядок во всех помещениях и, разумеется, не заметив стекла, врезался в него, разбив себе в кровь нос и, естественно, злополучное стекло, издавшее прощальный, заунывный, скорбный стон.

Злой рок довлел над всеми. Старший лейтенант Изотов после этого происшествия впал в транс, осунулся, на его пепельном лице щеки с рыжеватой щетиной втянулись внутрь, глаза провалились в череп, а нос заострился. На него было жалко смотреть.

После занятий он вызвал к себе Требермана и Быстрова.

– Ребята, – тихо прохрипел командир батареи, его голос дребезжал. – Что мне делать? Там, где вы его брали, есть еще такое стекло? Выручайте!.. – некурящий Изотов закурил папиросу, руки у него тряслись. – А если опять не получится... – он долго молчал, – всем конец, начиная с меня и...

Только сейчас курсанты остро осознали, что дела действительно хреновые и надо во что бы то ни стало спасать положение.

– Еще есть, товарищ старший лейтенант, – ответил Быстров.

– Я сегодня заступаю дежурным по училищу, дам машину, только привезите!..

– Привезем, не переживайте.

– Может, там и светильники есть? – поднял старший лейтенант грустные глаза на курсантов.

– Есть! В ящиках!.. – прокричал Треберман. – Мы привезем.

– Хорошо, идите. Я вечером вас сам позову.

На сей раз все прошло блестяще. Стекло занесли в кабинет Изотова, а ящики вскрыли в классе. В них лежали не светильники, а секции для холодильных установок.

– Час от часу не легче! Вы зачем это приволокли сюда? – Изотов на глазах становился самим собой. – Я просил светильники.

– Мы откуда знали, что в ящиках? Думали!..

– Думают мозгом, а не костью! Что хотите с ними то и делайте, но чтоб их я больше не видел, – он вышел, замкнул дверь своего кабинета на два оборота и направился в комнату дежурного.

Быстров и Треберман долго не думали. Не советуясь, они схватили ящики, быстро выкинули их в окно с четвертого этажа

и пошли спать. А дежурный по училищу, старший лейтенант Изотов, силами наряда половину ночи убирал этот мусор с асфальта.

А на следующий день, сменившись с наряда, командир батареи домой не пошел. Оставшись в училище, он заперся в кабинете и сам затенил наждачной бумагой одну половину стекла, а на другой нарисовал формулы. Получив истинное наслаждение от своего труда, он с удовольствием потянулся, не раздеваясь лег на диван и крепко уснул.

Подмены начальство не заметило, и, что не характерно для нашего народа, никто об этом нигде не проболтался.

## 5

Время стремительно бежало вперед, расставляя всё и всех по своим местам.

Изотов вырос и стал в училище начальником отдела кадров, получая за свою должность не только денежное содержание, но и богатые подношения с коньяками.

Курсанты получили офицерские погоны и разлетелись в разные стороны великой страны, матеря с годами и мужая.

Русский Треберман после окончания службы уехал жить в Израиль, а еврей Быстров – в Германию.

И лишь Криворучко остался работать ночным сторожем, кочуя от стройки к стройке, наживая далее свое и без того небедное состояние. Правда, «Волгу» он поменял на BMW, а в Сестрорецке приобрел огромный участок земли и воздвиг на нем многоэтажный дворец. Его дочь удачно вышла замуж за иностранца и уехала с ним жить в Тунис. Сын стал заместителем начальника училища по строевой части, а приказ на должность ему писал подполковник Изотов, купив себе после этого шикарную дачу на берегу Финского залива в Репино.

И лишь доска, абсолютно не старея, осталась доской, продолжая висеть на прежнем месте, на которой из года в год решались одни и те же задачи и высвечивались одни и те же формулы.



**ОЛЯ  
ВЕРНУЛАСЬ**

## ЗАГАДКИ НОВОГО ГОДА

### 1

– На Новый год все едем к тете Симе и дяде Вартоломею в Молдавию, город Чокур-Минжир. Господи прости, еле выговорила. Всем выучить, чтоб не опозориться! Поняли? – мать грозно посмотрела на детей.

– Ура-а-а! – заверещала шестилетняя Оля.

– Чё ты уракаешь, придурочная?

– Славка! – отец негромко хлопнул ладонью по столу.

– А чего сразу Славка? У меня елка в школе, я в спектакле участвую...

– Ой! – затряслась от смеха Ольга. – Дурачка какого-нибудь играешь или слоника без слов?

– Выйдем из-за стола – получишь, – прошипел Вячеслав.

– Папка, а он грозится...

– Сейчас оба будете стоять в углу! Быстро поели и вышли! – мать никогда не церемонилась с детьми, и они ее побаивались.

– Второго января нас везут на автобусе в город, в кукольный театр. А потом...

– Ой, умру!.. Тебе уже одиннадцать, а он все в куклы...

– Заткнись! Папа, чё она лезет? – Славик пылал от гнева.

– А ну вышла отсюда вон! – заорала мать. – Придешь, когда все поедят.

Ольга втянула в рот губу и встала с табурета. Выходя, она так ущипнула брата, что тот от боли и неожиданности издал пронзительный вопль и подскочил, опрокинув на себя стакан с молоком и тарелку с жареной картошкой.

– Тоже пошел вон! Ужин свой жрать теперь с пола будешь!

– Она щипанула меня!

– Лучше бы укусила!..

Вскоре в спальне послышалось кряхтенье и возня.

– Франя, пойди посмотри, что они делают, – сказал отец, с аппетитом доедая борщ.

– Пусть уж лучше поубивают друг друга...



- У тебя вина не осталось?
  - Осталось, но не про твою честь! Без вина хорошо...
  - Сколько этому Вар-мар-у?..
  - Вартоломеу! Тоже что выучил! А то ляпнешь по пьянке, со стыда сгоришь. Пятьдесят пять. Массовиком-затейником в Доме культуры работает. Бугай еще тот! Ведро выжрет и не покорежится.
  - Видишь?.. Налей винца полстаканчика.
  - У меня к празднику припасено...
  - Новый год в Молдавии будем отмечать. У него день рождения тридцатого?
  - Тридцать первого.
  - Может, и вина оттуда привезем.
- Ефросинья вышла в подсобку и принесла поллитровку темно-красной жидкости.
- Другое дело, – Николай потер ладони и, вылив чай в цветочный горшок, наполнил его до краев вином. – Тебе налить?
  - Нет, буду смотреть, как ты лакаешь...
- Они выпили.
- Я, наверное, еще борща наверну.
  - А нет, все тебе вывернула. Завтра варить надо.
  - Пусть Славка у тещи на праздники побудет, пока нас тут не будет. Он тихий, хлопот больших не наделает.
  - Я тоже об этом подумала.

## 2

Зима выдалась снежная и холодная. Дым из печных труб, подрагивая, медленно тянулся вверх и терялся в бездонной небесной выси. Снег скрипел, как половицы на кухне в доме у бабушки, и обжигаяще блестел.

В Чокур-Минжир приехали двадцать девятого под вечер. Выходили из автобуса последними. Первой вышла мама, потом Ольга, за ней отец, подавая три тяжелых сумки, в которых лежали свиной окорок, большущий шмат сала, три утки и две курицы... А что еще, Оля и не помнила.

Одели ее основательно, даже повернуться было трудно. Но высшим пискom моды она считала белые валенки, перешедшие ей от Славика. Были они немного великоваты, но два шерстяных носка скрашивали неудобство.

Встретила их тетя Сима с дочкой, девочкой лет пятнадцати. Все расцеловались.

– Здравствуйте, гости дорогие, с приездом. Замерзли? Я вам вина горячего для сугреву принесла. Кровь от него просто закипает и сжигает всякую посуду.

Тетя Сима достала из сумочки стакан и большую бутылку, по-хозяйски заткнутую пробкой, сделанной из газеты и замотанной в полотенце.

– Начнем с дам, – засмеялась она.

Мать выпила и удовлетворенно крякнула.

Тетя Сима налила полстакана Ольге.

– Сима, может, не надо? Мала еще. Кабы...

– У нас младенцам вино вместо воды дают. А дочь у вас эвон какая большущая, – тетя Сима легонько хлопнула ее по спине.

Ольга не удержалась и рухнула лицом в снег. Из разбитого носа показалась кровь.

Что-то буркнув по-молдавски, тетя Сима быстро подняла за воротник упавшую девочку, обтерла лицо перчаткой и сунула стакан в рот.

– Пей! Твое крещение на молдавской земле состоялось, – засмеялась она. – Ваня, допивай, там не больше семьсот грамм будет.

На втором глотке голова у Ольги резко закружилась, но она свою дозу мужественно допила до конца.

Поставив сумки на санки, все направились к дому.

Оля брела позади всех, постоянно падала и тихо, чтоб никто не слышал, материлась. Сама подняться она никак не могла из-за огромного количества одетых на нее вещей. Наконец Санда, дочка тети Симы, взяла ее за руку и процессия неспешно продолжила свой путь.

– А мой Вартоломеюшка перед праздниками всегда занят. Он же в Доме культуры у меня работает, концерты всякие ведет, – говорила тетя Сима с гордостью. – Вот и сегодня чуть ли не всю ночь будет зубрить в комнате загадки. «Два кольца, два конца, посередине...» – передразнила она его. – Двадцать лет одно и то же, а запомнить никак не может, – уже горестно промолвила женщина.

Говорила она с легким акцентом:

– Тридцать первого утром елка для детей у сельского совета, а он Дед Мороз...

### 3

Вечером было застолье.

На столе лежала гора мяса, дымилась жареная картошка с грибами, по углам покоились соленые помидоры, огурцы и арбуз. А вино просто лилось рекой. Пили все одинаково, но никто не хмелел, только папка уже еле шевелил языком. Выглядел он очень смешно, таким Оля его еще не видела: нижняя губа отвисла до подбородка, щеки алели, словно помидоры, на лбу крупно выступали вены, а веки набрякли и не хотели подниматься. Он часто бормотал: «Вар... Вар... Варто...» – потом махал рукой и пил.

Наконец отец взял в руки гармонь, которую привез с собой, растянул меха и... уснул.

Женщины быстро убрали со стола, плотно закрыли дверь и оставили дядю Вартоломеу одного. Оля втиснулась в темный угол и затаилась в ожидании та́инства.

Дядя Вартоломеу походил на продолговатый арбуз, стоящий на коротеньких кривеньких ножках, плотный, небольшого роста и излучавший вокруг себя радость и доброту. На его голове огромной копной высились черные крученые волосы, а усы свисали чуть ли не до плеч. Говорил он приветливо и пылко, при этом постоянно жестикулируя рукой.

Вартоломеу достал с полки потертую тетрадь, раскрыл ее, сел к столу и, шевеля губами, внимательно что-то прочитал.

Потом встал, вышел на середину кухни и стал пафосно читать: «Дорогие друзья! Сердечно поздравляю вас с Новым...». Речь была длинной. Он давал слово воображаемой Снегурочке, представителю администрации и какой-то Юле Гуцул.

– А сейчас, дорогие дети, загадки! – прокричал он. – Кто правильно ответит, получит подарок! Готовы?

– Готовы, – прошептала Оля.

– Если лес укрыт снегами,

Если пахнет пирогами,

Если елка в дом идет,

Что за праздник?..

Правильно, Новый год!

А вот еще загадка. Без рук рисует, без зубов кусается.

Молодцы, мороз. Слушайте мою третью загадку. Кто отгадает, получит коробку с цветными карандашами.

Идет, а ног нет,

Лежит, а постели нет,

Легкий, а крыши ломит.

Снег. И это правильно!

Давайте еще одну, последнюю. Очень она сложная. А кто правильно ответит, получит мяч, чтоб летом в пионерском лагере нескучно было. Готовы?

– Готовы, – опять прошептала Ольга.

Она сидела будто замороженная.

– Он к нам в Новый год придет,

Он подарки принесет,

Кто он? Задаем вопрос.

Это Дедушка...

– Мороз.

– Верно, это Дедушка Мороз. А теперь все встаем вокруг елочки, родители берут за ручки своих детей, водим хоровод и поем песенку: «В лесу родилась елочка».

Дядя Вартоломеу еще раз озвучил текст и, оставшись собой доволен, выпил кружку вина, погасил свет и пошел спать.

Рано утром было слышно, как тетя Сима и дядька Вартоломеу суетились по хозяйству, потом они завтракали, а потом всё стихло.

Гости встали поздно.

Отец, лохматый и отекший, дрожащими руками держал ковш, пил ледяную воду и стонал. Его огромные грязно-серые семейные, до колен, трусы закрутились вокруг пояса.

– Что, паразит, заболел? – зло спросила мамка. – Жаль, что не всё в доме выжрал. Дорвался до бесплатного! Не стыдно?..

– Франя, не ругайся, с кем не бывает. Сейчас полечим, – тетя Сима подала отцу огромную кружку с вином. – Выпей, Ванечка, и попустит. Мойтесь, гости, да завтракать будем.

День прошел в суете. Всё варилось, парилось, жарилось... Готовились к завтрашнему торжеству.

Никому не нужная Оля весь день провела на улице.

Ничего в этом Чокур-Минжире не было для Оли интересного, село как село. А вот дядя Вартоломеу ее очень заинтересовал.

Вечером опять пили, ели, но спать легли рано. У главы семейства завтра был напряженный день.

Проснулись тоже рано. Быстро позавтракав, Вартоломеу ушел на работу, сказав, чтоб к десяти все приходили на площадь.

Народу на площади было немного, видно, люди готовились к празднику, да и в каждом доме тоже стояла елочка, а здесь из года в год повторяющийся сценарий новогоднего праздника всем изрядно надоел.

На все эти выступления и скаканья престарелой Снегурочки Оля внимания не обращала. Она ждала загадки.

И вот это время наступило.

– А сейчас, дорогие дети, загадки! – прокричал Дед Мороз. – Кто правильно ответит, получит подарок! Готовы?

– Готовы! – прокричали родители.

Оля, вся закутанная с головы до ног, стояла ближе всех к Деду Морозу и нервно сосала варешку.

На первую загадку Оля быстро дала ответ, не дожидаясь ее окончания, боялась, что опередят.

– Молодец, девочка, как тебя зовут.

– Оля! – и она радостно утопила губу.

– Молодец, Олечка!

Когда таким образом была разгадана и третья загадка, Дед Мороз спросил:

– У этой девочки родители есть? Заберите ее. Пусть другие дети тоже примут участие.

– Я никуда не пойду, – сказала твердо Оля, и ее губа вновь утонула во рту, но теперь уже агрессивно.

– Почему? Посмотри, сколько ты выиграла, – и он ткнул посохом ей между ног, где она складывала свои призы.

– Я мячик хочу, чтоб мне не было скучно летом в пионерском лагере.

– Мячик, говоришь? – Дед Мороз внимательно поглядел на девочку. – Вот ты, оказывается, кто... – он наклонился и прошептал: – Я тебе его дома подарю, хорошо? А сейчас пусть еще кто-то отгадает, не возражаешь?

– Хорошо, – Оля быстро обняла Дедушку за шею, притянула к себе и поцеловала.

Стоящие родители заплодировали, а многие от такого умиления даже вытерли набежавшие слезы. А счастливая Оля собрала со снега игрушки и побежала к маме.

*12.09.2020, Степовое*

## НЕМНОГО О МЕДИЦИНЕ

– А ну-ка быстро все закрыли рты! Ти-хо! Минуточку внимания! – прокричала Тамара Алексеевна, воспитательница старшей группы детского сада. – Передайте родителям, чтобы к завтрашнему дню вас всех помыли, причесали и одели красивенько... Не так, как Вася Каниболоцкий сегодня вырядился, что из шортиков трусы до колен болтаются, – горестно выдохнула воспитательница, но всем показалось, что она огорченно сплонула. – Безобразова! – вновь заорала она, и ее тонкие губы побелели, а крылья носа затрепетали. – Когда ты уже перестанешь ковыряться в носу? У тебя ноздри станут шире, чем дырка в кружке. Если еще раз увижу, все пальцы переломаяю. Вни-ма-ни-е! Завтра в первой половине дня к нам придут врачи и будут вас обследовать.

Ольга недобро рассмеялась. Она стояла, привалившись спиной к стенке, выпятив вперед живот, привычно погрузив верхнюю губу в рот и повернув стопы на кривеньких ножках таким образом, что большие пальцы на них касались друг друга.

– Чемерисина!!! – Тамара Алексеевна завопила так, что листья на фикусе тревожно затрепыхались. – Тебя это тоже касается! Не надо у себя на руках ничего рисовать... Хоть это ты можешь понять своей дурной башкой? Всё! Если кто-то мне утром не понравится, простоит целый день в чулане, в углу, где пауки. Понятно? Объявление на дверях для родителей я повесила, если они не разучились читать, пусть ознакомятся.

– Понятно, – равнодушно проговорили дети, выражая этим полное безразличие.

Им было глубоко все равно, кто придет завтра – врач, космонавт или ассенизатор.

На следующий день дети, на удивление, пришли причесанные и в чистой одежде. Отличалась, как всегда, только Чемерисина, руки у которой от постоянных художеств отмыть было невозможно. А родители Безобразовой, зная пагубную привычку дочери ковыряться в носу, густо намазали ей кисти рук

дегтярной мазью и завязали тряпками, не отличающимися кристальной свежестью. Теперь от нее так омерзительно пахло мазью, что стоять рядом было просто невозможно.

После завтрака счастливые дети расселись по лавочкам и безучастно ждали этих таинственных врачей.

Наконец дверь распахнулась и... в мятом белом халате вошла всем известная Валька Соколенко, покорительница сердец местной молодежи. Она, как переходящее красное знамя, передавалась из рук в руки или словно легенда – из уст в уста. Мать Ольги звала ее не иначе как «шалава». Она вовсе была не врачом, а медсестрой в амбулатории.

Включили свет, Валька села за стол.

– Разденьте всех детей до трусиков и подводите их ко мне по очереди, – скомандовала она и принялась осматривать у детей кожу, волосы, заставляла открывать рты.

– Чемерисина, тебе когда родители последний раз голову мыли? Вся коростой заросла! Индейцы...

– А от тебя куревом воняет... – зло прошептала Оля.

Соколенко покраснела, ничего не ответила и стала осматривать очередного ребенка.

– Что у девочки с руками? Экзема? – спросила медицинская сестра, когда к ней подошла Безобразова.

– Она постоянно ковыряется в носу, и чтоб не порвала ноздри, родители заматывают ей пальцы, – ответила воспитательница.

– А зачем с мазью? – медсестра жалостливо поглядела на девочку, которая, кривясь от запаха, пыталась сунуть в нос забинтованную руку.

– Сами видите. Не будем же мы ей каждый день связывать руки за спиной.

– А ты чего такой бледненький? – погладила она по голове светловолосого мальчика.

– Это Каниболоцкий, наш засушенный Геракл, ничего не ест, – заржала Тамара Алексеевна. – Но ему в этом всегда активно по-



могает наша Оля Чемерисина. Ест сама и, как говорится, – за того парня!

– Вшей у него не вижу, а гниды есть. Пусть родители его нáлысо постригут. Кал на яйца гельминтов сдаете? – вдруг спросила она.

– Да, – солгала воспитательница. – Мы как раз собирались на следующей неделе это сделать.

– А предыдущие результаты можно посмотреть?

– Они у заведующей, – снова солгала Тамара Алексеевна. – В ее кабинете сейчас ремонт, все бумаги в коробках, а сама она на больничном, так что и не найти ничего.

– Дети, – медсестра неожиданно для себя задала вопрос: – У кого из вас есть глисты?

– У меня! – моментально выкрикнула Оля и подняла руку. – А что это?

– И у меня! И у меня! И у меня! – закричали дети, поднимая руку, потому как авторитет Чемерисиной был незыблем.

– Да такого у нас нет и не было никогда, – запричитала красная воспитательница. – Это все Чемерисина мутит детей...

– Было – не было, меня это уже нисколько не интересует. Даю два дня. Собираете кал и своим транспортом, подчеркиваю, своим, отвозите в районную санэпидстанцию. Об этом я укажу в предписании. Ну, коль я сюда пришла, пойдете, заодно посмотрю и ваш пищеблок.

Это заявление привело всех в шок. Проблема с глистами отодвинулась на второй план.

– Оля, а какие у тебя глисты? – спросила Вера Вороненко, когда взрослые вышли.

– Вот такие, – и она во всю ширину расставила руки.

– И у нас такие! И у нас! – радостно закричали дети, тоже расставляя руки.

– А у меня больше! Понятно? – насупилась Ольга.

В это время раскрылась дверь и в дверном проеме появился родитель Оли Чемерисиной.

– Папочка! – закричала радостно Оля. – Расставь руки.

Отец, решив, что дочь хочет от великой радости встречи с ним прыгнуть ему на грудь, широко развел руки.

– У меня вот такие, как он показывает! Ясно?! Папочка, я домой сама приду, не надо меня забирать. Иди лучше с мужиками «козла» забей.

## ПОДАРОК СВОИМИ РУКАМИ

– Дети, какой ближайший праздник у нас будет через месяц? – спросила учительница.

– Каникулы! – закричал Коля Яременко.

– Дебил! – повернулась к нему Оля Чемерисина, и ее губа беспокойно поползла в рот. – Через месяц будет Восьмое марта.

– Оля, «дебил» – это плохое слово. Так говорить нельзя. Вы уже взрослые, первый класс идет к завершению, и должны понимать, что плохо, а что хорошо. Но ты права, Олечка, через месяц наступит Международный женский день и все вы должны поздравить своих мам и бабушек с этим праздником. Но лучший подарок маме будет тот, который вы сделаете своими руками. В классе мы будем рисовать картинку, вы же можете сделать что-то другое, например, из доски на уроке труда выпилить красивую разделочную доску или полы в доме помыть, порядок у себя в комнате навести... Поняли меня?

– Да-а-а-а! – радостно закричали дети.

Ольга пришла домой сосредоточенной.

– Славка, – обратилась она к брату, – ты знаешь, что скоро Восьмое марта?

– Ну и что? – он был совершенно ко всему безразличен и патологически спокоен.

– Лука мешок... Это Международный женский день, понял?

– Ну и что?

– Я тебя сейчас ударю, дебил! Подарки маме с бабушкой надо готовить.

– Надо, но у меня денег нет.

– И у меня нет. Будем делать их своими руками. Нужен взрослый подарок, а не фильти-милти, – покрутила она рукой в воздухе.

– А чё делать? Я ничего не умею. Могу сделать лук или рогатку. Только зачем они им? – и он захохотал от собственной шутки.

– Точно дурак! Слушай меня сюда! Бабке с мамой, хотя это уже и несерьезно в нашем возрасте, я нарисую картинки. А еще... еще я предлагаю маме сшить кожаные перчатки. Помнишь, к нам на Новый год приезжала тетка из Молдавии? Так вот у нее перчатки были и мама их примеряла. Я помню ее глаза...

– А ты шить умеешь? Я нет.

– Шить несложно. Лично я умею. Покажу как.

– А где ты кожу возьмешь?

– Деда нет лет пять уже, а его кожаное пальто висит до сих пор у бабки в шкафу.

– А она не заругается?

– Она о нем, поди, забыла давно. Что, сдрейфил? Я сама выкройку сделаю, твоя помощь будет заключаться только в шитье.

Задуманное Ольга никогда не откладывала в долгий ящик и уже на следующий день принесла четыре куска вырезанной из спины пальто кожи.

– И что дальше? Как ты из этого перчатки будешь шить?

– Очень просто! У нее варежки есть, с них выкройку снимем, а потом ты приложишь руку и пальцы обведем... Останется только все вырезать и сшить.

Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Как потом выяснилось, надо еще было иметь допуск на швы.

Так появились четыре новых куска.

Но... вдруг в субботу вечером к ним в гости пришла бабушка с картонной коробкой под мышкой. Эта коробка Оле была очень знакома, знакома до боли. У всех сердце забилось от радости и лишь у Ольги тревожно.

– Мама, как хорошо, что вы пришли, – поцеловала бабушку Олина мама. – Проходите к столу, я блинчики пеку, сейчас чай будем пить.

– А где Иван?

– В комнате, телевизор смотрит. Сейчас позову. Ваня! – прокричала она. – Иди к нам, мама пришла.

– Здравствуй, мам, – Иван обнял старушку, прижал к себе и поцеловал.

– Ванька, я тебе пальто дедово принесла. Лежит у меня без толку столько лет, а вы с отцом одной комплекции. Носи на здоровье. Сегодня обыскалась его, думала, в шкафу висит, а оно в коробке под кроватью в самом дальнем углу. Когда туда его засунула – и не помню. Достань, примерь.

Ольга сидела в углу красная, с далеко задвинутой в рот губой. Славик как ни в чем не бывало аппетитно грыз семечки.

Отец достал пальто и встряхнул его.

– Мама, а его у тебя мыши прогрызли. Гляди, какие дырки большие. Раз, два, три... восемь!

– Что ты мелешь, какие мыши?.. И коробка цела...

– Смотри сама, – и он повернул к ней пальто задней стороной.

– Мать моя Божья! – всплеснула руками бабушка, подслеповато всматриваясь в принесенный подарок. – И правда!.. Три кошки в доме...

– Мне кажется, я одну из них очень хорошо знаю, – произнесла Олина мама и сердито посмотрела на дочь. – Ты сделала?! – закричала она.

Губа Ольги утонула так глубоко, что, казалось, с ней ушла в рот и челюсть. Она громко сопела и молчала.

Что было дальше, представить нетрудно, зато описать сложно, ибо картины экзекуции не отличаются обилием светлых красок и радостных эпитетов.

И, тем не менее, праздник неумолимо приближался, уже был вечер седьмого марта.

– Славка, иди сюда, – Оля шепотом позвала брата. – Ты в курсе, что завтра Восьмое марта?

– И что?

– Не беси меня! Ты готов маме что-нибудь подарить? Готов или нет?

– Стихотворение прочитаю.

– Какое?

– «Зима!.. Крестьянин, торжествуя...».

– В твоей башке точно мозгов нет! Какая зима? Проснись уже, неделя как весна на дворе. Я придумала, как мамочку поздравить.

– Опять нас накажут?

– Не накажут. Ты заметил, что всегда мама делает каждый день, приходя с работы?

– Нет!

– Ты у нас никогда ничего не видишь...

– И что она делает?

– Картошку чистит, чтоб накормить всех нас.

– И что?

– Ничего... Когда родители уснут, мы с тобой будем чистить эту картошку, чтоб дать ей минимум неделю отдыха. Понял? Я уже всё подготовила.

– Давай. Только я никогда ее не чистил.

– Не чистил, так будешь чистить... Сложного в этом ничего нет.

Утром все проснулись от безудержного и громогласного смеха отца.

– Что случилось? – вбежала на кухню встревоженная мать. – Что произошло?

Увидев на полу два огромных кургана, один из чищенной и очень грязной картошки и второй из ее очисток, она тоже заразительно захохотала. Так они и стояли обнявшись, поддерживая друг друга, чтоб не свалиться в припадке веселья.

Вскоре появились с ног до головы перепачканные дети. Сын инфантильно стоял, прислонившись к косяку двери, и безраз-

лично ковырялся в носу. Перепачканное лицо Оли с вдавленной губой, торчащие в разные стороны, как радиоантенны, жесткие волосы, ножки, сведенные внутрь, ручки, скрещенные на груди... и вся ее фигура походила на воинствующего ежа, ждущего новой расправы.

Мать, вытерев слезы, обняла дочь и поцеловала:

– Ты у меня самая-самая лучшая, лучшая и любимая! Этот подарок мне приятен и дорогого стоит. Спасибо вам, милые мои дети. Идите спать, мои хорошие, а мы тут с папой немного приберемся.

Теперь у всех соседей по улице в этот день в меню праздничного стола входила картошка: жареная и отварная, фри и пай, рулеты, запеканки, оладьи... С мясом и без, с грибами и курицей, драники и пирожки...

## ОМОНИМЫ

Окончив в 1986 году пятый класс, Оля в третий раз поехала в пионерский лагерь. Где-где, а там она знала всё и всех и ее, естественно, тоже знали и, честно сказать, побаивались. Здесь Ольге нравилось всё – простор, воля, всеобщий пофигизм и свобода, свобода во всем – в поведении, поступках и действиях. Здесь никто и никогда ей не перечил, потому как знали: во-первых, бессмысленно, а во-вторых, себе дороже, ведь нервные клетки никогда не восстанавливаются. И она, взнуздав боевого коня и оголив шашку, возглавляла все мероприятия, командовала старшими и младшими, короче... была всегда и везде на переднем крае. Тут она никого не боялась, кроме разбитной восьмиклассницы Милы Звездной, рыжей, конопатой девочки, которая могла, ни капельки не задумываясь, кого угодно огреть палкой или лупануть кулаком в лицо.

Пионервожатые, когда не справлялись со своими детьми, а не справлялись они часто, прибегали к помощи Ольги, а уж она навести порядок могла быстро.

За два месяца до окончания школы в их класс пришел новый ученик, Лева Дрищ, мальчик тихий, худой и бледный.

Из-за болезненности Левы родители продали дом на севере и переехали жить на юг.

– Олечка, – попросила мама Дрища, – ты девочка самостоятельная, присмотри за Левой в лагере, чтоб никто не обидел его и чтобы он не лазил куда ни попадя, – и она в качестве благодарности протянула ей в кулечке мармелад.

Ольга деловито шмыгнула распухшим от удара по нему мячом на футболе носом и клятвенно пообещала:

– Не волнуйтесь, Кира Борисовна, он у меня не забалует, и никто его не обидит, не переживайте, спите спокойно!

После распределения по отрядам и расселения по комнатам детей рассадили на скамейках перед сценой и директор, парень лет тридцати, военрук из городской школы, произнес речь, призывая быть послушными, дисциплинированными и примерными, строго выполнять распорядок дня, весело проводить время и обязательно хорошо кушать.

– Каждый из вас должен здесь поправиться минимум на килограмм. А кто прибавит в весе два килограмма, – улыбнулся он, – получит грамоту и пачку мороженого.

Дети весело зашумели.

– Оля, – потряс Лева Ольгу за платье.

– Чего тебе? Сиди и слушай, иногда это полезно, врага надо знать в лицо, – привычно засовывая губу в рот, прошептала она.

– Оля, у меня голова кружится.

– Держись, сейчас, – она подняла руку.

– У тебя вопрос, девочка? – прервал свою пламенную речь директор.

– Дрищу плохо, – деловито произнесла она.

– Дети, – директор обвел всех взглядом, – когда кто-то хочет что-то спросить или задать вопрос, должен вначале представиться и назвать номер своего отряда. Поняли?

– Да-а-а-а! – прокричали дети.

- Молодцы! Кто ты, девочка?
- Плохо Дрищу!..
- Это я уже слышал. Кто ты, представься!..
- Оля Чемерисина. Отряд номер два.
- Оля, запомни: вопросы надо задавать, когда выступающий закончит свою речь. Поняла?
- Дрищу плохо!!! Вы что, меня не слышите?
- Я это уже слышал. Запомни, «дрищу» – плохое слово. Надо говорить: какую или оправляюсь...
- Раздался веселый смех.
- Сейчас тебя посмотрит доктор. Где наша Раиса Матвеевна?
- елейным голосом спросил он.
- Она за весами поехала.
- Их нельзя было сразу привезти?.. У нас если не понос, то золотуха... У кого ключи от медицинского пункта? – в голосе появились металлические нотки.
- Она не оставляла.
- Было слышно, как директор скрипнул зубами и что-то глухо пробурчал. Немного помолчав, зло крикнул:
- Детям разойтись по своим комнатам! Обслуживающему персоналу остаться!
- Ольга замахала рукой.
- Что случилось? – подбежала к ней старшая пионервожатая.
- Дрищу плохо! Вот, ему, – ткнула она пальцем в бледного мальчика. – Фамилия у него такая – Дрищ... Это понятно? Я говорю, а этот болван меня не понимает.
- Тихо! Рот закрой! Нельзя так говорить про директора.
- А ему можно?.. Какать, писать... Почему не срать?..
- Алексей Семенович, это мальчику плохо. У него фамилия Дрищ. У меня в комнате нашатырь есть и капельки сердечные. Я сбегать?..
- Идите, все идите! Никого не хочу видеть!..



\* \* \*

Вечером в полутемной столовой за столом сидели директор пионерского лагеря Алексей Семенович, старшая пионервожатая Аллочка, доктор Валентина Романовна и Сергей Сергеевич, завхоз. Они что-то пили, громко разговаривали и весело смеялись. А Оля и Лев сидели на лавочке под фонарем у санчасти и играли в карты.

Оздоровление началось, и у всех оно началось по-разному.

## ЛЮБИМЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЕРОЙ

### 1

Вот и позади восьмой класс!

Но это пока слишком громко сказано. Впереди маячили экзамены, выпускные экзамены восьмилетки. И первый – сочинение.

Было четыре темы: «Что делает Чацкого смешным в глазах окружающих людей?» по комедии «Горе от ума» Александра Грибоедова, «Почему А. С. Пушкин называет Татьяну своим «милым идеалом?» по роману в стихах «Евгений Онегин», «Мой край родной» и «Мой любимый литературный герой».

Оля училась хорошо, но противоречия и расхождения со многими учителями во взглядах по всем, практически, вопросам мешали ей стать отличницей.

Ответы по всем темам она знала, но и здесь не обошлось без ее природного авантюризма.

Сосредоточенно зажав верхнюю губу в рот, Ольга каллиграфическим почерком вывела: «Мой любимый литературный герой».

«Мой любимый литературный герой – Колобок! Я ему сильно симпатизирую, хотя он и имеет массу недостатков. Его родители, Бабушка и Дедушка, были людьми преклонного возраста, и детей у них не было.

Правда, одни ученые утверждают, что не было их по причине болезни одного из родителей. А вот кого?.. Археологами найдено одно наскальное упоминание, что болен этим делом был дед, который в молодости провалился по пьянке под лед и просидел в холодной воде два с половиной часа. Но точного научного подтверждения, что это был именно этот дед, нет.

Другие ученые говорят, что детей было двое, мальчик и... мальчик.

Старший был у Ясона на корабле «Арго» штурманом и ходил с ним в Колхиду за золотым руном. Когда возвращались обратно, корабль попал в страшный шторм и Евримидон, так звали его, был смыт волной за борт и сгинул в морской пучине.

Второй, Мирон, был проводником у Суворова, когда тот переправлялся через Альпы. То ли он был засланный казачок, то ли просто-напросто заблудился, но повел армию совершенно в другую сторону. Вскоре генералиссимус сориентировался по звездам и без суда и следствия Мирона расстрелял.

Ученый из Хакассии в своей диссертации пытался доказать, что у Деда и Бабы была еще и дочь, но следы ее потерялись в Тридесятom государстве.

Жили супруги бедно, старенькие были, нигде не работали, да и помочь некому. А жрать хочется. Вот и просит Дед Бабку испечь ему Колобок.

– А где я тебе на него муки наберу? Ты колоски осенью ходил воровать? Если и ходил, то раза три, не более, а все на завалянке с мужиками курил... Кури дальше! Скоро и картошка закончится, лебеду жрать будем. Хорошо, что весна наступила... Ягоды, грибочки... Рыбку в пруду можно наловить...

– Много говорить стала! Пойди в чулан, поскреби, помети по полкам, авось и...

Боялась Бабка мужа своего, уж больно крут бывал, нет-нет и кулаки мог в ход пустить. За долгую жизнь, – Оля языком посчитала, сколько у нее во рту зубов, – лишил он ее всех... – она еще раз провела языком из стороны в сторону. Их количество у человека она не знала, – тридцати пяти зубов.

Тяжко вздохнув и проклиная судьбу, бедная старушка, горестно вздохнув, пошла в чулан, поскребла по полочкам, помела по ним и... набрала почти три горсти муки, замесила тесто, скатала Колобок и поставила его в печь.

Как видно, рождение Колобка на белый свет, как и всего грандиозного, произошло через насилие и муки.

Через час Бабушка вынула шедевр кулинарного искусства из печки, обмазала маслом краснощекого, пригожего, аппетитного раскрасавца Колобка, положила на тарелку и поставила на подоконник остывать.

Лежал Колобок на этой тарелке, смотрел лупоглазыми глазами на зеленую травку, желтые одуванчики, порхающих бабочек и мотыльков, слушал чирикание воробьев и вдруг задумался о цели своего существования.

«Вот я остыну, – думал он, – и этот безобразный старик, храпящий сейчас на кровати, разрежет меня, а потом с этой беззубой старухой и сожрут».

Колобок от такого ужаса вздрогнул, рот заполнился кислой противной слюной непропеченного теста, затошнило, и стали одолевать мысли ненормативного характера.

– Я им что, мальчик для поруганья? Поигрались и... Мне страшно, мне жутко... Неужели нет выхода?

Сзади заскрипела кровать, послышался скрип блаженной зевоты.

– Нет! Не хочу такой участи! – он закрыл глаза, прыгнул вниз и покатился. Катится Колобок, катится и от внезапно нахлынувшего счастья запел первое, что пришло в голову: «Я от Дедушки ушел, я от Бабушки ушел...». А другого прийти ничего не могло, места глухие были, репертуар устоявшийся, не меняющийся тысячу лет, а может, и больше.

И вдруг навстречу ему Заяц.

– Колобок, Колобок, я тебя съем!..

Несусветная глупость. Зайцы не едят хлеб. Вся эта лож рассчитана на малых детей. Вот так вот сказочка воспитывает детей на лжи.

Колобок поет ему песню, в которой рассказывает, от кого он ушел, и катится дальше.

Потом совсем идет сплошная глупость, где Волк и Медведь показаны не матерыми зверьми, а доверчивыми и недоразвитыми ягнятами. Какой-то кусок бездрожжевого непропеченного хлеба обводит их вокруг пальца.

Из этого вытекает, что и медведя, и волка надо ставить в один ряд с зайцем, что их не следует бояться, а увидев, не бежать от них в ужасе, а наоборот, весело и празднично – к ним.

В этом эпизоде Колобок проявил себя молодцом! Он хитростью, наглостью, изворотливостью и бесцеремонностью уходит от этих, с позволения сказать, лютых зверей, оставляя всех в дураках. Именно здесь его ловкости и проворству стоит поучиться.

И все же в этой жизни хитрость и лесть побеждают все эти качества. Теперь уже Лиса, в полном смысле этого слова, обводит Колобка вокруг носа. На то она и женщина!!! Сколько мужских судеб эти самые женщины искалечили и погубили! И эта сказка является еще одним подтверждением.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что нельзя быть наивным, нельзя думать, что все другие дураки и их можно облапошить, и что на каждую хитрость всегда найдется сверххитрость.

Вот такой вот мой литературный герой».

## 2

Экзаменационная комиссия была просто обескуражена подобным откровением ученицы восьмого класса. Она долго думала, как поступить. Выносить это на широкую публику строгие учителя побоялись, страшась огласки...

За содержание поставили «удовлетворительно», за грамотность «отлично», и в итоге оценка оказалась хорошей.

# НЕФЁД И ЕГО НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ



## Взрослая сказка для театра

Действующие лица:

Король (вид сформировавшегося алкоголика, 57 лет).

Королева (47 лет).

Агриппина (мать королевы, 63 года).

Их дети: дочь Агафья (30 лет) и сын Андрей (26 лет).

Царь Гвидон.

Исай (рыцарь печального образа).

Трататуй (турецкий принц).

Нефёд.

Караульный.

Придворный.

Премьер-министр.

Оксана (дочь Нефёда, 16 лет).

Леший.

Бабка.

Парень.

Михаил.

Кощей.

## АКТ ПЕРВЫЙ

В е д у щ и й :

Было это али нет,  
Кто теперь нам даст ответ?  
И в каком то было царстве,  
Может, даже государстве?..  
Может летом, мож, зимой,  
В будни или выходной...  
Многие уже забыли,  
Что в то время люди жили:  
Самолеты не летали,  
Никого не избирали,  
Не работало метро,  
Не изобрели кино...  
Травкой ложе устилали  
И детей на свет рожали...  
Это сказка али быль?..  
Вытрем вековую пыль...  
Правил той страной король,  
Старый, хмурый, мрачный, злой.  
Всех, кто рядом, – обижал,  
Люд от страха весь дрожал.  
Королева с ним жила,  
Дочку с сыном родила.  
Дочь – Агафья, сын – Андрей...  
Оба батьки чуть страшней.  
Король пил, играл, гулял,  
Андрей страную управлял.  
Дочь – хотела замуж очень,  
Всё считала, сколько вёсен  
Ей осталось еще ждать,  
Род мечтала продолжать.

Открывается экран.

## Действие первое

Агафья лежит на тахте.

Агафья:

Мамка, мне приснился сон:  
Залетал к нам купидон,  
Лег в постель, меня обнял,  
Аж случился со мной жар.

Королева:

Снится купидон к любви.  
Из дому не выходи.  
Заглянуть должён Гвидон...  
В спешке моется салон...  
Будет несколько царей,  
Даже приглашен ди-джей.

Агафья

*(цыкает языком):*

Ох уж этот мне Гвидон!  
Он не царь, а охламон.  
Весь в прыщах, седой, рябой –  
Лучше в петлю головой.



К о р о л е в а :

Эко дура, твою мать!  
Замуж бы тебя отдать...  
У тебя же тоже харя,  
Что у батьки-государя.  
Выпьешь водки аль вина –  
Красавцем станет сатана.  
Как засветится заря,  
Кликну я богатыря.  
Он для верности твоей  
Врежет палкой меж бровей.  
Чтоб под глазом рдел синяк,  
Ну а суженый никак  
Отвертеться бы не смог...  
Несмотря на монолог.  
Чтобы драки избежать,  
Надо быстро всё прервать.  
Ты же знай себе ори,  
Все что хочешь, то и ври:  
Мол, насильник, мол, дурак,  
В койке только лишь смельчак!..  
И ночнушку изорви.  
Бог тебя благослови (*крестит дочь.*)

А г а ф ь я :

Ой, чавой-то я боюсь.  
Можно, я слегка напьюсь?..

К о р о л е в а :

От же дура, вся в отца –  
Алкоголика, лжеца,  
Бабника и тугодума,  
Пожирателя изюма.  
С глаз моих немедля сгинь,  
А то отправлю в монастырь.  
Не веди со мною спор.  
Всё! Закончен разговор!



Входит Андрей .

А н д р е й :  
Что сейчас творится в доме?  
Батька пьяный лежит в коме,  
Сдвинут трон, вставляют свечи...  
У нас будет званный вечер?

К о р о л е в а :  
Да, сберётся ноне знать,  
Их готовимся принять.  
Я хочу вот эту кралю  
(указывает на Агафью.)  
Кавалерам показать.

А н д р е й :  
Чтобы ею восхититься,  
Надо крепенько напиться.  
Предлагаю хитрый ход,  
Нужен здесь иной подход...  
Ночью подложить в кровать,  
А под утро заорать:  
Обесчестил, мол, зараза,  
Мол, довел дочь до экстаза,  
Мол, беременна она,  
До сего была честна.

К о р о л е в а :  
Верно, сын, вот и займись,  
С пониманьем отнесись,  
Тридцать бухнуло весной,  
Стала грубой, толстой, злой.  
Усы лезут, борода...  
Вот несчастье, вот беда!

А н д р е й :  
Ладно, ты не суетись  
И неистово молись.



## Действие второе

За длинным столом сидят: король, королева, Агафья, Андрей, Гвидон, Исай (царь соседнего государства) и Трататуй (турецкий принц).

Король:  
Вот и свиделись, друзья,  
Добрый вечер, кажу я!  
Надо, други, всем решить,  
Как нам в этом мире жить?  
Леший ноне мутит воду,  
Ждет ненастную погоду.

Стал бессовестным Кощей,  
Жрет в стране моих людей.  
В прошлом годе в ноябре  
Перепись прошла в стране,  
Так семь душ не досчитались...  
*(Горько, с дрожью в голосе.)*  
Даже дети осквернились...  
Пьем за дружбу, за любовь...  
Стынет в жилах моя кровь!  
И за мир, и за успех.  
А не выпьем – будет грех...

Все пьют, закусывают, машут руками. Слышен шум и гам.

Г в и д о н :

Выпить, братцы, я люблю,  
Даже пью, когда я сплю.  
Вы забыли про Ягу,  
Про эту гнусную каргу.  
Стала красть у нас детей...  
Хуже даже, чем Кощей.

И с а й

*(обращается к Королю):*

Я скажу, любезный друг,  
Грустно здесь у вас вокруг.  
Вот сидит со мною чурка –  
То ли принц, а то ли урка?..  
Вишь, глазами как сверлит.  
Говорят, что трансвестит...  
У тебя живет Нефёд  
Вот уже двадцатый год.  
Хитрый, мутный и строптивый,  
Нерадивый, горделивый...  
Много спеси у него,  
Я б сгноил давно его!

Слышал, мутит он народ,  
Хочет взбунтовать весь сброд.  
Его надо извести...  
За совет меня прости.  
Ты пошли его туда,  
Где скрывается беда.  
Может, там его сожрут  
Или бóшку отвернут,  
Может, сгинет навсегда  
Или унесет вода.  
И еще сказать хочу...  
Не кривись, не огорчу.  
У Нефёда дочь с Полтавы,  
Это – град твоей державы,  
В гости утром прибыла.  
Разрумяна, весела...  
Губы – яхонт, дугой бровь...  
Взбудоражила всю кровь.  
Руки – словно два крыла,  
Брови сажей подвела.  
А красы – не описать...  
Если б эту девушку скрасть!

К о р о л ь

*(задумчиво):*

Как же мудр ты, Исай!  
Да... Пошлю... И пропадай...  
*(Радостно.)*  
Чтоб я делал без тебя?!  
*(Задумчиво.)*  
Точно... Жить в крови топя...  
*(Наклоняется к Исаю и шепчет.)*  
Слышь, сошлю его в леса,  
Там, где волк, медведь, лиса...

Королеву – в монастырь,  
На губе прижгу волдырь...  
К деве запущу сватов –  
К свадьбе я давно готов!  
*(Радостно смеется.)*

Т р а т а т у й :  
Чо есть сброд, бошка, Нефёд?  
Вашу речь ни хт разберет...

А г р и п п и н а :  
Нехристь, жри и не гунди,  
Наше дело впереди...  
Мы, когда сейчас напьемся,  
Вправим враз твои мозги.

А н д р е й  
*(наклоняется к Королю и говорит шепотом):*

Надо всех их напоить,  
Помоги вопрос решить.

Король понимающе наклоняет голову.

### **Действие третье**

В е д у щ и й :  
Крик раздался поутру...

А г а ф ь я :  
Ой, насилуют, помру!  
Помогите, мать, отец,  
Затерзал Гвидон вконец.  
Честь спасти не удалось,  
Ночь пришла – и понеслось!..  
От стыда теперь умру  
Иль из дома удеру!

### А г р и п п и н а

*(бросается на колени и вопит):*

Внученька! Не доглядела!..

*(Поворачивается к королю и бьется лбом о пол.)*

Зять, казни за это дело!

Ночью сон меня сморил,

Внучку он и полонил.

### К о р о л ь :

Мне давно б тебя казнить,

Ты ж и мне мешаешь жить.

Я пошлю тебя с Нефёдом,

Прощайся, теща, с домом.

Вон иди! Нефёда жди.

Ваша сказка впереди.

Чтоб не сдохнуть по дороге,

Не откинуть быстро ноги,

Провиант с собой возьми

И в пути читай псалмы.

*(Поворачивается к Гвидону.)*

Ну, Гвидон, чаво дрожишь?

Знай, от нас не убежишь.

Мне б лишить тебя хозяйства

За такое разгильдяйство...

Но чтоб не помнил я беды,

Даришь мне ты полстраны

И берешь Агафью в жены...

Дарю кольца золочены.

### Г в и д о н :

Слушать это горько мне.

Пьяный спал на топчане,

Спал один, а утром – крик.

Я вскочил, включил ночник...

Твоя дочь стоит орет,

На себе рубашку рвет,

Кровь стекает по ноге,  
Даже жутко стало мне.  
Я не трогал твою дочь.  
Нашу дружбу не порочь...  
Зятем стать твоим хочу,  
Свадьбу всю я оплачу.

К о р о л ь :

Вот и славно! Свадьбе быть!  
А сейчас – все водку пить!  
В танце пусть народ кружится  
Пьет, смеется, веселится!..  
*(Оборачивается к королеве.)*  
Что стоишь ты, как упырь?  
Сдам тебя я в монастырь.  
Будешь там поклоны бить,  
Небеса благодарить...

К о р о л е в а :

Если в монастырь уйду,  
Там тебя я прокляну!

К о р о л ь :

Убирайся с глаз моих!  
*(Она упирается, но ее уводят.)*  
Вот теперь и я жених!..

Т р а т а т у й :

Слышь, король, отдай мне бабу,  
Я ж продам ее арабу  
И в Стамбуле стану жить,  
Есть, гулять и водку пить.

К о р о л ь :

Трататуюшка, бери  
И в Стамбул скорей вали.

Трататуй кланяется, берет королеву под руку и уходит.

## Действие четвертое

Покои дворца. По коридору идет Нефёд.

Нефёд

*(спрашивает придворного):*

Ты не видел короля?

Придворный:

Он бухает почему зря!

Нефёд

*(подходит к караульному):*

Здесь у вас сидит король?

Ну-ка, братец, дверь открой,

Видеть надо короля,

Неча время тратить зря.

Вот стоишь ты на часах

У придворных на глазах

И не видишь, что творится

В регионах, областях...

Караульный солдат:

Не могу тебя пустить.

Вчѐра начал король пить,

Дочь с Гвидоном проводил,

Всем расправу учинил...

Сидит синий, хмурый, злой...

Начался у нас запой.

Во хмелю король наш крут.

Чуть чаво – берет он кнут

И давай кнутом лупить...

Можешь выть али вопить,

Он не слышит ничаво,

В глазах злоба у няво.



Нефёд:  
Не боюсь я короля,  
Неча тут пугать зазря.  
Я скажу ему два слова.  
Понял, голова садова?

Караульный солдат:  
Ой, страшусь... Боюсь... Иди...  
*(Машет рукой.)*  
Чую, порка впереди...

Нефёд:  
Да не бойся ты, чудака,  
Чай король наш не дурак.  
Он поймет, оценит, взвесит,  
Может, и покуролесит,  
Но тебя не тронет он.  
Понял ты мой лексикон?

Король сидит за столом в расстегнутом кафтане. На столе стоят бутылки. Корона валяется на полу.

Нефёд  
*(кланяется):*  
Разреши, король, войти,  
Не ворчи и не рычи.  
Это я пришел, Нефёд,  
Нужен свежий анекдот?  
Звал меня? Вот я пришел.  
Еле твой дворец нашел.

Король:  
А, Нефёдушка, дружок!  
*(Машет ладонью около лица.)*  
Ты что, жрал с утра чеснок?  
Хочешь водки? Я налью.  
Нет, вожжами запорю...  
*(Горестно вздыхает.)*



Что-то добрый я сейчас,  
Нет желанья вдарить в глаз  
Или пнуть ногою в пах,  
Чтоб увидеть, как в слезах  
Будешь ты в грязи валяться,  
С жизнью навек прощаться...  
Ладно, слушай, что скажу.  
Не скажу, а прикажу.  
Дам тебе задание я...  
Выйдешь завтра втихаря  
И попрешься полем, лесом,  
Чтоб увидеться там с Лешим.

Не фё д :  
Леший? Я его боюсь.  
Лучше в речке утоплюсь.

К о р о л ь :  
Я те, сволочь, утоплюсь.  
Не перечь, а то я злюсь.  
Я когда сердит и зол,  
Не поможет корвалол.

Не фё д :  
Эта нечисть вам зачем?  
*(Шепчет в сторону.)*  
Из ума, что ли, совсем  
Выжил немощный старик?  
Жаль, что пропил дробовик...

К о р о л ь :  
Слышал, он готовит рать,  
Собирается напасть?  
С ним война мне не нужна,  
Щас ослаблена страна.  
Его надо отравить,  
А и силушки лишить.

Не фё д  
*(падает на колени):*  
Вот что, милый государь,  
Ты меня, пожалуй, вдарь!..  
Пусть идет мой брат, Иван,  
Он дурак и он болван...  
Выполнит Иван, что скажешь,  
Что велишь и что прикажешь...  
Знаю, знаю... Он пойдет!  
Леший смерть свою найдет...  
А ко мне явилась дочь,  
Так что мбзги не морочь!



К о р о л ь :

Всё! Устал! Пойди и скройся!

А за дочь не беспокойся...

Ну а если сгинешь ты,

Закажу соткать холсты

И портрет твой намалюю

И часочек погорюю.

*(Нефёд понуро направляется к двери.)*

Да, забыл тебе сказать...

И не смей мне обсуждать!

С Лешим порешав дела,

С леса выйдешь. Край села...

Но в село не заходи,

Твое дело впереди.

Влево сразу повернешь

И тропиночкой пойдешь.

А идти – верст шестьдесят...

Минуты быстро пролетят.

Ты Кощею скажи так:  
Пусть возьмет, коль не дурак,  
Себе Пензу и Тамбов,  
Конотоп, Рязань и Псков.  
И творит там что угодно,  
Лишь бы мне жилось удобно.  
А потом найдешь Ягу,  
С ней тебя остерегу,  
В политесы не вступай,  
Атакуй и нападай.  
Есть у ней такое зелье,  
Что хранится в подземелье...  
Это зелье на корнях,  
Мхе, бамбуке и грибах...  
Восемь капель надо пить,  
Баб чтоб сексом изводить.  
Ты его у ней возьми  
И быстрее ко мне иди.  
*(Зевает, показывает рукой на дверь.)*  
Стоп! Давай-ка на дорожку  
Поиграй мне на гармошке,  
Задремлю, так ты ступай...  
Чаще дочку вспоминай.

Нефёд играет на гармонии. Голова короля падает на грудь. Нефёд уходит.

### К о р о л ь

*(просыпается, кричит):*  
Караульный, подь сюды!  
*(Входит караульный солдат, отдает честь.)*  
На столе смени плоды...

## Действие четвертое

В е д у щ и й :

Тьма, не видно даже зги,  
Даже плавятся мозги.  
Тихо. Филин где-то ухнул.  
Наш герой от страха пукнул.  
Давит в уши тишина.  
Со рта капает слюна...  
Наконец вошла Луна,  
Завизжала мошкара,  
Жабы глухо закричали...  
А Нефёдушка в печали  
Идет тихо, сторожится,  
Грубо очень матерится.  
Теща царская плетется,  
То завоет, то смеется...  
Шли пустыней, полем, лесом,  
Опасались встречи с бесом.

Н е ф ё д

*(поворачивается к Агриппине):*

Ты на кой со мной идешь?  
Что там воешь, что поешь?

А г р и п п и н а :

Да закрой, поганец, рот,  
Лучше дай мне бутерброд.  
Что тебе сказать хочу:  
Злобу сильную точу...  
Зятю, падле, отомщу  
И обиду – не прощу!  
А тебе я помогу,  
От несчастий сберегу.

Это место (*показывает рукой*) знаю я,  
На болоте есть ладья,  
Щас с тобой туда пойдём,  
В нее сядем, поплывем.  
Потом лесом, потом полем...  
Подкрепимся алкоголем?..  
(*Достают бутылку, выпивают.*)  
Сейчас ляжем, будем спать,  
Утром – Лешего встречать.

Не фё д :  
Ой, откуда ты всё знаешь?  
Так уверенно шагаешь...  
Лешему ты не родня?..  
Только не пугай меня!

А гри п п и н а :  
Если не продашь – скажу,  
С Лешим я давно дружу.  
Когда в девках я была,  
С теткой у него жила.  
Он насильничал меня.  
Вот такая вот херня!

Не фё д :  
Вот так новость, вот те раз...  
Сотворю сейчас намаз!  
Нечисть с нечистью живет,  
И к чему всё приведет?!

А гри п п и н а :  
Ты, Нефёд, меня не зли,  
Мы с тобой сейчас вдали...  
Вот возьму и сдам тебя,  
Лешего в себя влюбя...  
Одна нечисть на земле,  
Вот что я скажу тебе.

Тоже мне святой нашелся!..  
Эко, сразу разошелся...  
У меня какой-то тик,  
В душу ты мою проник,  
И себя не узнаю...  
Я, Нефёд, тебя люблю!  
*(Бросается ему на грудь.)*

Не ф ё д  
*(в сторону):*

Ёлы-палы, как же быть,  
Как сейчас мне поступить?  
Обезумела старуха!  
Может, дать сейчас ей в ухо?  
Ну убью, и что тогда?  
Здесь останусь навсегда.  
*(Говорит громко.)*  
Агриппина, солнце, свет,  
Вспомни, сколько тебе лет...  
Нам сейчас не до любви,  
Леший – вот что впереди.

В е д у щ и й :  
Лес то смолкнет, то шумит,  
Галка за бугром кричит.  
Жутко. Быстро ночь идет,  
По небу Луна ползет...  
Вдруг всё стихло. От болота  
К ним шагает тихо кто-то.  
Сразу оробел герой,  
Враз под юбку головой  
И лежит там, затаясь,  
Не дыша, не шевелясь.



Л е ш и й :

Это кто сюда явился?  
Кто, как мышка, затаился?  
Чтобы не было беды  
Али классовой вражды,  
Быстро встань передо мною,  
Словно лист перед травой!  
А не выйдешь, то пеняй,  
В царство Божье ковыляй.

А г р и п п и н а

*(томно):*

Леший, здравствуй, не признал?  
*(Кланяется.)*  
Не вгоняй меня в астрал...  
Агриппина я. Не помнишь?..  
О которой тосковал...

Л е ш и й :

Агриппина? Ты? Мой свет!..  
Сколько пролетело лет?..  
Дай, родная, обниму,  
Дай тебя к груди прижму...  
*(Смотрит на нее.)*  
Та же дивная краса,  
Та же толстая коса,  
Тот же взгляд, прямой и томный,  
Милый, ласковый, нескромный...

А г р и п п и н а :

Дурачок, я вся горю,  
Поцелуем одарю.  
*(Целует и гладит Лешего по спине.)*  
Милый дух, хранитель леса,  
Брат Яги, племянник Беса...



Леший:

Вспомнила мою родню...

*(Вытирает ладонью слезящиеся глаза.)*

Гриппа, я тебя люблю!

Приглашаю к себе в дом,

Что стоит за тем бугром...

*(Показывает пальцем.)*

А г р и п п и н а :  
Подожди. Я не пойму...  
Голова пуста, в дыму...  
Ведьма там с тобой живет,  
Меня ж со свету изживает.

Л е ш и й :  
Гриппа, я теперь вдовец!  
Стал свободным наконец.  
Шáбаш правила тем летом...  
Я ее убил кастетом!..  
Здесь живу теперь один,  
Одичал, как бедуин...  
*(За спиной Агриппины зашевелился Нефёд.)*  
Кто там за тобой таится?  
Кто трясется и боится?!  
*(Отстраняет ее рукой.)*  
Кто таков, зачем, откуда?..  
Отвечай быстрее, паскуда!

Н е ф ё д :  
Я Нефёд! От короля.  
Просит мир до февраля.  
Не ходи на нас войной,  
Дай стране нашей покой.  
Агриппину заberi  
Аль Германию возьми...

Л е ш и й :  
Хорошо, Нефёд, ступай,  
Нас с женой не забывай.  
Мы теперь твои друзья,  
Приглашаю до жилья.  
Отдохнешь, поешь, поспишь...  
Да не бойся! Что дрожишь?  
Дале ты куда идешь?  
Может, рашпиль мой возьмешь?

Не ф ё д :  
Я иду сейчас к Кощею.  
Выживу, ко́ль обмануть сумею.  
*(Горестно.)*  
Как его мне одолеть,  
Как с лица земли стереть?  
Рашпиль ты даешь, зачем?  
Можно, мяса кусок съем...

Агриппина достает еду из холодильника, ставит на стол.

Ле ш и й :  
Рашпиль – нужная вещица,  
В твоём деле пригодится.  
Он имеет вещество,  
Что содержит колдовство.  
С энтим можно воевать,  
Побеждая в бою рать,  
Можно даже обездвижить  
Или череп отчекрыжить.  
Без него, хочу сказать,  
Тебе Кощеюшку не взять!..  
Дам тебе еще ежа:  
Тот, в неистовстве дрожа,  
Может больно уколоть,  
Кожу повредить и кость.  
Он в иголках держит яд...  
Ты подаркам моим рад?

Не ф ё д :  
Если так, поклон тебе,  
Что печешься обо мне.  
Может, знаешь, как Кощея,  
Рашпилем с ежом владея,  
До могилы довести  
И еще себя спасти?

Л е ш и й :  
Знаю, знаю, расскажу  
И дорогу покажу.

Н е ф ё д :  
Как идти, король сказал,  
Даже план нарисовал.  
Наш король ему дает  
Пензу, Псков и Конотоп...  
Я ж хочу страну спасти  
И Кощея извести.

Л е ш и й  
*(удрученно):*  
Да, Нефёд, ты не глупец!  
А король – большой подлец.  
Его нужно изводить,  
Надобно народ мутить...

Н е ф ё д :  
Знаю, просвещен умом...  
Изведу его дурдом...  
Я Кощея уморю,  
Обстановку накалю,  
Сбросим с трона короля,  
И к себе возьму тебя.

Л е ш и й :  
Ты пока что не мечтай,  
Много ешь и не болтай.  
Дай мне план, я посмотрю,  
Может, что и разъясню.  
*(Леший читает бумагу,  
а Нефёд с аппетитом ест.)*  
Кропотливый сделан труд,  
Верен у тебя маршрут.  
А идти – четыре дня,  
Лень и скуку отгоня.

И в дороге ты не спи:  
Ведьмы высосут мозги,  
Ум и разум отберут,  
Тело в клочья разорвут.  
У тебя же будет еж,  
Здесь его и привлечешь...  
Кто б не встретился в пути,  
От себя всех прочь гони.  
Может, женщина, старуха,  
Парень али молодуха...  
Это – Ведьмина игра...  
Ну, ложимся, спать пора.  
*(Направляется к двери,  
потом резко поворачивается.)*  
Ой, забыл, иди сюда.  
*(Разворачивает на столе бумагу,  
что-то показывает на ней.)*  
Справа речка, там вода.  
Не купаться и не пить,  
Рыбу тоже не удить.  
В этом дереве дупло,  
Оно плющом заросло.  
В нем ты можешь отдохнуть,  
Брынзу съесть аль прикорнуть.  
Если ты не близорук,  
В том дупле найдешь сундук,  
Крышку тихо подними,  
Да смотри – не упусти  
Зайца. Может убежать.  
Тогда вовсе не догнать.  
Ты в сундук ежа бросай,  
Крышку плотно закрывай.  
Минут десять погоди,  
В ожиданье посиди.

Ежа в торбу убирай  
И зайчишку доставай.  
В брюхе утка у него.  
Брюхо вскрой нешироко,  
Руку в чрево погрузи,  
Утку быстро задави...  
В ней яйцо. Его достань  
И путь к Кощею продолжай.  
Яйцо спрячь. Игла в яйце,  
Смерть Кощея – на конце...  
Йглу не спеша достал,  
Кончик быстренько сломал,  
Кощей тут же развалится...  
Прилетит к тебе Жар-птица,  
Тебя мигом заберет,  
К нам с Агриппой принесет.  
Понял ли меня, Нефёд?..  
Не скреби рукой живот.  
Рашпиль есть, не забывай,  
И чуть что – его бросай,  
Он начнет разить врага...  
Только не пусться в бега.

### **Действие пятое**

К о р о л ь лежит на кровати. В дверях стоит П р е м ь е р - м и н и с т р , маленький, круглый, лысый. Шляпа сдвинута на затылок. Он всегда пьян, весел и улыбается.

К о р о л ь :  
Расскажи, министр, мне  
Новости в моей стране.  
Ветер к нам откуда дует,  
Как живут простые люди.

Премьер-министр:  
Новости, владыка, есть,  
Их мне все не перечесть.  
Сёдня ветер дует в спину.  
Может, сбегать к магазину?  
Взять колбаски и винца...

Король

*(весело смеется):*

В магазин без продавца?  
*(Задумчиво.)*  
Молодость вернуть хочу.  
Быстренько сходи к врачу!  
Доктор в Африке живет,  
Он не курит и не пьет...  
Пусть морщины мне разгладит  
И потенцию поправит.

Премьер-министр:  
Разговор мне твой не мил,  
Может, ноне перепил  
Али вместо алкоголя  
Снова засосал чернил?  
Молодость зачем нужна?  
Иль вселился сатана?

Король:

Я, Премьер, хочу жениться...

Премьер-министр

*(удивленно):*

О как!.. Следует напиться!  
После – хорошо поспать,  
Потом эту мысль изгнать...



## Действие шестое

Идет Нефёд по дороге. Хромает, стерт ноги. Слышит, в кустах стон... Может, притон? Подбегает. Сидит старуха, держится за окровавленное ухо.

Старуха:

Ой, сыночек, помоги,  
Выбили мозги враги,  
Отобрали сумку, честь...  
*(Машет окровавленной рукой,  
пытается кровью обрызгать Нефёда.)*  
Дай мне что-нибудь поесть.

Нефёд

*(отпрыгивает):*  
Эко, бабка, ты даешь!  
Меня этим не проймешь.  
Тебе, что ли, голодухи  
Оторвали только ухи?  
Хочешь есть – возьми ежа,  
*(Бросает ей ежика.)*  
Дорогая госпожа.  
*(Старуха вспыхивает и исчезает.)*  
Фу! Вот это привиденье!..  
Еж, спасибо за спасенье!  
И тебе, мой милый Леший,  
*(Кланяется.)*  
Мне на выручку пришедший.  
Быстро, ежик, прыгай в сумку...  
Эх, сейчас бы выпить рюмку!..

Идет Нефёд дальше, беспрестанно зевает. Солнце припекает, жарко. Хочется лечь и уснуть. Видит, навстречу ему идет парень в соломенной шляпе, рубашка на поясице завязана, в руке букетик ромашек, во рту соломинка.

П а р е н ь :

Несказанно тебе рад,  
Друг любезный, милый брат...  
Я грущу среди полей,  
Обними меня скорей.  
Пойдем ляжем в холодок.  
*(Машет около носа рукой.)*  
Что ты жрал, поди, чеснок?

Н е ф ё д :

Ты меня не зацепляй...  
Ежик, миленький, спасай!  
*(Бросает ежа в парня,  
тот вспыхивает и исчезает.)*  
Ой! Спасибо тебе, еж,  
Честно, очень ты хорош!  
*(Парень вдруг неожиданно  
появляется перед ним и тянет руки.)*  
Что мне делать?.. Душит кашель...  
Может, бросить в него рашпиль?  
*(Быстро из сумки достает волшебный  
рашпиль и бросает в него. Парень рассыпается  
и превращается в песок.)*

## Действие седьмое

Раннее утро. У окошка сидит грустная О к с а н а . Она смотрит на улицу в ожидании, что вот-вот увидит отца. К дому подъезжает золоченая карета, из нее выходит нарядно одетый к о р о л ь . Оксана быстро повязывает на голову платок.

К о р о л ь :

Здравствуй, девица Оксана,  
Что не спишь? Еще так рано...

О к с а н а :

Государь, не сплю три ночи,  
Снится постоянно отче.

Где мой миленький отец?  
Неужель ему конец?  
Тут сорока прилетала,  
Вот что языком болтала:  
Мол, отец сидит в лесу,  
Пьет прохладную росу,  
Горло у него болит,  
Обострился тонзиллит.  
А цыганка мне сказала,  
Всё подробно описала,  
Что пошел он дальше в лес,  
Неся бубновый интерес.  
Что медведь хотел сожрать...  
Надо дальше продолжать?

К о р о л ь

*(поворачивается к Премьер-министру):*

Ты щас слышал эту хрень?..  
Форму новую надень.  
Истреби мне всех цыган!  
Слышишь? Или снова пьян?  
И потом в кратчайший срок  
Изведи мне всех сорок!  
Ну а где мой генерал?..  
Я, кажись, его не взял...  
Чтоб поставил здесь охрану,  
Дал солдатам по нагану...

П р е м ь е р - м и н и с т р

*(говорит пьяным языком):*

Будет сделано, король,  
Если нет – меня уволь!  
Мышь сюда не проскользнет, –  
Генерал тебя поймет...

К о р о л ь

*(обращается к Оксане):*

Мне еще полвека жить,  
Пользу людям приносить,  
Государство охранять  
И границы расширять...  
В жены я беру тебя.  
Будь хозяйкой у меня!  
Ты мене не прекословь  
И не двигай кверху бровь.  
Губки в бантик собирай  
И согласьем отвечай!

О к с а н а :

Извини меня, король,  
От супружества уволь.  
Не могу женой я быть,  
Станешь ты потом корить.  
У меня энцефалит,  
Корь, краснуха, менингит...  
Только оспой отболела,  
В гнойных язвах мое тело,  
А потом, бесплодна я,  
*(Улыбается в сторону.)*  
Как и вся моя родня.  
Вою ночью на Луну,  
В страсти – я сродни бревну...  
Ночью, извини, мочусь,  
А во сне порой дерусь.  
Вот такое у меня,  
Так что ты приехал зря.

К о р о л ь

*(крестится и быстро выбегает из дома):*

Господи, меня спаси,

От болезней огради...

Дай скорей защиту мне!

Пусть сгорит здесь всё в огне!!!

Дом Оксаны поджигают, он весь объят пламенем. Оксана выпрыгивает в окно и скрывается в лесу.

### **Действие восьмое**

Не ф ё д стоит на краю оврага. Снизу доносится какое-то шуршание.

Не ф ё д

*(шепчет):*

Боже, снова страшно мне,

Слышу сердце в тишине,

И испарина на лбу,

Я, наверно, убегу.

К о щ е й :

Чую я чесночный дух...

Нос от запаха распух.

Кто, скажи, сюда пришел –

Человек или осел?

Не ф ё д :

Я, Нефёд, от короля.

Не ругайся, Кощей, зря.

К о щ е й :

Ты зачем пришел ко мне?

Щас сожгу тебя в огне...

Мне не нужен ваш король...

Мира нет! И не неволь!

Жрал и буду жрать людей,

Стариков, старух, детей...



Объявляю вам войну!  
Ты теперь в моем плену.  
Ну и что твой царь хотел?  
Продолжает беспредел –  
Пьет, дерется и гуляет,  
Никого не уважает?

Нефёд:

Да, орет, гуляет, пьет,  
Бьется, матерно орет.  
Королеву изгнал прочь,  
Глаз поклат на мою дочь...

Кощей:

Ну тогда я всех сгною,  
Всю Отчизну разорю,  
А тебя, пожалуй, съем.  
Потом сбегаю в гарем,  
Войско стану собирать,  
Чтоб на вас, козлов, напасть!

Нефёд:

Ты не смей так говорить,  
Должен я тебя убить!..

Кощей:

Ты? Убить? Меня? Кощей?

*(Смеется.)*

Эка у тебя затея!

*(Тянет к Нефёду костлявые руки.)*

Знаешь ты, кто я такой?

Аль не дружишь с головой?

Нефёд

*(бросает в Кощей рашпиль. Кощей корчится в болях):*

Я нарушу твою твердь.

Вот яйцо, в нем твоя смерть!

*(Вынимает из кармана яйцо, разбивает его  
и достает иголку, пытается отломить кончик,  
но у него это никак не получается.)*

Что такое, ёлы мать!

Не могу конец сломать.

Кощей отбивает рашпиль в сторону и бросается на Нефёда. Они катаются по земле и тяжело дышат. Наконец Кощей изворачивается, садится на Нефёда, достает из ножен кинжал, поднимает его над головой и готовится нанести им удар в грудь Нефёда.

К о щ е й :

Всё, конец тебе, Нефёд!  
К тебе помощь не придет!  
Щас насквозь тебя проткну,  
Тотчас объявлю войну...  
*(Кричит что есть силы и оборачивается назад.)*  
Что там тычется мне в зад?!  
Боль, как будто попал в ад...  
Ежик, ты откуда взялся?  
Ты мешаешь, я же дрался...  
Что ты, еж, со мной творишь?  
В теле отчего торчишь?..

Нефед изворачивается, бьет Кощея в лицо и с криком «А-а-а-а» ломает иголку.

Гаснет свет.

## **АКТ ВТОРОЙ**

### **Действие первое**

На поляне густого леса сидит **Оксана** и горько плачет.

**Оксана** :

Что мне делать, как мне быть,  
Как и где теперь мне жить?  
Мамы нет, отец ушел,  
Король интригами извел.  
Вот сижу теперь в лесу,  
Тереблю свою косу.  
Кушать хочется и спать...  
Перспективы – не видать.



В лесу слышится хруст веток и рев. На поляну выходит огромный медведь. Из его глаз катятся слезы.

Оксана:

*(боязливо):*

Ой, медведюшка, скажи  
Да всю правду доложи:  
Плачешь, милый, почему?  
Дай тебя я обниму.

Медведь садится с ней рядом, она его обнимает, гладит по шерсти и целует.

Что с тобой произошло,  
В душе радость что сожгло,  
Почему на сердце мрак,  
Где обидчик, кто твой враг?

Медведь:

Девушка, меня не бойся,  
Не дрожи, не беспокойся...  
Не обижу я тебя,  
Расскажу щас про себя.  
Восемнадцать лет назад  
Падал с неба сильный град,  
Шел он сутки, всё побил,  
Затем дождь его сменил.  
В лесу выросли грибы,  
С братом в лес помчались мы.  
Там Кощей нас поджидал,  
Вмиг меня околдовал.  
Сразу превратил в медведя,  
Ну а брат родимый, Федя,  
В страхе быстро убежал,  
Заблудился и пропал.  
Вот история такая,  
С той поры живу страдая.

Оксана:  
Боже, милый мой медведь,  
Больно на тебя смотреть!  
Как тебя расколдовать,  
Чем теперь всё это снять?

Медведь:  
Если вдруг Кощей умрет,  
Колдовство всё отпадет.  
Его следует убить,  
Чтоб меня освободить!

В это мгновение всё меркнет вокруг, гремит гром, потом вспыхивает яркий свет. Рядом с Оксаной сидит невиданной красоты юноша, Михаил. Он еще не понимает, что произошло.

Михаил:  
Что сейчас со мной стряслось?  
Мое тело напряглось,  
На душе легко, светло,  
Будто солнышко взошло.

Оксана вскакивает, хлопает в ладоши и прыгает.

Оксана:  
Милый Боже! Это чудо!!!  
Ты – красивше изумруда.  
Шерсти нет, исчез дефект.  
Не медведь ты – человек!  
Чист и светел, как заря!  
Как теперь зовут тебя?

Михаил  
(горестно):  
В детстве околдован был,  
Имя я свое забыл.  
(Плачет.)  
Где родился, жил, не знаю,  
Оттого сейчас страдаю.

Оксана:

В этом нет большого горя,  
Буду звать тебя я Боря.  
*(Вскрикивает.)*  
Нет! Не Боря – Михаил!  
Ты ж медведем долго был.  
Имя нравится тебе?  
Любо это имя мне!

Михаил

*(улыбается):*

Я согласен Мишей быть...  
Трудно прошлое забыть.  
Мне тебя как называть,  
Как прикажешь величать?

Оксана:

А меня зовут Оксана,  
Назвала меня так мама.  
Я в Полтаве родилась...  
*(Горько плачет.)*  
Жизнь моя оборвалась...

Михаил:

Что случилось?.. Почему?..  
Ничего я не пойму.

## Действие второе

Дом Лешего. За столом сидит Агриппина, она вяжет носки.  
Леший лежит на кровати.

Агриппина:

Интересно, как Нефёд?  
И когда он к нам придет?

Леший:

Должен выдюжить мужик,  
Он хороший ученик.

Я ж подмогу дал ему...  
Приготовь мне шаурму.

А г р и п п и н а :  
Есть вареники с грибами,  
Мясо тушится кусками,  
Борщ, окрошка, винегрет,  
Колбаса... Вот наш обед!  
С шаурмой не приставай,  
Хватит спать, уже вставай,  
Или я возьму щас палку.  
Встал и быстро на рыбалку!  
Без сома не приходи,  
Либо будем мы враги.

Л е ш и й  
*(поднимается с койки, потягивается):*  
Чё подумал, Агриппина:  
Может, ты родишь мне сына?  
Нет, так подари мне дочь  
Может, ждать не будем ночь?

А г р и п п и н а  
*(радостно):*  
Скажешь тоже, старый хрен,  
Аль играет эстроген?

Л е ш и й :  
Мыслишь ты не широко  
И не знаешь ничего.  
Мужикам дал Купидон  
Для любви тестостерон.  
Знают то в монастырях...  
Кто там скрябает в сених?

Открывается дверь и входит улыбающийся Нефёд, кланяется.

Нефёд:  
Здравствуйте, друзья мои!  
Как же я устал вдали!..  
Это наяву аль снится?  
Но сейчас меня Жар-птица  
К вам доставила сюда...  
Прочь несчастье и беда!  
*(Смеется.)*  
Дайте мне попить воды  
После этой чехарды.

Агрипина:  
Батюшки!.. Нефёд!.. Пришел!  
И дорогу к нам нашел.  
Дай тебя я обниму,  
Дай к груди своей прижму.

Леший:  
Гриппа, ты не причитай,  
Стол быстрее накрывай!  
Душ, Нефёд, пойдя прими,  
Полотенечко возьми.  
А потом расскажешь нам,  
Как сходил к своим врагам.

Нефёд с полотенцем уходит.

Агрипина:  
Вот те чудо, вот те раз,  
Наш Нефёд опять у нас.  
Значит, он не зря ходил,  
Значит, всех он победил...  
Что за шум опять в сенцах?  
Слышу чьи-то голоса.

Открываются двери. С улицы входят Оксана и Михаил, а из душа Нефёд.

Оксана

*(радостно вскрикивает):*

Папка, милый, это ты!?  
Соткан мир из доброты!  
Ты не сгинул, не утоп...  
*(Видит повязку на ноге.)*  
Что, распух голеностоп?  
Я молилась день и ночь...  
Так хотелось помочь!  
Слеза радости бежит,  
Сердце счастливо стучит...

Отец и дочь обнимаются.

Нефёд:

Дочка милая моя,  
Как же я люблю тебя!  
Мой поход – сплошная мука,  
Тяжела была разлука.  
Всё сейчас не рассказать  
И пером не описать.  
Много было круговерти,  
Был на волосок от смерти...  
Ты как оказалась здесь? –  
Очень странный политес...

Оксана:

Я от короля сбежала  
И немного заплутала.  
Села на трухлявом пне,  
Горько, жутко стало мне...  
Тут медведь ко мне подходит,  
Разговор со мной заводит...  
Был Кощеем полонен  
И в медведя превращен.  
Вдруг погас мгновенно свет,  
Глядь – а рядом человек...

Видно, помер тот Кощей.  
Ты избавил всех людей?  
Полюбили мы друг друга...  
Я нашла себе супруга.  
Папа, нас благослови,  
Мишу сыном назови...

А г р и п п и н а :  
Сколько, Миша, тебе лет?  
Дай на это мне ответ.

М и х а и л :  
Завтра будет двадцать шесть.  
Разрешите мне присесть,  
Так устал, стоять нет мочи.  
Шли с Оксаной дни и ночи,  
К вам случайно забрели,  
Сотни верст пересекли.

А г р и п п и н а :  
Всех прошу за стол садиться,  
Мир над всеми воцарится...  
А скажи мне, Михаил,  
Федя, брат, у тебя был?

М и х а и л :  
Да, мне Федя – старший брат.  
С детства был он глуховат.  
За грибами мы пошли  
И в лесу беду нашли.  
Федя быстро убежал,  
А меня Кощей поймал  
И в медведя превратил,  
Долго я медведем был.

А г р и п п и н а :  
Вот так чудо из чудес!  
Миша, ты сейчас воскрес!..

Мой племянник, сестры сын...  
А отец твой армянин.  
(Плачет.)  
В горе год они скорбели...  
Моментально постарели  
И спустились в мир иной,  
Помешавшись головой

Михаил вскакивает, обнимает Агриппину и тоже плачет. Агриппина кладет руки на голову Миши и Оксаны.

Дети, вас благословляю,  
Счастья и любви желаю!  
И живите сотню лет...  
У меня такой завет!

Не фёд:  
В мире, радости живите,  
Внуков нам теперь дарите!

### **Действие третье**

Покои короля, перед государем стоит Премьер-министр.

Премьер-министр:  
В Африке полно вина,  
В бочке той не видно дна.  
А врачей там вовсе нет,  
То солгал всем нам поэт.  
Я бывал на Занзибаре,  
В Калахари и Сахаре,  
На горе Фернандо По,  
Где гуляет Гиппопо...  
Бродят там лишь обезьяны,  
Жрут кокосы и бананы.  
Как у нас, у них ангина,  
Скарлатина, холерина,  
Дифтерит, аппендицит,  
Малярия и бронхит!



Айболита вовсе нет.  
Вот даю такой ответ!  
Знахарь мне сказал такое:  
Меньше пить, больше покоя,  
В мире жить и не блудить,  
Подорожник с хреном пить.  
Я в дороге скис, зачах,  
Блеска нет в моих очах.  
Будем ждать, придет Нефёд,  
Тебе зелья принесет.  
Снова будешь, как джейран,  
Ныне здесь, а завтра там.  
*(Подходит к королю, широко расставляет руки.)*  
Позволь, страстно обниму  
И к груди своей прижму.  
Потом выпьем «Черный доктор» –  
Я купил его в Крыму.

К о р о л ь :

«Черный доктор», о вино!  
*(Поднимает большой палец.)*  
Я не пил его давно.  
Вон стаканы, расставляй  
И быстрее наливай!  
Буду ждать теперь Нефёда...  
Кликни баб для хоровода,  
Пусть поют они и пляшут,  
Прославляют царство наше...

П р е м ь е р - м и н и с т р

*(поднимает наполненный стакан):*  
За тебя, наш государь!  
Ты у нас здесь Бог и царь!  
Сердце отдано народу!  
За тобой – в огонь и в воду!  
Ничего, что груб и крут,  
Раны опосля пекут...

Можно много говорить.  
А сейчас мы будем пить!..

В е д у щ и й :  
Долго сказка наша длится,  
Много утекло водицы...  
В доме тикают часы,  
Каждый час звучат басы...  
Но не следует спешить  
Рукой стрелку подводить...  
Все герои на местах,  
Не забыть бы их впотьмах!..  
Слушать будем до конца  
Про Нефёда-молодца.

### **Действие четвертое**

Раннее утро. За столом пьют чай Агриппина, Леший, Оксана и Михаил.

Л е ш и й  
*(обращается к Нефёду):*  
Дам, Нефёд, тебе совет,  
Здесь живу я сотни лет,  
Знаю всё, и всех, и вся,  
По планете колеся.  
Нет сейчас Бабы Яги,  
У нее нашлись враги,  
Села в ступу, улетела,  
Платье новое надела.  
Где-то в Сочи промышленяет,  
Как беспутная гуляет...  
Травы, зелья забрала...  
Вот такие, брат, дела.

Н е ф ё д :  
Как же к королю идти?  
Как мне жизнь свою спасти?  
Сразу он меня убьет...



Леший  
(возмущенно):

Подними в стране народ!  
Сбросьте на фиг короля.  
В его кресло опосля  
Сядешь, будешь главой ты.  
Сожжешь плаху и кнуты...  
Честь по чести будешь править.  
Нечисть – по морю отправить  
Через море-окиян,  
Прям на островок Буян.  
Пусть на острове Буяне  
В гряди, сырости, тумане  
Эти варвары живут,  
Строя для себя уют!

Я к вам буду прилетать  
И границы защищать.  
Ну а вы, Оксана с Мишей,  
С бабушкой под одною крышей  
Внуков в радости рожайте,  
К нам на лето приезжайте.  
Здесь свобода, кислород,  
Мясо, жир и углевод.

#### А г р и п п и н а

*(обнимает Оксану и Михаила, плачет):*

Буду я без вас скучать,  
Всё подробно вспоминать.  
С Лешим нас не забывайте,  
Неприменно приезжайте.  
Пусть у вас живет любовь,  
В жилах пламенная кровь,  
В сердце только доброта,  
В помыслах лишь чистота.

#### Г а с н е т   с в е т .

#### В е д у щ и й :

Вот и сказочке конец,  
Все, кто слушал, – молодец!  
Наш Нефёд теперь король.  
Ввел запрет на алкоголь.  
Нам не изменить натуру:  
Полироль пьем, политиру,  
Самогон, одеколон,  
Даже, если есть, лосьон.  
Он, Нефёд, заматерел,  
Стал надменен, горд и смел,  
В то же время справедлив,  
Но порою был сварлив.  
Через год в княжну влюбился  
И как следует женился.

А Оксана с Михаилом,  
С Ангелом в душе двукрылым,  
Стали жить и поживать,  
Деток каждый год рожать.  
Королева понемногу  
Отдалась всецело Богу  
И теперь с монастыря  
Не ходила в люди зря.  
Ну а Леший с Агриппиной  
Жили тихо, дружно, с миром,  
Ягоды, грибы собирали  
И на рынок отправляли.  
Зимой Леший шубы шил  
И в столицу отвозил.  
Говорят, Баба Яга  
Жить осталась на югах.  
А в лесах о ней забыли,  
Страхом в сказках наделили...  
Дети Короля уплыли,  
Будто здесь совсем не жили.  
В Уругвае их встречали,  
А потом совсем пропали.  
Кто на острове Буяне,  
Пишут письма своей маме  
И ругают Короля,  
Матерятся почему зря.  
Повздыхают, постоят...  
И разводят поросят.  
Вот такая эта сказка...  
Может, где и неувязка...  
Автора за то простим,  
От нападок защитим!

К О Н Е Ц .

*Сентябрь 2020, с. Степовое*

# ИЗ БЕЗМОЛВНОГО

**Бриллиант, упавший в грязь,  
всё равно остаётся бриллиантом,  
а пыль, поднимавшаяся до небес,  
так и остаётся пылью.**



\*\*\*

А мудрые мысли у умного человека всегда возникают тогда,  
когда они ему необходимы..

\*\*\*

Жизнь на диване скучна и однообразна.

\*\*\*

Красотой можно только восторгаться, но не любить, ибо она  
ветрена и не терпит однообразия.

\*\*\*

Если человек талантлив, он талантлив во всем.

\*\*\*

Трагедия врача в его профессии. Но это касается только  
хорошего врача.

\*\*\*

Музыка – единственный инструмент, на котором душа гово-  
рит с душою! И даже не говорит, а поет.

\*\*\*

Глупое мнение всегда глупо!!!

\*\*\*

Кто интересно пишет, тот долго живет.

\*\*\*

Трудно словами общаться с глухими.

\*\*\*

Птицу высокого полета видно и за столом!

\*\*\*

Никогда дикари не смогут стать культурными людьми!

\*\*\*

Глупость, даже с умным лицом, всегда остается глупостью!

\*\*\*

Как бы сделать так, чтоб человек не стеснялся протянуть  
руку другому человеку!

\*\*\*

После ночи всегда наступает день... И ускорить этот процесс никак нельзя.

\*\*\*

Нельзя отыскать человека, не отягощенного проблемами, разве что душевнобольной их не имеет.

\*\*\*

Одному трудно нести душевную тяжесть.

\*\*\*

Лик смерти всегда страшен.

\*\*\*

В стране, где никогда не всходит солнце, люди не улыбаются.

\*\*\*

И грустить можно с веселым выражением лица.

\*\*\*

В юности очень хочется как можно скорее упорхнуть из родного гнезда. Но вот наступает старость – и начинаешь понимать, что тебе не хватает только тепла далекого родного очага... И очень хочется вернуться.

\*\*\*

Быстрое согласие наводит на мысль о неосуществимости задуманного.

\*\*\*

Почему порой яркий огонь любви быстро гаснет? Неужели его пламя все испепеляет и сжигает внутри? Почему кусочки подлинного, искреннего счастья, так долго искавшие друг друга, в один миг превращаются в горечь и скорбь? И где те великие силы, которые просто обязаны стоять на страже этого чистого и хрупкого чувства?

\*\*\*

Разлука для любви – что ветерок для огня: маленькую любовь он сразу тушит, а большая начинает полыхать еще сильнее.



\*\*\*

Не имеет значения, сколько вашему ребенку лет, – 5, 30 или 70, ваше сердце лишь тогда будет спокойно, когда он спит в соседней комнате.

\*\*\*

Книги – это наши бессмертные друзья. Их создают люди, обладающие сильным духом, богатые душой, огромным горячим сердцем и необузданной фантазией. Наша душа – это золотой кладезь, она живет только в мире чувств. Став писателем, ты выбираешь путь правды, а она бывает разной: жесткой и беспощадной, доброй и злой, откровенной и скрытой, с болью и радостью или бесстыдной и нескромной. Жизнь, о которой вы пишете, – это не скучная прямая линия, уходящая за горизонт, а постоянные повороты, зигзаги, ступоры и тупики, подъемы и падения, как и судьбы людей в этой круговерти. Каждый человек в вашем повествовании играет только одну, свойственную ему, определенную роль. Кто-то главную, кто-то эпизодическую. И эта их судьба, их жизнь, долгая или короткая, зависит от вашего таланта. И всё, что написано, пропущено через эмоции твоей души и сердца.

\*\*\*

Когда между влюбленными поселяется ложь, она начинает убивать любовь, но излишняя откровенность убивает ее значительно быстрее.

\*\*\*

Пока живет на земле сделанное тобой добро, ты бессмертен!

\*\*\*

В каждом рассказе, повести, романе живет нетленная мысль, только надо уметь ее понять, прочесть... Но с возрастом эта мысль может изменяться и трактоваться при прочтении совсем иначе.

\*\*\*

Писатель – это истинное лицо своих произведений. У грустных – грустное, у веселых – радостное.

\*\*\*

Любовь – это когда нравятся не только внешность и характер, но также и недостатки.

\*\*\*

Только выдержка и терпение открывают все двери.

\*\*\*

Пусть ваши воспоминания будут ярки, словно это реальные события.

\*\*\*

Поэзия – это хрустальный храм, в который можно войти только с открытой душой и даже босиком, но на цыпочках.

\*\*\*

Следуя по жизни, всегда ищешь родственную душу, но распознать ее должен ты сам. Никто за тебя это сделать не сможет.

\*\*\*

Окружай себя такими людьми, с которыми можно исцелять свои недостатки.

\*\*\*

Любовь – это непрекращающаяся борьба, в которой нужно только побеждать!

\*\*\*

Пишите для тех, кто умеет вас слушать. Их немало, просто они стесняются выражать мысли публично.

\*\*\*

Каждое ремесло подразумевает душевный порыв. А если его нет, то и сделанное тобой лишено всякого смысла.

\*\*\*

Великое счастье – наслаждаться жизнью и, конечно, жизнью в себе.

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>Я, ТЫ, ОН, ОНА, ВМЕСТЕ...</b>	Жарко!.. .....	162	
Выход в люди.....	7	Меланхолия .....	167
Комплексное лечение .....	10	Мистическая дата .....	169
Траектория жизни.....	25	Метод релаксации .....	171
Когда взрослеет душа... .....	66	Издержки медицины .....	176
Ох уж эти детки! .....	76	Непростая история .....	180
Перец с нашего огорода (76)			
Суки (77) · Паразит (80)			
У Кузьмича .....	83	<b>ОЛЯ</b>	
Кузьмич-2 .....	90	<b>ВЕРНУЛАСЬ</b>	
Телецвет .....	98	Загадки Нового года .....	188
Неоконченный разговор.....	106	Немного о медицине .....	195
Печать первой любви .....	126	Подарок своими руками .....	198
Пятиминутка .....	133	Омонимы .....	202
Поздняя осень жизни.....	135	Любимый	
Деградация .....	143	литературный герой .....	205
<b>СЛУЖБА НЕ МЕД,</b>		<b>НЕФЁД</b>	
<b>ДА И МЕД НЕ СЛУЖБА</b>		<b>И ЕГО НЕВЕРОЯТНЫЕ</b>	
От простого... .....	154	<b>ПРИКЛЮЧЕНИЯ .....</b>	<b>209</b>
Жертва любви .....	159	<b>ИЗ БЕЗМОЛВНОГО .....</b>	<b>258</b>

До десятої книги відомого миколаївського письменника увійшли нові твори, що вражають щирістю людського самовираження. Живе життя, блискучо окреслені характери, деталі побуту дивним чином притягують до себе, залучаючи в потік подій. Як справжній професіонал, він достовірно, захоплено, зі знанням справи описує суворі будні морської служби, при цьому демонструючи витончений гумор, що викликає у читача то регіт, то іронічну посмішку. Читач знову зустрічається з Олею – пустотливою, смішною, вередливою, але при цьому справедливою і щирою дівчинкою. Вперше автором представлено драматичний твір – казка для дорослих.

Яскраво і достовірно виписані образи і події змушують читача з нетерпінням чекати нової зустрічі.

*Літературно-художнє видання*

**Ф І Н О Г Є Є В**  
Олександр Віталійович

# **ВЕЧІРНІЙ БРИЗ**

*Повісті й оповідання*

*Російською мовою*

---

*Формат 60×84<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Ум. друк. арк. 15,3. Тираж 500 пр. Зам. № 534-609.*

**В И Д А В Е Ц Ь І В И Г О Т О В Л Ю В А Ч**  
Товариство з обмеженою відповідальністю фірма «Іліон».  
54038, м. Миколаїв, вул. Бузника, 5/1.  
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1506 від 25.09.2003 р.

Это новая, десятая, книга популярного писателя Александра Финогеева, мариниста, мастера диалога и юмора.

Он родился и вырос в поселке Беково Пензенской области. После окончания Ленинградской военно-медицинской академии 26 лет прослужил врачом на Черноморском флоте.

Автор книг: «В те дни в морях дороги наши были», «...И жизнь, и море, и любовь», «По местам стоять!», «В жизни не поверю!», «Миражи тумана», «Круги на воде», «Полоса прибоя», «Брызги океана. Избранное», «Тихая заводь».

Финогеев А. В. – член Союза писателей.  
Живет в городе Николаеве.

